МКУК «ЦБС»
города Кирово-Чепецка
ЦГБ им. Н. Островского
Отдел обслуживания

75 ПОБЕДА! 1945–2020

Бессмертный полк Кирово-Чепецка: *Книги и судьбы*

Информационное издание

г. Кирово-Чепецк
2020

ББК 63.3(2Рос-4Кир)
Б 53

Составитель, компьютерная вёрстка и дизайн обложки Е. А. Перимова
Ответственный за выпуск: О. А. Горохова

Бессмертный полк Кирово-Чепецка: Книги и судьбы : сб. ст. из газет «Вперёд» и «Твоя газета о ветеранах Великой Отечественной войны» / МКУК «ЦБС» города Кирово-Чепецка, ЦГБ им. Н. Островского, Отдел обслуживания ; сост. и комп. вёрстка Е. А. Перимова ; отв. за вып. О. А. Горохова. – Кирово-Чепецк, 2020. – 109 с.

Издание содержит непосредственные воспоминания жителей города Кирово-Чепецка – участников Великой Отечественной войны: фронтовиков, тружеников тыла, детей войны, узников концлагеря, опубликованных в газетах «Вперёд» и «Твоя газета» с 2006 по 2020 год.

В издании проведена параллель между судьбами наших земляков в Великой Отечественной войне и лучших произведений военной тематики кирово-чепецких писателей.

При подготовке материала использованы информационные ресурсы: каталоги, картотеки, книги, периодические издания, издательская продукция МКУК «ЦБС» города Кирово-Чепецка ЦГБ им. Н. Островского и материалы из открытых источников.

Пособие предназначено для широкого круга пользователей, интересующихся историей страны и родного края.

© МКУК «ЦБС» г. Кирово-Чепецка, 2020

Предисловие

В 2020 году исполнилось 75 лет со дня Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Это было самое тяжёлое испытание для нашей страны – за всю её историю. К родным очагам не вернулось 26,5 миллионов её сыновей и дочерей, в том числе свыше четырёхсот жителей Кирово-Чепецка пали на полях сражения. Пятнадцать ещё детьми были угнаны в фашистские концлагеря. Они отдали за честь и независимость советской Родины самое дорогое – свои жизни.

Всё дальше и дальше в историю уходят от нас эти исторические и грозные годы. Уже выросло не одно поколение, которое не испытало на себе горячего дыхания великой битвы и знает о ней из уроков истории, книг, фильмов и от тех, кто прошёл эту войну. Но ветераны уходят от нас, время берёт своё. Сегодняшняя правда такова, что героев, которые прошли все те страшные годы, становится всё меньше. А значит, исчезает живая память.

В каждом городе, селе, в каждой семье есть свои герои, «сыны» Родины, о которых мы – живые – должны помнить и передавать эту память следующим поколениям. И пусть их дела и подвиги не изучают в школах, но они вовеки запечатлены в истории нашей страны, нашего города.

Всё же хочется, чтобы слова «Никто не забыт и ничто не забыто» всегда были актуальными. И разбудить человеческую память – наша задача.

Поэтому увековечивание памяти о наших земляках, принимавших участие в Великой Отечественной войне, является актуальной в наше время.

Многие кирово-чепецкие писатели также испытали на себе все ужасы военного лихолетья. Поэтому в своих произведениях военной тематики они опираются на реальные события. Кто-то испытал их на себе, кто-то услышал от своих близких, ветеранов – участников Великой Отечественной войны.

С целью увековечивания «живых» воспоминаний участников войны Кирово-Чепецка было создано информационное издание «Бессмертный полк Кирово-Чепецка: Книги и судьбы».

Издание содержит непосредственные воспоминания жителей города Кирово-Чепецка – участников Великой Отечественной войны: фронтовиков, тружеников тыла, детей войны, узников концлагеря, опубликованных в газетах «Вперёд» и «Твоя газета» с 2006 по июль 2020 года.

Размещение воспоминаний построено на проведении параллели судеб наших земляков в Великой Отечественной войне и лучших произведений военной тематики местных писателей.

Пособие включает в себя разделы: «Вчерашние школьники» (подростки на войне); «Солдаты Великой Победы», состоящий из подразделов: «Меткие

стрелки: снайперы Великой Отечественной войны», «Медицинские работники в Великой Отечественной войне»; «В тылу», состоящий из подразделов: «Женщины в тылу», «С малых лет им пришлось трудиться» (дети и подростки – труженики тыла), «Детство, украденное войной» (дети войны); «В оккупации»; «Детство за колючей проволокой» (узники концлагеря).

Внутри разделов и подразделов размещены книги местных авторов по данной тематике и воспоминания ветеранов, опубликованные в алфавитном порядке. Издание снабжено именным указателем.

При работе были использованы каталоги, картотеки, книги, периодические издания, издательская продукция МКУК «ЦБС» города Кирово-Чепецка ЦГБ им. Н. Островского и материалы из открытых источников.

Пособие предназначено для широкого круга пользователей, интересующихся историей страны и родного края.

ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ

В двадцать лет
За плечами осталась война...
О. Любовиков

Любовиков, О. «Но снится, чёрт дери, всё тот же бой!» : стихи / О. Любовиков. – Киров, 2005. – 64 с.

Овидий Михайлович Любовиков – участник Великой Отечественной войны. На фронт ушёл добровольно, в 16 лет – из 10 класса. Его заявлением в военкомат стало проникновенное стихотворение «В строй», которое в ноябре 1941 года прогремело на всю страну из уст легендарного диктора Юрия Левитана. О. Любовиков воевал под Москвой, Новгородских землях, Прибалтике. Особенно тяжёлые бои, в которых он участвовал, прошли на озере Ильмень и под Старой Руссой. С войны Любовиков вернулся старшим лейтенантом. Через весь сборник стихов О. М. Любовикова «Но снится, чёрт дери, всё тот же бой!» проходит память о войне, фронтовых друзьях.

Как и Овидий Любовиков на фронт ушли многие девчонки и мальчишки, кому ещё не исполнилось 18 лет. И это подтверждают воспоминания ветеранов, которые в те далёкие дни были подростками и которым наравне со взрослыми пришлось идти на фронт...

Деветьяров Николай Ильич

На фронт наш земляк Николай Девятьяров отправился в августе 1942 года, шёл ему тогда восемнадцатый год. Жил с семьёй в селе Бахта. Уже работал машинистом электростанции – отец всему научил, толковый мужик был. Когда определили Николая в танковый полк, мечтал стать механиком-водителем – технику очень любил. Но выпало ему стать радистом, потому что грамотных (семь классов образования) мало в строю оказалось.

Вспоминает такой случай: «Были среди солдат-курсантов двое москвичей. И решили они сбежать домой из Горького. Убежали из части, нашли подполье, где картошка хранилась, стали её продавать, чтобы на дорогу денег накопить. Поймали их, судили тут же. Перед всем строем объявили: «Расстрелять!». Война в самом разгаре, дисциплина в войсках нужна была железная».

Первый бой Николай принял под Белгородом. Окапывались они в селе Мясоедово. До войны там было около 700 домов, после бомбёжек ничего не осталось, одни кладки печные. Маскировочную яму выкапывали до башни танка. А потом вручную таскали землю на расстояние около километра, чтобы враг ничего не заметил.

– В ночь перед первым наступлением, 5 июня 1943-го, никто не спал. Утром наши самолёты в атаку полетели. Ворон в стае меньше, чем этих самолётов. Сотня за сотней. Белгород почернел от снарядов. Через несколько часов наши танки в атаку пошли.

Примерно на пятые сутки сражения, когда освобождённый Белгород остался позади, танк Николая загорелся. … Открыл глаза в госпитале. Позже рассказали, что вытащил его механик Сахаров из другого танкового экипажа. После этой контузии плохо слышать стал. Из госпиталя выписался досрочно, как и другие добровольцы, – воевать было некому, много народа погибло.

Вернулся в строй Николай уже пехотинцем-пулемётчиком. Но кличка «танкист» за ним так и осталась. Второе ранение получил в боях под Харьковом, освобождая от немцев крупный железнодорожный узел Мерефу. В каменном доме на краю станции обосновался немецкий пулемётчик. Несколько солдат посылали убрать его, ни один не вернулся. Предложил тогда Николай враз четверым атаковать. Двоих снайпер положил, а Николай с товарищем его уничтожили. А вскоре побежали в атаку. Товарища убили, тот ещё накануне хотел молодой жене письмо написать, не успел… А его будто Бог пас. В кармане штанов лежала граната с запалом. И надо ж такому случится: разрывная пуля попала точно в гранату, но она не взорвалась, а только корпус рассыпался. Осколками ногу изранило. Да так, что в госпитале полгода лечился. Седалищный нерв был задет. Комиссовали его. Домой от станции шёл пешком. Костылей стеснялся, не взял. Еле дошёл, как потом признался.

За мужество сержант Деветьяров награждён орденом Великой Отечественной звезды I степени. А другая награда – орден Славы – нашла его спустя многие годы.

Записала С. Патрикеева

// Вперёд. – 2013. – 26 апр. (№ 17). – С. 5.

Лопатин Валентин Фёдорович

«Заговорённый» – так на фронте называли сослуживцы Валентина Лопатина, дивясь его редкостному везению, позволявшему невредимым выходить из всех передряг.

Родился Валентин Фёдорович в селе Фалёнки Кировской

области в 1924 году. Летом 1941 года, он вчерашний школьник, работал в поле на тракторе. О том, что началась война, узнал из радиопередачи. Мирная жизнь закончилась – понял сразу.

Первым на фронт ушёл старший брат Юрий и вскоре семья получила на него похоронку. Пришёл черёд взяться за оружие и остальным братьям. Валентина призвали в армию летом 1942 года. Отправили в Горький на шестимесячные курсы радистов бомбардировщиков СБ. Однако в авиацию он по состоянию здоровья не попал. А попал в отделение управления штаба моторизированного батальона автоматчиков при 8-й Гвардейской на танковой бригаде. В составе этой на 1-м Украинском фронте он и воевал до победного конца. Дослужился до старшинских погон, под его началом были 6 телефонистов и 4 радиста. Они обеспечивали связь штаба батальона с тремя ротами автоматчиков и танковой бригадой.

Впервые оказался на фронте в районе Звенигорода. Потом было много чего – Орловско-Курская дуга, Корсунь-Шевченковская операция, освобождение Польши… Войну закончил в Германии, в городе Голгау.

Первую контузию получил при близком взрыве авиабомбы. Услышав душераздирающий вой сирен пикирующего «Юнкерса», Валентин Фёдорович и второй боец бросились в неглубокий окопчик. Боец на дно, а Валентин Фёдорович на него сверху. Едва успели. Прогремел взрыв. Лежащему сверху Лопатину опалило волосы на затылке, он потерял сознание. Когда очнулся, обнаружил, что ничего не слышит, из носа у него течёт кровь, а боец, которого накрыл собой в окопе, – мёртв. Ни крови, ни раны на теле бойца не обнаружили. Сердце не выдержало...

Вторую контузию он получил от взрыва снаряда крупного калибра. И на этот раз повезло – между ним и взорвавшимся снарядом оказалась стена полуразрушенного здания. «Заколдованный, заговорённый» – шутили товарищи.

Особенно тяжёлые бои были на Курской дуге. Как считает ветеран, на том участке фронта, где был он, удержать оборону удалось во многом благодаря батареям зенитных орудий, установленным позади их позиций. По его словам, именно зенитчики своим прицельным огнём раз за разом срывали атаки немецких танков. В ответ немцы тоже не жалели снарядов, особенно плотным был миномётный огонь. В результате связь с тылами и снабжение надолго прерывались. Но голод не тётка – рядом с окопами горела деревушка, и солдаты по очереди, под огнём, ползали туда искать на пепелищах останки убитой скотины. Потом добытое с риском для жизни мясо варили в котелках прямо на пожарищах. Варили лёжа – вражеский огонь бывал настолько плотным, что и головы невозможно было поднять.

Как-то раз начальник штаба батальона Савутин послал Лопатина выяс-

нить, почему долго нет связи со второй ротой. Занимала эта рота позиции в части села, на другой окраине которого уже находились немцы. Под огнём, огородами пробрался связист в расположение второй роты, а от неё там осталось всего человек тридцать… Связи у них нет – радиостанция из строя вышла. Отступили они на окраину села и не знают, что делать. Принял командир роты решение – послать разведчиков, выяснить обстановку. Вызвал добровольцев – никто не отозвался. Ребята молодые, только-только призванные, и сразу в такое пекло попали… Молчат, глаза прячут. Наконец один парень вызвался. И Валентин Фёдорович тоже вышел вперёд.

Решили разведчики идти порознь – кто-нибудь да уцелеет, вернётся. Больше того парня-добровольца Валентин Фёдорович не видел. Сам он пробрался садами на противоположную окраину села, проник в крайний дом, поднялся наверх и увидел оттуда немцев, идущих через кукурузное поле… Рассмотрев всё, что надо было, он уже собирался назад, как его вдруг охватил азарт – прицелился и влепил очередь в двух ближайших фрицев, тащивших что-то тяжёлое – то ли миномёт, то ли ящик с боеприпасами. Потом спустился вниз – и бегом, садами, туда, где оставил то, что ещё недавно было второй ротой. Прибежал, а там только семеро раненых бойцов лежат. Оказывается, пока он в разведку ходил, оставшиеся от роты три десятка бойцов попали под миномётный обстрел. Те, кто остался цел, подобрали раненых, сколько смогли, пообещав прислать за оставшимися повозки с лошадьми. К счастью, атака немцев не состоялась: её сорвала наша тридцатьчетвёрка.

В штыковые атаки он не ходил – у связистов в бою другие задачи. Но быть приманкой в снайперской охоте довелось. Однажды подобрал он у нашего убитого бойца винтовку с оптическим прицелом. Замполит на неё «глаз положил». Приказал снайперскую винтовку отдать ему, а в утешение подарил связисту трофейный «парабеллум». И решил замполит выйти на снайперскую охоту. Напарником себе выбрал прежнего владельца винтовки – Валентина Фёдоровича. Выйти на нейтральную полосу они должны были засветло. Замаскироваться там в метрах в 15-20 друг от друга. Утром, как станет светло, обязан был Лопатин открыть пальбу по немцам, привлекая их внимание. Они, понятно, ответят. По мысли замполита, после нескольких выстрелов с немецкой стороны Лопатин притворился убитым. Ствол его винтовки при этом должен быть непременно задран вверх – чтобы уж совсем немцы ничего не боялись. А как станут они, ничего не опасаясь, высовываться из окопов, тут и попадут под прицельный выстрел замполита. Невероятно: трижды выходил на таких условиях на снайперскую охоту Валентин Фёдорович и остался жив. Даже не был ранен.

Войну он закончил в городе Голгау. Сберегая жизни своих солдат – война-то уже заканчивалась, – командование решило нанести по городу мощный удар

силами авиации. Бомбардировщики шли сплошным потоком. По словам ветерана, «подняли этот Глагау на метр от земли». Как только в город вошли наши войска, начальник штаба батальона и замполит решили туда на мотоцикле с коляской съездить, посмотреть. Водителем с собой взяли Валентина Фёдоровича. Неприятное зрелище, по словам фронтовика, предстало перед глазами – город в развалинах, по улицам бродят женщины, ищут среди трупов своих мужей… Потом офицеры куда-то отошли, приказав ему охранять мотоцикл. Мимо шли нескончаемые колонны немцев… Вдруг выходит из колонны какой-то немец в штатском и идёт к нему. Подобострастно улыбается, снимает с руки часы и протягивает русскому. Потом полез за пазуху, дав понять, что ещё что-то хочет подарить… Однако, Лопатин успел руку немца перехватить. В этот момент вернулись офицеры. На вопрос, в чём дело, объяснил, мол немец подозрительный. В штатском, а выправка строевая… Обыскали офицеры немца – под плащом китель офицерский. Чёрного цвета – эсэсовец. А за пазухой обнаружили пистолет.

Демобилизовался Валентин Лопатин только в 1947 году. Вернулся в родные Фалёнки, устроился работать в нефтеразведочную партию. Не нашли нефть: всего лишь один фонтан ударил в небо и тот – чистейшей воды. Потом был председателем поселкового совета в Фалёнках, работал в райкоме партии инструктором. Переехав, в Кирово-Чепецк, устроился на хлебозавод. До выхода на пенсию работал главным механиком. Заочно окончил техникум, чтобы соответствовать занимаемой должности.

К его боевым наградам: орден Славы, Боевого Красного знамени и Отечественной войны – добавились орден «Трудового Красного знамени» и медаль «За трудовую доблесть».

В. Северюхин

// Вперёд. – 2015. – 17 апр. (№ 15). – С. 6.

Малежек Михаил Константинович

Михаил Константинович Малежек рано остался круглым сиротой. Его детство выпало на военные годы. В 12 лет копал окопы, вместе с курсантами танкового училища, где был воспитанником, полгода находился в обороне в прифронтовой зоне…

Маму Михаила Константиновича, уроженца города Бобровица Черниговской области, что в Украине, убили бандиты, когда ему был годик, отца потерял (умер от голода) в пять лет. Воспитывался

маленький Миша у тётки в детском доме. Все дети в доме Малежика умерли один за другим. Остался лишь старший брат Евгений. Перед уходом на военную службу, брат определил Мишу в музыкальный взвод при Харьковском танковом училище. Так, в 12 лет он стал воспитанником этого учебного заведения, как говорится, сыном полка. До обеда обучался разным дисциплинам, после обеда играл в духовом оркестре.

Городок провинциальный, летняя жара.
На площадке танцевальной музыка с утра.
Рио-Рита, Рио-Рита вертится фокстрот,
На площадке танцевальной 41-й год…

Примерно таким, как поётся в песне «Рио-Рита», запомнилось Михаилу начало войны – 22 июня. Душным июньским вечером их духовой оркестр играл в городском саду. Приехали в казармы уже за полночь. А в 4 утра объявили – началась война. По приказу из Москвы училище подняли по тревоге. Вся техника, семьи военнослужащих были брошены за пределы Харькова. Приказали копать траншеи. Работали и дети, и взрослые. День и ночь…

В прифронтовой зоне в обороне вместе с училищем Михаил находился шесть месяцев. Стойко переносил невзгоды военного времени. Командующему составу нельзя было допустить, чтобы немцы захватили эту кузницу кадров. И этого не произошло. Новым местом дислокации танкового училища стал город Черчик Узбекской ССР. И началось строительство казарм. Учились в полевых условиях, жили в палатках. Но через месяц учебное заведение стало снова выпускать танкистов для страны.

В 1946 году Михаил становится курсантом Ташкентского танкового училища. Во время учёбы был награждён медалями «За победу над Германией» и «За боевые заслуги». Окончил училище в 1949 году в звании лейтенанта. После срочной службы в Советской Армии остался кадровым военным. Служил в Румынии, Германии… Награждён семью медалями.

С супругой Надеждой Егоровной, своей верной подругой где только не побывал. 18 раз срывалась с обжитого места службы Надежда Егоровна. Когда стал пенсионером, пустили корни в Украине, думали навсегда.

Но, как это часто бывает в старости, серьёзно заболели оба. Детей у них нет, ухаживать некому. И они приняли приглашение своей племянницы переехать в её семью в Кирово-Чепецк.

Л. Михайлова

// Твоя газета. – 9 мая (№ 19). – С. 11.

Мамаев Арсений Кузьмич

– До войны я уже был механиком – трактористом в Зуевском районе, шёл мне восемнадцатый год. В июне работы в селе трактористам много. За этим делом и застало известие о нападении Германии на нашу страну. Я ходил в военкомат, просился на фронт. Но мне сказали, что собираются отправить на тракториста в Челябинск. Ждал-ждал, говорю им: «Не берёте, добровольцем уйду. А то уж люди косятся – здоровый парень, а не воюет». Тогда за службу боролись.

А в 1942-м я уже был под Астраханью. Из бойцов, что техникой владели, сформировали отряд для работы в колхозе – от зари до зари. Однажды помылись мы в бане, выдали нам всю новую одежду. К чему, думаем? А на другой день мы были уже под Сталинградом. Прибыли в город, когда на него ещё ни одной бомбёжки не упало. Мы с товарищем по улице шли и пели популярную тогда «Махорочку». А потом с артиллерией я дошёл до Эльбы, был ранен. Награждён орденом Отечественной войны, орденом Славы, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и другими.

Записала С. Патрикеева
// Вперёд. – 2011. – 17 июня (№ 24). – С. 2.

Масленников Пётр Васильевич

Зуи – небольшая деревня по дороге на Зуевку. Там родился и жил до середины июля 1941 года семнадцатилетний Пётр Масленников.

Выпускной вечер в Зуевской железнодорожной средней школе № 7 пришёлся на вторник, 17 июня. Наступил момент истины для молодого человека. В планы вмешалась война… О ней, Пётр, вчерашний школьник узнал на поселковом рынке. Враз всё окончилось – сирень и музыка, девочка с косичками, возможно, первая и ещё неосознанная любовь. Пришла беда – одна на всех, и имя ей – война.

2 августа 1941 года Пётр Масленников уже находился в одном из самых красивых городов Восточной Сибири – Иркутске. Здесь к тому времени обосновалось Черниговское военно-инженерное училище.

2 февраля 1943 года, с полным набором военных и специальных знаний состоялся лейтенант инженерно-технических войск П. В. Масленников. Силь-

ной стороной молодого офицера, как отмечалось в аттестате, стало минно-подрывное дело, фортификационные сооружения. Среди других качеств фронтовые командиры отметили твёрдые знания в подземно-минной войне, строительстве железнодорожных мостов и дорог…

Своё первое назначение лейтенант инженерно-технических войск Масленников получил будучи в Москве в штабе инженерных войск. Там из всего выпуска в команду «М» Юго-Западного фронта отобрали четверых, отлично подготовленных и сдавших дополнительные экзамены офицеров.

Отдельный инженерно-минный батальон к тому времени располагался под Матвеевым Курганом (пос. Горная Парада, Ростовской области), в двух километрах от линии фронта. Командир сапёрского взвода офицер Масленников и его личный состав по заданию командирования в течение марта-апреля занимались разминированием минных полей, убирали разбросанные и неразорвавшиеся мины, снаряды. Не исключалась возможность и встречи сапёров с засадой противника…

Вскоре после окончания работ по разминированию минных полей, командир сапёрной роты ст. лейтенант Мещеряков передал лейтенанту Масленникову секретную карту с указанием всех секторов огневых точек командных пунктов. Предстояла ответственная и серьёзная работа – определить опытным путём, с помощью траекторных измерений по формулам внешней баллистики параметры движения координат и составляющих вектора скорости снарядов. На всё, про всё – месяц.

В помощь офицер Масленников получил лучшее отделение солдат-сапёров инженерно-минного батальона. Оставалось определить порядок работы… Ошибки исключались.

Умело руководя отделением сапёров, молодой офицер выполнил задание, значительно сократив установленные командованием сроки. Это прежде всего было результатом его кропотливой работы, нешаблонных и грамотных решений.

Прибывшая самолётом комиссия из штаба инженерных войск Москвы высоко оценила проделанную работу…

13-я Гвардейская мотострелковая бригада должна была в кратчайшие срок занять позиции, подготовленные 136-м отдельным инженерно-минным батальоном 9-й инженерной бригады. Инструктаж, согласно приказу командира батальона, всему комсоставу проводил лейтенант П. В. Масленников. На рекогносцировку – одни сутки. «Ох, и побегали мы. Работаем. Работаем… и вдруг звонкий мальчишеский голос: «Воздух!». Работы срочно прекращаются, все прячутся в вырытые «щели».

Появляется и быстро увеличивается в размере «Фокке-Вульф» FW.189

(«Рама»). Двухмоторный трёхместный разведывательный самолёт ничего не заметил. Иначе сбросил бы зажигательные бомбы или стал бы предвестником бомбёжек»...

«Наш 136-й отдельный инженерно-минный батальон 9-й инженерной бригады вступил на многострадальную Белорусскую землю. Разминирование сельхозугодий и железной дороги, идущей по радиусу болот… Трудности, а куда без них...

Места топкие, гиблые, куда ни ступи – болота. А ещё и усики мин, торчащих сквозь проступавшую ржаво-жёлтую зыбь воды заросшего болота. Надо крепко помнить, что мины в травянистых болотах с ивняком – это не что иное, как засады, искусно устроенные противником. И прежде, чем отдавать команду подчинённым, мне, как командиру, приходилось перед очередным выходом на болото ставить задачу – определять места минных постановок, разрабатывать порядок действия каждого подчинённого… К сожалению, полной рекогносцировки провести удавалось не всегда. И не смотря на то, что временный фактор здания прижимал, никогда не забывал о людях, которые, ежедневно выходя из болота, рисковали жизнью, побеждая смерть… А как иначе? На дворе – победная весна, впереди – мирная жизнь. А мы были молоды…».

Записал В. Опиканец

// Твоя газета. – 2014. – 13 нояб. (№ 46). – С. 4.

Мельников Вадим Михайлович

Вадим Мельников родился в 1926 году в городе Агрыз татарской АССР в семье железнодорожников. Ночь на 22 июня 1941 года Вадим с друзьями провёл на рыбалке. Домой возвращались в воскресенье, остановились у киоска с квасом, где продавец пожурила их за смех и сообщила, что началась война. Мальчишки врассыпную кинулись по домам.

– Первое время, благодаря имеющимся запасам, особого голода и других лишений мы не почувствовали. В 1942 году я уехал учиться в Воткинский машиностроительный техникум в Удмуртии. Однако учиться пришлось недолго.

В январе 1943 года на фронт призвали отца Вадима. Его зачислили в артиллерийскую часть и направили на Курскую дугу обслуживать противотанковое орудие 45-го калибра. Последнее письмо от него датировано июлем 1943 года. В нём глава семьи сообщил, что находится на передовой и совсем скоро

начнутся бои. Через месяц в семью пришло извещение о пропавшем без вести муже и отце.

Вадиму пришлось бросить учёбу и вернуться домой, чтобы заботиться о маме и двух младших сестрёнках. Устроился автослесарем в железнодорожное депо, но от голода это не спасло. Ежедневно рабочим выдавали по 800 граммов тяжёлого, сырого хлеба. Мама, как служащая, получала 600 граммов а сёстрам выдавали по 400. Что значили эти граммы для растущего организма, тем более что работать приходилось по 12 часов, а иногда из депо выходили лишь через сутки?

В город стали прибывать эвакуированные. Семья Мельниковых в квартире занимала две комнаты, в третьей проживала соседка, работающая инженером-вагонником, а на кухне поселили эвакуированную с Украины семью. Теперь в кухню было неудобно заходить, поэтому готовили на печке-голландке.

У Вадима, как рабочего железной дороги, была бронь, но он периодически ходил к начальнику депо с просьбой отправить его на фронт. Через некоторое время руководитель сдался, и в апреле 1944 года Мельникова отправили на станцию Ховрино в Москву, где формировался 7-й железнодорожный полк Второго Белорусского фронта. 17 июля сообщили, что по улице Горького (ныне Тверская) поведут пленных фашистов.

Вадим и его товарищи смотрели, как идут немцы. По обеим сторонам проезжей части за пленными наблюдали москвичи. Стояла тишина, были слышны лишь шаги и тяжёлое дыхание немцев, которые зло смотрели по сторонам. Глядя на пленного врага, Вадим понял, что победа не за горами.

Вскоре новобранцев направили в белорусский Волковыск, на подступах к которому колонну солдат и техники атаковали фашистские самолёты. На подмогу подоспели наши лётчики, однако три человека погибли. Двигаясь вперёд, полк постепенно восстанавливал разрушенные железнодорожные узлы и станции.

Пришлось однажды охранять важный железнодорожный мост, и ночью немцы решились на штурм. Врага удалось отогнать от стратегического объекта.

Дошли до Кёнигсберга, там занимались обслуживанием железнодорожных путей, по которым осуществлялись перевозки техники и вооружения, солдат. Всем участникам битвы под Кёнигсбергом, независимо от рода войск, была вручена медаль «За взятие Кёнигсберга». Есть такая награда и у Видима Михайловича Мельникова.

Обратно их отправили 30 апреля из Нойштеттина, от которого до Берлина рукой подать. В Москву Вадим Мельников с однополчанами прибыли утром 9 мая. Они увидели множество народа, забрасывающего освободителей цветами.

В одном из букетов лежала записка «Поздравляем с Победой!».

Казалось, на улицы вышли все жители и гости столицы. Увидев человека в военной форме, толпа безо всяких разговоров брала его на руки и несла к Красной площади. А там начался салют. Кругом ликование, счастливые лица и надежда, что сейчас будет хорошо!

Но разве забудет наш народ, что на пути к Берлину страна потеряла почти 27 миллионов человек…

Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2019. – 3 мая (№ 18). – С. 3.

Никонов Василий Иванович

Василий Иванович наш земляк, родился в Верховинском (ныне Юрьянском) районе Кировской области. Рано лишился родителей. Жил в семье брата. Жизнь лёгкой не была. Сразу после окончания семилетки начал работать. И не думал молодой парнишка с мирной профессией бухгалтера финансовых органов, что судьба готовит ему суровые испытания. Он будет воевать на Западном, 2-м Белорусском и 1-м Белорусском фронтах, получит тяжёлое ранение, дойдёт до Берлина и с победой вернётся на Родину.

А пока, 21 июня 1941 года, под звуки духового оркестра всё трудоспособное население посёлка Юрья по призыву райкома комсомола спешило на подмогу колхозу «Красный самолёт» для проведения мелиоративных работ. Энтузиазм людей был настолько высок, что работа была выполнена за одну ночь. А наутро, возвратясь в посёлок, люди услышали страшную весть: «Война!». Народ был прикован к репродукторам и ждал речи В. М. Молотова. Посыпались повестки из райвоенкомата. Началась срочная мобилизация людей, состоявших на военном учёте. Василий с друзьями рвался добровольцем на фронт, но не попал по возрасту. В августе 1941 года комсомол обратился к молодёжи о наборе на курсы радиотелеграфистов, и юноша отправился в Свердловск. Успешно окончив курсы, наш земляк мог работать на радиостанциях. В числе 50 человек был направлен в распоряжение Московского военного Округа для пополнения частей Советской Армии радистами.

Москву увидел впервые. Общенародная беда ощущалась на каждом шагу: площади были изрыты траншеями, кругом надолбы и заграждения, чтобы не прошли вражеские танки, над городом висели аэростаты. Днём и ночью на крышах высоких домов дежурили женщины: при налёте немецких самолётов

ухватами снимали и сбрасывали бомбы на землю. Немец рвался к сердцу нашей Родины. Под Москвой была настоящая «мясорубка». Обстановка с формированием личного состава была очень тяжёлой. Василий с другими радистами попал в Мытищи для пополнения частей. В числе 600 человек отправился на фронт, но до места добраться не удалось, началась стрельба, шли бои… В руках новобранцев, кроме вещмешка, котелка, ложки да пары белья, – ничего.

«Кое-какое оружие насобирали за ночь от убитых и раненых бойцов и наутро выдали по винтовке и по пять патронов. Немцы к тому времени уже пересекли реку Угра. Это были первые числа января 1942 года. У нас не хватало оружия. У немцев дела были тоже плоховаты: стрелкового оружия не доставало, к тому же они не привычны были к морозу. Началось противостояние, которое длилось с января по май: то мы их потесним, то они нас. Враг был в 25 километрах от столицы, но несмотря на тяжелейшие условия, несколько сот тысяч советских воинов ценой огромных потерь отстояли Москву. Вначале мая нас перебросили на другой участок этого же фронта. У немцев были долговременные укрепления, и это мешало продвижению наших войск. Радиостанции у нас не было, со специальностями не считались, мы были тогда пулемётчиками. Людей гибло очень много, бойцов не хватало.

Однажды утром мы с напарником получили задание уничтожить немецкий дзот, из которого вёлся обстрел. Местность была заминирована, не проверена. Один из нас тащил ручной пулемёт, другой патроны. При перебежке участка я подорвался на мине. Ранение было тяжёлым: перелом обеих костей левой голени и мелкие осколочные ранения правого коленного сустава. До 7 часов вечера находился без сознания. Очнулся в полевой палатке, где мне была оказана первичная помощь, был загипсован. Двигаться не мог. От ампутации левой ноги отказался. Меня перевезли в Калугу в передвижной госпиталь, затем в Москву на формировочный пункт. Нас, тяжелораненых, в течение месяца везли поездом до Серова в госпиталь. Не ходил я около 5 месяцев. Затем был госпиталь в Верхотурье и Нижнем Тагиле, где находились самые тяжёлые больные: без рук, без ног, без глаз… 20 августа 1943 года меня хотели вывести на группу, но я наотрез отказался, убедив комиссию, что я могу быть полезен, и был направлен в Горький в стрелковую часть. Как специалист, я отбирал способных ребят для обучения работе на радиостанциях. Готовились 6-я и 8-я миномётные бригады. Поступила совершенно новая техника, правда, поздно. Обе миномётные команды находились в подчинении Верховного Главного командования. Основная задача миномётных бригад заключалась в подавлении противника при закрытых целях.

Летом 1944 года советские войска перешли польскую границу и освободили города: Белосток, Супросль, Варшаву. Форсировали Вислу. Подошли к Оде-

ру и с боями продвигались по правому берегу реки, освобождая территорию от врага. Особенно сильные бои шли в городе Шнайдемюль, где было сосредоточено до 20 немецких дивизий. В боях участвовали десятки советских частей. Когда были разбиты в этом районе несколько немецких дивизий, у нас появилась возможность двигаться дальше вдоль берега Одера. В устье Одера у Финского залива в город Альдам, немцы также организовали очень большую засаду. После завершения боёв нашу бригаду перебросили в район города Франкфурт-на-Одере, который уже был взят частями армянской дивизии, но, чтобы удержать город, сил у них было недостаточно. Сражения шли жестокие, так как не была оказана своевременная помощь. Вскоре через Одер переправились наши части, и город был окончательно взят. Враг с боями отступал к Берлину, до которого оставалось 60 километров. На подступе к своей столицы фашисты сосредоточили мощную оборону. Через реку Одер были переброшены три наших миномётных дивизиона в прямом направлении на Берлин, а 24 апреля 1945 года с другими частями мы продвигались к Рейхстагу. В очень сильных боях за Берлин с обеих сторон участвовали до 4-х тысяч самолётов и 4-х тысяч танков. В военных действиях советскими танковыми войсками впервые за время войны были применены трещотки и осветительные прожектора с целью воздействия на психику противника. Сопротивление немцев было яростное, бои велись жестокие. Берлин наши войска взяли в кольцо с двух сторон: 1-й Украинский фронт слева, 1-й Белорусский – справа. 29 апреля 1945 года мы пошли в Потсдам, пригород Берлина. С 30 апреля по 2 мая под Берлином велись ожесточённые бои. Американцы в битве за Берлин не участвовали. Берлин брали только советские войска. После переговоров германского командования с В. И. Чуйковым, командующим 1-м Украинским фронтом, немцам отказали в заключении мира, предложив только полную и безоговорочную капитуляцию. Берлин пал. Мне не удалось расписаться на стенах Рейхстага. Всё это время я работал на радиостанции. 2 мая 1945 года для войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского война была в стадии завершения. 3 мая мы поехали в район Эльбы навстречу с американскими и английскими военными и увидали, что в город въезжает маршал Г. К. Жуков. Он поздравил встречные войска с взятием Берлина».

В конце декабря 1945 года В. И. Никонов был направлен на учёбу в Ленинградское училище инструментальной разведки, но по причине ранения не прошёл медкомиссию. Находясь в Ленинграде 1 мая и 7 ноября 1946 года, он дважды участвовал на параде на Дворцовой площади. Был участником военных учений воинских частей Ленинградского Военного Округа в Карелофинской АССР. В марте 1947 года демобилизовался и выехал на родину в Кировскую область. И началась мирная жизнь.

У Василия Ивановича 46 лет трудового стажа. 46 лет он являлся членом КПСС. Ветеран труда и инвалид II группы Великой Отечественной войны, он имеет много наград: Орден Почёта, Орден ВОВ I степени, медали «За боевые заслуги», «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «100-летие со дня рождения В. И. Ленина» и другие медали.

За плечами Василия Ивановича большая жизнь. Много потерь и страданий перенёс этот скромный человек, не раз смотревший смерти в глаза. Падая и вновь поднимаясь в полный рост, вместе с другими советскими воинами он гнал врага с земли русской, защищая свою Родину.

Записала В. Анечкина

// Твоя газета. – 2006. – 5 мая (№ 18). – С. 3.

Опиканец Николай Маркович

… Шёл третий год оккупации фашистской Украины. Село Тыновка Жашковского района Черкасской области входило в страшную зону.

В первое оккупационное знойное лето 41 без вести пропал отец Марко, колхозный конюх, оставив свою жену – труженицу Одарку и четверых детей, где старшим был Николай, выпускник семилетней сельской школы.

В свои четырнадцать с небольшим Микола мало чем отличался от своих сверстников, разве что неуёмным трудолюбием, большой привязанностью к матери и младшим сёстрам и брату. Учитывая всё это, директор школы доверил любознательному юноше исполнять обязанности библиотекаря школы.

Немцы поначалу пытались войти в доверие сельчан, раздавали пряники, потом перешли на угрозы. Через полгода оккупации геббельсовская пропаганда уже не действовала. Вся агитация по онемечиванию населения, отправке молодёжи на работы в Германию от мирной ситуации перешли в разряд насильственных мер.

В сентябре 1943 полностью была освобождена Левобережная Украина. Стабилизировать фронт германскому командованию на Днепре не удалось. С каждым днём сельчанам всё больше становилось ясным, что терпеть «неметчину» осталось недолго. В начале октября был освобождён Киев.

Во всех населённых пунктах, не имевших стратегического значения, немцы стали снимать с телеграфных столбов провода. Дошёл странный приказ и до села Тыновка. Вот уже третий день кряду шёл нудный октябрьский ситни-

чек, но немцы – народ педантичный. Несмотря на «мокрую погоду» шестнадцатилетний Николай и его друг Фёдор, по очереди, надевая кошки, лазали по липким тёмным столбам, а затем до позднего вечера наматывали на себя, как на бобину, эти провода – перетаскивали в подвал комендатуры.

Кто из друзей был инициатором дерзкого побега, установить сегодня трудно. А вот исполнитель доподлинно известен – Микола. Он и старше, и физически оказался более крепким парубком. Удар его был настолько сильным, что зазевавшийся немецкий солдат-охранник, как сноп, плохо установленный в поле, завалился… Наспех закопав тело и забрав карабин, молодые люди спрятались на гумне, у одной из родных миколиных тёток.

Почти месяц, меняя погреба, прятались друзья. Немцы зверствовали. Вся тыновская молодёжь была взята на учёт. На особый контроль взяли родителей и родственников беглецов. Здесь не обошлось без полицаев.

Конец 1943 – начало 1944 года. Фронт приближался. С каждым днём канонада слышалась всё ближе к Тыновке… Село, к тому времени оказалось на оперативном направлении отступающих немецких войск. Тыновку целенаправленно обстреливала артиллерия, от самолётов в небе порой было темно, постоянно пахло гарью, мазутом и тротилом. Тыновка буквально попала под мясорубку – одиннадцать раз переходила от немцев к нашим и обратно. Немцы при кажущейся панике отступали по-военному. Колонны техники, в том числе и танки, двигались строго ночью. Хата семьи Николая, как на грех, стояла крайней к дороге, упираясь в сельское кладбище. Немцы для ориентира каждую ночь поджигали несколько хат, стоявших вдоль дороги. Вспыхнула и хата семьи Николая, мать Одарка бросилась гасить огонь, но её заметил патруль. Кованный сапог сбил её с ног… Только в 1947 году Одарка покинула районную больницу и смогла вернуться, насколько это было возможно в её положении, к жизни. Выздоровление шло тяжело и не без помощи страшенького Миколы – посылки, денежные переводы в разорённое село шли регулярно…

После освобождения села Николай Маркович был призван в Советскую армию. Службу проходил в строительном батальоне в Киевской области. К началу 1944 уже никто не сомневался в Победе.

В 1944 году рядовой стройбата Николай Маркович Опиканец получил тяжёлое ранение и был эвакуирован в глубокий тыл – на Южный Урал. В одном из эвакогоспиталей Магнитогорска встретил день Победы.

В. Опиканец

// Твоя газета. – 2015. – 15 янв. (№ 3). – С. 4

Орланов Григорий Фёдорович

Григорий Орланов, 1924 года рождения, воевать пошёл добровольцем, но попал не на фронт, а в школу младших авиационных специалистов (ШМАС). В боевой обстановке оказался только в 1943-м, на Украине, где-то в районе Одессы. Сразу включился в напряжённую работу: готовил к вылетам знаменитые штурмовики «ИЛ-2». Самолёт – оружие коллективное. Чтобы лётчики в бою выполнили поставленные перед ними задачи, механики, готовя технику к полёту, должны семь потом пролить.

Бои были очень жестокие – разворачивалась грандиозная Ясско-Кишинёвская операция. Наши «ИЛ-2» возвращались буквально иссечённые в клочья. Вот тут-то и начиналось настоящее волшебство автомехаников, которым нужно было как можно быстрее вдохнуть жизнь в израненную железную птицу. Все работали без сна и отдыха, не щадя себя. Но вражеский металл калечил не только технику – не щадил он и людей…

Один из штурмовиков, закреплённых за Григорием Орановым, был атакован немецким истребителем. Лётчик (как он остался жив, было совершенно непонятно) сумел посадить машину. Зрелище было ужасным! Самолёт весь в пробоинах, а в кабине, залитой кровью, находилось то, что осталось от стрелка -радиста… Не зря фашистский «Мессершмитт-109» называли «мясником»…

Потрясённые увиденным механики тем не менее принялись за работу – нужно было как можно быстрее вернуть боевую машину в строй. А Григорию Орланову приказали привести в порядок кабину. Несмотря на шок и ужас, он с этим справился.

Спустя какое-то время штурмовик был готов к вылету, но требовалось заменить убитого члена экипажа. Решение было принято простое: «Механик – в кабину! Будешь за стрелка-радиста, пока нового не найдём. Пулемёт знаешь – на то ты и механик!». Так, впервые в жизни Григорий Оранов оказался в воздухе, причём не просто в полёте – в бою.

Как бомбили и обстреливали вражеские позиции, Григорий не помнил: всё прошло мимо сознания. В себя начал приходить только тогда, когда, отбомбившись, повернули назад, к своему аэродрому. Домой.

И вот тут-то, когда, наконец, опустило чудовищное напряжение, произошло самое страшное: внезапно из-за облаков на штурмовик ястребом налетает «мессер»! Наш пилот попытался сманеврировать, уйти с линии огня, но где самолёту, тяжёлому, да ещё и подраненному, тягаться с лёгким и маневренным истребителем! «Мессер» легко заходит в хвост «ИЛ-2». Самое время вступить

в бой стрелку-радисту, чтобы огнём из крупнокалиберного пулемёта прикрыть заднюю полусферу. Фашист всё ближе… Русский не стреляет… У «Ивана» закончились патроны? Фатальная непредусмотрительность. И немец, не опасаясь ответного огня, неторопливо занимает выгодную позицию, чтобы в упор расстрелять самолёт противника.

Тут до сознания Григория доходят крики лётчика: «Стреляй, стреляй, стреляй!». Но нагрузка на психику паренька была так велика, что он словно отключился. У него перед глазами стояли растерзанные останки товарища, на чьём месте сейчас сидел Оранов. И видел он тоже, что и погибший радист перед смертью, – хищную морду «мессера», готового изрыгнуть сталь и огонь.

Вдруг, сквозь ужас и оцепенение, как вспышка мелькнула в мозгу: «Жить!». Григорий схватился за пулемёт, но не смог сообразить, как снять его со стопора, которым тот фиксировали, чтобы не мотаться по кабине во время манёвров. Из намертво прихваченного стопором пулемёта вести прицельный огонь было невозможно.

И тогда, в приступе то ли отчаяния, то ли безумия, Орланов выхватил ракетницу и послал огненно-красный шар, целясь в кабину «мессера». Реакция немецкого пилота была мгновенной: он взмыл в облака. Это дало возможность нашему самолёту уйти от погони. Всё произошло в считанные секунды, показавшиеся вечностью. Когда приземлились, лётчик на негнущихся ногах подошёл к Григорию. Снял ремень и… неожиданно вручил его механику: «Держи, парень. Ты сегодня спас жизнь мне и себе».

Пока не прибыл новый стрелок-радист, Григорий Орланов совершил ещё 26 боевых вылетов на «ИЛ-2». Всего за годы войны он подготовил 4 тысячи полётов штурмовиков. За всё это он был награждён орденами Красной Звезды и Великой Отечественной войны двух степеней, а также медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За отвагу».

В. Северюхин

// Вперёд – 2014. – 12 сент. (№ 37). – С. 6.

Орлова Валентина Алексеевна

– Родилась и выросла я в военном гарнизоне в Куженкино-1 Калининской области (ныне – Тверская). В воскресенье все собрались на массовые гуляния, играл духовой оркестр. Словом, всё, было как обычно. Но уже в 11-м часу на площадь прибыл дежурный по гарнизону и объявил «Война!». Все притихли, стали собираться в кружки, жен-

щины – в рёв. Столпившись всем классом, никто из нас не ревел: в одно мгновение в свои неполные 16 лет мы стали взрослыми. В понедельник решили идти в военкомат. На следующее утро все 30, как один, явились к военкому. Подполковник смотрит на нас и как-то очень по-доброму, по-отечески: «Ну, куда я вас возьму?».

Но, видя, что сдаваться мы не намерены, говорит: «Хотите помочь стране, предоставьте ей свои руки». Дело в том, что недалеко от гарнизона были укрыты под землёй два строго засекреченных объекта: военные базы № 721 и № 1039. Посторонних на них не пускали, а мы – свои, знали нас, как облупленных, и поэтому доверяли.

Генерал, начальник гарнизона, определил весь класс на 721-ю базу, что в 3 км от посёлка. 24 июня к 8.00 мы явились к месту назначения. Нас распределили по конвейеру на определённые операции. Одни ветошью обезжиривали гильзы, вторые – взвешивали порох, третьи – закладывали взрыватель… Снаряды собирали уже солдаты и готовые укладывали по три штуки в ящик. Отдыхать было некогда, а жаловаться на усталость – не принято.

Такая ситуация продолжалась до августа. Затем пришёл приказ перевести нас на вторую базу, где собирали пушки. Детали все в смазке, мы очищали их, промывали. Военные собирали орудия и сразу грузили на платформы. Бомбили уже постоянно. Немец быстро приближался к Москве. В это время из военкомата пришёл ещё один приказ: всем семьям военнослужащих, коммунистов и комсомольцев эвакуироваться в 24 часа. Фашисты эту категорию не расстреливали – вешали! В семье я была седьмой из девяти детей (муж одной – подполковник, другой – капитан), пятеро маленьких племянников, братишка Борька с 1930-го года и я – все подлежали эвакуации. Но класс был настолько дружный, что мы решили не нарушать нашего договора: все так все. Мама и сёстры переживали, плакали сначала, как я останусь одна, но потом смирились. Помню, как убивались родители Кольки Аук, видимо предчувствовали: как он погибнет одним из первых, под бомбёжкой.

Мне было жаль маму, сестёр… Ну, так нужно было. Перед нами, наравне со взрослыми стояла задача – спасти мост автомагистрали «Ленинград – Москва», под которым проходила железная дорога, ведущая от баз к станции Бологое-2. Оттуда составы, гружённые пушками и боеприпасами, по разнарядке уходили на фронт. Как только наши родители уехали, нас по приказу ввели в личный состав 308-го гвардейского полка, поставили на довольствие, выдали на обмундирование. Всё, как положено: сапоги, штаны, гимнастёрка, зимой – бушлат. По четыре человека прикрепили к орудию – всех четверых Валь: Корнилову, Колесникову, Новицкую и меня – Александрову. У пушек много снарядов держать не будешь, мы по два человека таскали тяжеленные ящики, отки-

дывали пустые. Сначала очень боялись, но потом привыкли. Появилась такая внутренняя злость, что страх отступил на задний план. Да и Бог нас, видимо, берёг, хотя мы, комсомолки, тогда в него не верили. Правда, меня дважды контузило. После первой контузии правое ухо отошло, левое – слышало плоховато, а после второй – на него полностью оглохла...

Когда немца отогнали от Москвы, нас направили на финляндский фронт, но до пункта назначения мы так и не дошли: пришёл приказ – в Латвию, где наш 308-й полк простоял три месяца, а затем – в Кёнигсберг, от которого камня на камне не осталось. Там мы и встретили долгожданную Победу...

// Твоя газета. – 2019. – 9 мая (№ 19). – С. 1–2.

Стариков Григорий Алексеевич

Григорий Алексеевич родом вятич. Когда началась война, он был ещё девятиклассником, насквозь пронизанный патриотическим духом. Но, как бы ни рвался на фронт, как это делали его ровесники, только в 42-м восемнадцатилетний Григорий попал из Яранского райвоенкомата в Калинковическое военно-пехотное училище, эвакуированное из Белоруссии в город Рыбинск Ярославской области. В 43-м, не дожидаясь выпуска, его отправляют с однокурсниками на фронт. Под Старой Русой сержант Стариков получил боевое крещение, и тут же – первое ранение. Но лежать в армейском полевом госпитале пришлось недолго: ранение оказалось лёгким, и меньше чем через месяц его отправили в запасной полк. Там его, сорви-голову, и приглядел командир дивизионной разведки. Так Григорий Стариков оказался в 332-й разведывательной роте, пока в 44-м в Прибалтике его снова не ранило. Как считает Григорий Алексеевич, произошло всё не «по-человечески»: попал под обстрел, его контузило и перебило ногу. Ладно бы осколком, а то гайкой. Сделали в Рижском госпитале операцию и отправили молодого солдатика, на гимнастёрке которого были прикручены медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Отечественной войны, в глубокий тыл на Урал – в Березники. А тут и война закончилась.

В госпитале его разыскали из училища, присвоили первичное офицерское звание и послали в 11-й учебно-танковый полк в Свердловске. А дальше началась 30-летняя воинская служба в Узбекистане. Сначала в 234-м танково-самоходном полку в Термезе, затем 81-й погранотряд. В 57-м получил направление в Тбилисское училище КГБ, а после его окончания – в областное управ-

ление в КГБ в Андижане. Закончил службу в городе Навои. А в 1977-м офицера в отставке потянуло в родные края.

А. Горина
// Твоя газета – 2008. – 19 июня (№ 25). – С. 2.

Труфанов Михаил Алексеевич

Школу в Кирове Михаил окончил в 1942 году. На войну уши все сорок мальчишек из их класса. Домой вернулись только двое…

После окончания «учебки» в Слободском в 1943 году Труфанова, батальонного миномётчика, направили в Загорск, а потом вместе с 11-й армией он двинулся через Москву в сторону Орла. Передвигаться старались ночью. Уставшие колонны необстрелянных бойцов растянулись, перемешались. Под деревней Теребень над колонной показались немецкие самолёты – боевое крещение солдаты получили шквалистым огнём с воздуха. Стрелковый полк понёс большие потери.

Наша армия передвигалась на Запад, преследуя противника. Летом 1943-го Труфанов воевал в составе Брянского фронта. При переправе через речку Болву под Брянском два часа фашисты расстреливали батальон окружённых солдат с воздуха. После такой «зачистки» в живых остались немногие. А Михаил получил осколочное ранение в плечо. В медсанбат обращаться не стал.

Дальше была Белоруссия. Линию обороны укрепляли в болотах под Пинском. А в сентябре 1943-го рядового Труфанова направили на курсы лейтенантов под Брянск. Учёба тоже не была сахаром, курсанты постоянно перемещались с линией фронта. Рано вставали и тренировались до позднего вечера. Одна радость – спали под одеялом, после стольких-то месяцев окопной жизни.

Михаил Труфанов получил звание младшего лейтенанта и отправился воевать в составе 3-го Белорусского фронта. В часть прибыл во время боя под Варшавой. Только успел представиться старшему командиру, как на обратном пути в свой окоп получил ранение в затылок. Ночью дополз до своих, истекая кровью. Там ему для приведения в чувство дали стакан водки и отправили в госпиталь. Позже он вернулся в строй уже в должности командира стрелкового взвода...

– В январе 1945 года начался прорыв обороны немцев в Восточной Пруссии, и нам предстояло первыми пересечь границу Германии. Мы наступали на Кёнигсберг. Было нас в траншеях столько, что чуть ли не плечами друг друга

задевали. С рассветом началась атака. Ударили наши «Катюши», и стоял страшный гул. Рядом бахала гаубица, так её не было слышно! Через два часа на немцев пошли тяжёлые танки, а мы – за ними. Честно скажу: не все бежали вперёд. Нескольких бойцов, уроженцев Средней Азии, я не мог вытолкать из окопа – от страха в землю вжались. Ну, не убивать же их! Но остальные бойцы воевали храбро – русские, татары, украинцы, грузины, казахи, белорусы и другие. К концу дня только вторую линию окопов прошли, а впереди их ещё три-четыре. Наутро новое наступление.

Шинель Михаила Труфанова превратилась в решето, но самого пуля не достала. А от его взвода в восемнадцать человек один остался. Через неделю подразделению дали отдых, а отдыхать-то некому…

За боевые заслуги Труфанов получил два благодарственных письма за подписью Верховного главнокомандующего товарища Сталина.

В боях в Восточной Пруссии Труфанову перебило обе руки. В госпитале он пробыл почти полгода. Там и встретил Победу. Поздно ночью Михаил услышал стрельбу и крики людей. Вышел на улицу – а там все кричат, в воздух палят, обнимаются – война кончилась! Он тоже сделал несколько выстрелов из пистолета и выбросил оружие – ни к чему оно теперь.

В декабре 1945 года был уволен в запас. Дома в шкатулке хранятся орден Красной звезды и два ордена Великой Отечественной войны I степени, множество медалей.

После войны Михаил Алексеевич Труфанов работал на Кирово-Чепецком химкомбинате, был диспетчером ЖДЦ, ведущим механиком в отделе главного механика. К боевым наградам добавилась медаль «Ветеран труда», звание «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

Записала Л. Журавлёва

// Вперёд. – 2014. – 27 июня (№ 26). – С. 6.

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Был день начальный у войны,
И у войны был день конечный,
А между них дымятся дни,
Изрешечённый картечью…
О. Любовиков

Жуйков, Е. Судьбы разные – отечество одно / Е. Жуйков. – Киров, 2005. – 208 с.

Евгений Леонидович Жуйков родился после окончания войны – в 1952 году. Закончил Кировский педагогический институт. По профессии – журналист. По роду своей деятельности много беседовал с ветеранами – участниками Великой Отечественной войны. Позднее эти беседы вылились в очерки, посвящённые конкретным персонажам – родным и близким автору людям, прошедшим испытание «и огнём, и бороздой».

Сластников, Н. П. Избранное : проза, публицистика / Н. П. Сластников. – Киров : Аверс, 2015. – 240 с.

Николай Павлович Сластников родился через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны. Вся его трудовая жизнь была связана с журналистикой и писательством. Как и Евгений Леонидович он часто беседовал с ветеранами и записывал их воспоминания. В сборнике «Избранное» в разделе «Сороковые роковые» приведены воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, с которыми когда-то общался писатель.

Как и Евгений Леонидович Жуйков и Николай Павлович Сластников многие журналисты беседовали с ветеранами, в том числе дети и внуки – со своими родными. Благодаря этим беседам сохранились воспоминания непосредственных участников Великой Отечественной войны...

Блинов Николай Николаевич

Автобат, в котором проходил службу красноармеец Николай Блинов с 1939 года, стоял на границе так называемого «маньчжурского инцидента», где провокация японских милитаристов были чаще, чем летели письма из дому – д. Чесноки Кумёнского района.

В апреле 1943 года сержант Блинов в составе одной из Дальневосточных дивизий прибыл в район Курской дуги, где войска Центрального и Воронежского фронтов, согласно приказу Ставки, планировали нанести удар главным силам противника.

Москва, Сталинград и Курск стали тремя важными этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к Победе… А пока у командира отделения сержанта Блинова были изнурительные обязанности «рабочего войны».

Вспоминая «дороги войны», Николай Николаевич как-то в кругу родных обмолвился: «Даже в самом страшном сне не могло присниться знаменитое танковое сражение – небольшое поле, неподалёку от железнодорожной станции, у деревни Прохоровка, где мне пришлось лихорадочно крутить баранку своего «Захара», нагруженного под завязку снарядами для дивизионной и полковой артиллерий, крутиться в огромном людском и машино-танковом потоке… Радиатор хрипел, булькал. Пока доливаешь воду – пропотеешь как в деревенской бане… Туда – снаряды, на станцию – раненых. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Горели сотни танков и самоходных орудий: и наших и вражеских. Ветер разносил запах горелой земли вперемежку с металлическим привкусом оплавленного железа, «сдобренного» соляркой, техническими маслами и сладковатым привкусом того, о чём можно только догадываться…».

Расчёт, отвага, смекалка… Всё это в полной мере было характерно фронтовику Блинову.

После Курской дуги сержант Н. Н. Блинов вместе со своим автобатом были переброшены на Днепр, а затем, к августу 1944 года, военная судьба продвинула их к границе Польши.

Здесь-то он и узнал, что их 1-й Белорусский фронт не в силах помочь восставшим полякам, так как понёс значительные потери в живой силе и боевой технике, особенно в танках.

Весомой помощи не было и от англичан, хотя они всячески содействовали польскому эмиграционному правительству, обосновавшемуся в Лондоне, войти в столицу прежде, чем туда доберутся русские.

2 октября 1944 года Варшавское восстание, затеянное националистским

правительством Польши с явно антисоветским уклоном, было подавлено. Столицу Польшу немцы безжалостно разрушили.

17 января 1945 года советские войска в кровопролитных боях освободили Варшаву.

Штурм рейхстага, последнего бастиона гитлеровцев, был жесточайшей битвой. Н. Н. Блинов не участвовал в штурме, но салют победителей, разрядивших автоматы в небо, до конца своих дней вспоминал с особым волнением.

В. Опиканец
// Твоя газета. – 2014. – 11 дек. (№ 50). – С. 4.

Горшков Владимир Михайлович

– В ночь с 21 на 22 июня 1941 года я находился в карауле по охране мостопоезда… Было это на Западной Украине в районе города Тернополь… Рядом с железнодорожной станцией находился костёл 18 века, окружённый дубом, буком, грабом, липой, тополями… Помню дивный сад, где росли каштаны, стройные ряды яблоневых и грушевых деревьев. Было много рябины… От птиц, облюбовавших этот райский уголок, не было покоя. И только к вечеру, с наступлением темноты, утихал их гомон… Казалось, всё в округе должно отойти ко сну. Тихо… И вдруг предрассветное утро, перед самой сменой караула, обрывается начавшееся радужное свечение зари… Нас, часовых, буквально накрывает тёмное облако, больше похожее на сплошное чернильное пятно расползавшееся по белоснежной скатерти… Враз старинный костёл, окружённый сказочным парком-садом, со всей неземной красотой стал для меня, двадцатилетнего паренька из Иванова, вчерашним днём. Впереди – долгие четыре года, полигон самой страшной войны.

В трудные месяцы 1941 под Москвой была предпринята попытка Председателя комиссии, начальника Главного политуправления РККА ЛЗ Мехлиса ликвидировать железнодорожные войска с передачей лишнего состава в обычные стрелковые части.

Сталин-Мехлису: «Вы – пораженец, Мехлис, комиссия тоже. Комиссию распустить, войска сохранить».

… Рабочий день воина-железнодорожника длился бесконечно долго. Солдаты восстанавливали разрушенные дороги, устраняли глубокие воронки от бомб, подготавливали железнодорожные полотна. А ещё рубили балки, ставили столбы, укладывали рельсы, подбивали под шпалы балласт. И всё это под

обстрелом и бомбёжками противника.

Поезда шли и шли на запад, снабжая армию техникой, боеприпасами, продовольствием, фуражом ГСМ, медикаментами и, конечно, свежим подкреплением.

Остались позади трудности осени-зимы сорок первого, в упорных боях прошли ещё тысячи вёрст. А военный календарь всё не сбрасывал «обороты». В памяти у бойца Горшкова – Истра (Новоиерусалимский монастырь, разрушенный фашистами), Волоколамск – разъезд Дубосеково, дороги Смоленщины (Рослово); Гомель, Могилёв, Витебск, Беловежская пуща (Белорусская ССР); Польша – восстановление железнодорожной инфраструктуры поруганной Варшавы, г. Штеттин (на р. Одер).

В 1945-м – резкая переброска части, где служил Владимир Михайлович, на Восток, до Новосибирска. Там и «застряли». Победу над Японией отпраздновали с однополчанами в Сибири.

– Вернулся я на родину в марте 1948-го. Ещё будучи в Москве, в Сокольниках, где размещалась часть, в школьной библиотеке нашёл два учебника. Всю войну они были со мной: мечтал поступить в институт...

Мечту свою Владимир Михайлович осуществил в 1953 году. Окончив Ивановский химико-технологический институт, получил назначение в Кирово-Чепецк.

Не один десяток лет отдано им родному комбинату, технике безопасности и охране труда заводчан.

Записал В. Опиканец

// Твоя газета. – 2014. – 10 июля (№ 28). – С. 10.

Елдашов Александр Иванович

Водитель Александр Иванович Елдашов начал свой боевой путь в ноябре 1942 года во 2-й гвардейской мотобригаде 1-го гвардейского моторизированного корпуса, которым командовал прославленный генерал Русиянов.

В первые же дни на фронте Елдашов получил боевое крещение бомбёжкой, позже участвовал в Воронежском направлении, неоднократно был практически на волосок от гибели.

Особенно Александру Ивановичу запомнился бой за казачью станицу. «Снайперы засели там так густо, что нельзя было и головы высунуть. А кроме них нас поливали свинцом из пулемётов». И всё же мотогвардейцы в ночной

атаке смогли взять немцев, что называется, в клещи. Это и неудивительно – ночной бой был фирменным стилем «русияновцев». Противники даже прозвали их «ночными разбойниками». Испытанный метод не подвёл и на этот раз – гитлеровцы были разгромлены и отброшены далеко на запад. Отличившийся в том бою Елдашов получил медаль «За боевые заслуги…» и тяжкое ранение.

После лечения в госпитале Александр Иванович попал в другое соединение – 8-й гвардейский танковый корпус 5-й танковой армии, воевал в качестве водителя зенитной установки в 307-м отдельном дивизионе реактивных миномётов.

В конце 1944-го Елдашов сел за руль «Студебеккера», на котором была смонтирована реактивная установка, и уже в составе 2-й гвардейской танковой армии громил врага в Прибалтике. В его биографии – кровопролитная битва за Наревом, освобождение Данцига и других приморских городов, бой за Кёнигсберг…

Из Пруссии фронтовая дорога привела Александра Ивановича в район Берлина. В сражении за город гвардейцы-миномётчики не участвовали, они действовали севернее.

День Победы Елдашов помнит хорошо: «Словно на свет заново родился. Понял – война позади, значит, будем жить…».

Демобилизовался фронтовик в 1947-м. Перебрался из родного Татарстана в Кирово-Чепецк, где несколько лет служил водителем в ПЧ-1, а в 1967 году начал работать слесарем на химкомбинате.

Записал Л. Корепонов
// Вперёд. – 2006. – 5 мая (№ 17). – С. 1.

Завалин Геннадий Макарович

Геннадия Макаровича Завалина призвали в армию в далёком августе 1942 года. Обучили на связиста и направили в Москву. Здесь, в районе Красных казарм, формировались дивизионы реактивных миномётов. Так Геннадий стал гвардейцем-миномётчиком. В декабре часть погрузили по тревоге – и на фронт. Под тревожный перестук вагонных колёс парни гадали, куда везут. А когда железнодорожная колея плавно повернула на юг, дружно согласились: в Сталинград. И точно: солдат и технику выгрузили у села Питомник, находящегося недалеко от волжской твердыни.

Взору молодых бойцов предстала заснеженная степь. Тут и там из-под

снега торчали обломки немецких самолётов. В питомнике был немецкий аэродром, через который командование вермахта пыталось снабжать окружённых боеприпасами и продовольствием. Дерзкий рейд советских танкистов положил конец этим планам.

19-я гвардейская бригада тяжёлых реактивных миномётов дралась на внешнем фронте Сталинградского котла. Советские войска непрерывно наступали, стремясь отодвинуть его как можно дальше от Сталинграда и этим лишить немцев последней надежды на спасение. Миномётчикам хватало работы. Практически ежедневно они обрушивали на неприятеля десятки ракет. Каждая весом более центнера. А стреляли такими «подарками» новые реактивные миномёты «М-31» – родственники легендарных «катюш». Солдаты ласково называли миномёт «андрюшей». Он был мощнее своей «сестрицы» в два раза. Под ударами «катюши» уцелеть было крайне сложно, а там куда попадал «андрюша», царил кромешный ад.

– Я часто видел с наблюдательного пункта как после нашего залпа пехота в полный рост шла к немецкой позиции, являвшейся прежде неприступной, а оттуда – ни единого выстрела. Редко когда там хотя бы одного живого немца удавалось отыскать.

Судьбу таких боёв держали в своих руках связисты – один из них Геннадий Завалин. С командного пункта или узла связи он передавал батареям, расположенным в тылу, приказы командира, координаты цели и время начала артподготовки. Перебьёт осколок линию – наш связист, не дожидаясь команды, хватал катушку – и на линию. А там снаряды рвутся во все стороны, осколки снег режут.

– Боятся было просто некогда, о смерти или ранении тоже не думали. Надо было связь восстанавливать. Знали: пехота «огонька» ждёт.

Однажды связь, восстановленная Геннадием в критический момент, решила исход важнейшего боя. И командир, не раздумывая, наградил связиста медалью «За отвагу».

Больше всего из событий битвы под Сталинградом Геннадию Макаровичу запомнился случай как гнали пленных немцев:

– Их гнали бесконечными колоннами по 300-500 человек. Грязных, завшивленных, одетых в какие-то обноски. Одна колонна остановилась у нашей кухни, и пленные – к нам. «Вассер, вассер», мол, попить дайте. Налили одному, другому. А тут охранник чуть ли не прикладом нас. Оказывается, они дошли в окружении до такой степени истощения, что даже лишний глоток воды мог их убить.

После Сталинградской битвы бригаду пополнили людьми, техникой – и освобождать Украину. Житомир, Белая Церковь, Днепр, Киев – вехи украин-

ского отрезка фронтовой биографии Геннадия Макаровича. Работа у гвардейцев-миномётчиков прежняя – расчищать дорогу пехоте, уничтожать скопления войск и техники. Ох, и пришлось же набегаться и наползаться Геннадию с тяжёлой катушкой, зато «андрюши» били как надо и куда надо. Точно и беспощадно. А после боёв он принимал приветствия от благодарной пехоты. «Спасибо, боги войны, дали супостату прикурить!».

Правда в поломках связи не всегда были виноваты фашисты. В октябре 1943 года на плацдарме под Киевом танк прогрохотал гусеницами прямо по крыше землянки, в которой располагался командный пункт. Офицеры в испуге повыскакивали наружу, а когда вернулись, насели на Геннадия: давай срочно связь. «А где ж я её возьму, – смеётся тот, – весь провод танк на своих траках уволок». Пришлось заново прокладывать.

Запомнился молодому бойцу и Житомир. «Пьяный город. Немцы там оставили цистерны со спиртом, и многие солдаты не устояли перед искушением. Никакие приказы не помогали. А немцы, дождавшись, когда веселье дойдёт до высшей точки, нанесли контрудар. Город снова пришлось штурмовать. Итак он несколько раз переходил из рук в руки. Всякое на войне бывало…».

В перерывах между боями Геннадий мысленно возвращался домой, в родную деревеньку под Слободским. «Как там маменька», – с тоской думал он. Вообще-то она приходилась ему тётей, но для маленького Гены стала матерью, когда родительница отказалась от новорождённого. «Она меня спасла, выходила, вырастила. Даже на поле не расставалась со мной. Целый день траву косит или снопы вяжет, а вечером посадит меня на спину и домой. Очень я её любил».

После Украины фронтовые дороги привели Геннадия Завалина в Польшу. Смертельные бои на Сандомирском плацдарме по кровопролитию не уступали сталинградским. Отсюда был кратчайший путь к Берлину, и враг целый месяц пытался сбросить наши войска на Вислу. И снова связь не подвела. Гвардейцы-миномётчики своими «андрюшами» сожгли много вражеской техники, сорвали несколько мощных атак. Каждая из них могла стать для защитников последней. После Сандомира бригаду повернули на Чехословакию, а затем снова в Польшу. В январе 45-го во время Висло-Одесской операции Геннадий с товарищами нацелились на Германию. В апреле настала очередь Берлина.

Берлинская битва стала не только апофеозом, но и Армагедонном всей войны. С одной стороны – советские солдаты, наконец-то добравшиеся до логова фашистского зверя с намерением свернуть ему шею. А с другой – идейные фанатики из иностранных легионов СС, люто ненавидевшие русских. С ними – уверовавшие в геббельсовскую ложь о «скорой» победе юнцы из гитлерюгенда и поверившие другой лжи – о зверствах русских дяди из фольксштур-

ма, готовые ценой свой жизни спасать свои семьи. Поэтому беспощадные бои шли за каждый дом, за каждый перекрёсток, каждую улицу. Наши солдаты с трудом и большими жертвами продвигались вперёд. Но в городских теснинах трудно развернуть миномёты, да и куда стрелять? Один дом загораживает другой. Но и тут солдатская смекалка не подвела. Со «Студебеккеров» сняли направляющие и стали использовать в качестве мобильных миномётов. Затащат такого «андрюшку» на пятый этаж, наведут упор на очаг сопротивления – и жахнут. Дома от прямого попадания фугаса рассыпались на кирпичи.

Когда гарнизон сдался, наши солдаты прошли по берлинским улицам победным маршем. «Били насмерть немцев-гадов мы у волжской рубежей. Помнят камни Сталинграда поступь русских сыновей», – пел вместе с товарищами Геннадий марш родной 19-й бригады. Пел, а перед глазами вставали фронтовые эпизоды. Вспоминалось, как чуть не погиб под бомбёжкой, когда стоял на посту.

Падением Берлина война для него не закончилась. В последние дни довелось освобождать Австрию. Весть о капитуляции Германии догнала гвардейцев на марше. «От счастья мы плакали, смеялись, обнимались, стреляли в воздух. Не верили: неужели всё закончилось, неужели дожили?».

После демобилизации бывший солдат приехал в строящийся Кирово-Чепецк. Несколько лет прослужил в охране химзавода. Потом трудился в 105-м и 145-м цехах. А в 1985 году ветеран демобилизовался окончательно – на заслуженный отдых.

Записал Л. Корепонов

// Вперёд. – 2008. – 8 мая (№ 18). – С. 1, 3

Зорин Анатолий Михайлович

В армию Анатолия Зорина призвали 23 октября 1940 года. Он и не предполагал, что служба растянется на 6 лет. Что будет война. И через что ему суждено будет пройти…

В тот день из Усть-Чепцы в Просницу, где располагался военкомат, отправились 50 призывников. Утром погрузились в «телячий вагон» поезда Верхнекамск – Киров. Однако в Кирове их не высадили, а отправили дальше – в Литву. До Каунаса добирались 10 суток. Военный городок, куда их доставили, располагался на самом берегу реки Неман. Анатолия Зорина определили в 174-й гаубичный полк РГК. На вооружении полка стояли 122-мм гаубицы образца 1910 года. Короткоствольные, на колёсах с деревянными спицами. Командир полка

Красовский был из бывших царских офицеров. Статью, выправкой и военной культурой он заметно отличался от прочих командиров Красной Армии. За всю жизнь Анатолий Михайлович лишь однажды встретил офицера, подобного своему первому командиру. Это был командующий фронтом Рокоссовский, рукопожатия которого наш земляк удостоился в победном 1945-м. Но это будет через годы.

Анатолия Зорина определили в артиллерийские разведчики. Учили военному делу на совесть. Походы. Стрельбы. Снова манёвры. Начало войны Анатолий Михайлович помнит очень хорошо. Располагалась их 5-я стрелковая дивизия в 35 км от границы с Восточной Пруссией. В ночь на 22 июня дивизия была поднята по тревоге и выдвинулась к границе. Заняли заранее подготовленные позиции. В этом месте дорога проходила между двумя возвышенностями, где и устроили немцам «огненный мешок». Часть орудий, замаскировав, установили на прямую наводку. Другие должны были вести огонь с прямых позиций, из-за холмов. Скоро появился авангард немецкой танковой колонны – разведчики на 15 мотоциклах. Их пропустили. Но как только вражеская танковая колонна втянулась между возвышенностями, наша артиллерия обрушила на фашистов мощнейший удар. Сначала – в голову танковой колонны, потом перенесла огонь в глубину. После того как дорога оказалась заблокированной горящими танками, колонну немцев расстреляли. Но вскоре радость победы сменилась горечью поражения. В роли артиллерийских тягачей использовались трактора, перевозившие помимо орудия и расчёта боекомплект в 80 снарядов. Перед боем тягачи были направлены в тыл за боеприпасами, и больше их никто не видел. Батареи вели огонь по врагу до последнего снаряда. Последними снарядами, выполняя приказ, артиллеристы взорвали свои орудия. Вывезти их было не на чем. Тягостным был путь отступления. Думали, что удастся закрепиться на старой границе. Говорили, что там построены мощные укрепления, бетонные дзоты… На деле же обнаружили только осыпавшиеся окопы… Неделю там продержались. Пришлось отступать дальше. Запомнились Анатолию Михайловичу тяжёлые бои на Волховском фронте под Старой Руссой и, конечно же, Демянский котёл. Помнит он и ожесточённые сражения под Калинином.

Просто чудо, что за четыре года этой «мясорубки» он не был ни разу ранен! А ведь его воинская специальность – корректировщик – считалась среди артиллеристов одной из самых опасных. Корректировщики являлись «глазами» артиллерийских батарей, направляя их огонь на врага. И если орудия тяжёлой артиллерии, как правило, располагались в ближайшем тылу, то место артиллерийского корректировщика всегда было, как говорили фронтовики, «на самом передке» – в прямой видимости вражеских позиций. Урон, наносимый артил-

лерией врагу, – это, прежде всего, результат грамотной работы корректировщика. Поэтому в случае обнаружения корректировщика немцы палили по нему, не жалея свинца.

К выбору своего наблюдательного пункта корректировщика относились со всей серьёзностью. Обычно наблюдательные пункты устраивали на высоких деревьях. Позицию занимали затемно. К стволу дерева приматывали кусок телефонного кабеля, за который цепляли крючок, крепившийся на поясе. Это на случай ранения, чтобы не разбиться при падении с высоты. Однажды Анатолий Михайлович получил вместо 10-кратной стереотрубы новую, 20-кратную. Отличный прибор. Вот только козырька у неё не было, и оптика дала блик от утренних солнечных лучей. Немцы сразу его засекли и открыли артиллерийский огонь. Один из снарядов попал точно в ствол дерева, на котором сидел Анатолий Михайлович, но он, видимо в рубашке родился. Дерево рухнуло так, что солдат оказался на нём, а не под ним. К тому же ветви смягчили удар. И верный друг Коля Крючков, парень из Сестрорецка, вытащил его, контуженного, находящегося в бессознательном состоянии.

Другим корректировщикам везло меньше – его товарища, выследив, снял немецкий снайпер. Падал с дерева он уже мёртвым. Подсчитал потом Анатолий Михайлович потери среди своих сослуживцев, и получилось, что половина из них погибли. А ему везло. Как-то сидел он в блиндаже с четырьмя товарищами. Отошёл по нужде. Вернулся, а вместо блиндажа – воронка...

Две первые военные зимы наши воевали в шинелях и сапогах. Валенки, телогрейки и тёплое бельё они получили только на третью военную зиму. Мёрзли отчаянно. Спасали землянки. Выкапывали в мёрзлой земле яму по пояс, сооружали над ней шалаш из жердей, кровля – толстый слой елового лапника, вместо двери – брезентовый полог. В одной из стен землянки выкапывали нишу – пещерку, в которой сверху, ломом, пробивали отверстие, служившее дымоходом.

Кормили впроголодь. Солдатский рацион состоял из круп. А в боевой обстановке приходилось довольствоваться сухим пайком: четыре ржаных сухаря в сутки. До чего же вкусными они тогда казались…

Настоящей бедой, по словам ветерана, были вши. Буквально заедали. При малейшей возможности солдаты устраивали «бани». Всего-то нужны были для их устройства железная бочка, плащ-палатки да пара умелых рук. Каждый получал для мытья котелок горячей воды. Верхнюю одежду прожаривали в «вошебойках», сооружённых из тех же железных бочек, а завшивленное нижнее бельё попросту сжигали.

Часть, в которой он воевал, относилась к артиллерии резерва Главного командования. Поэтому её постоянно перебрасывали с места на место, туда, где

«горячее». Воевать довелось в Прибалтике, Белоруссии, на Украине. Освобождал Крым. Форсировал Сиваш. Участвовал в штурме Сапун-горы. Освобождал Польшу. Войну закончил в Германии, в городе Шверин.

Немецкие солдаты, считает Анатолий Михайлович, воевали умело, зло. Но и жестокими были неимоверно. Видел он в освобождённых деревнях повешенных людей – женщин, стариков, детей… Был в Майданаке, когда туда только-только вошли наши войска – печи крематория были ещё тёплыми. Живых узников он там уже не застал.

На груди ветерана – боевые награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы».

В. Северюхин

// Вперёд. – 2014. –12 дек. (№ 50). – С. 6.

Зорин Павел Миронович

Малой родиной солдата – ветерана ВОВ Зорина Павла Мироновича, полного кавалера орденов Славы, командира расчёта 1232 стрелкового полка 370 стрелковой Бранденбургской Краснознамённой ордена Кутузова II степени дивизии, является деревня Зорины Кирово-Чепецкого района. Там, в простой крестьянской семье, 12 августа 1913 года родился Павел. К середине 1925-го – за его плечами осталась четырёхлетняя Бурмакинская начальная школа.

Шли месяцы, сменялись годы… И вот уже позади три года службы в Красной Армии. Домой вернулся в 1938 году. Работал бригадиром в колхозе «Красная заря».

Тишину мирного труда Павла и его сверстников прервал грозный июнь сорок первого…

С июля 1941 года в непрерывных боях под Волховым – первое ранение. После тылового госпиталя – батарея 120-миллиметровых миномётов одного из сибирских полков, сформированных в Алтайском крае в сентябре 1941. В декабре – уже под Ленинградом.

Судьба благоволила ему, крестьянскому сыну, Павлу Зорину, он с боями дошёл до Берлина. Его военный путь перемещений впечатляет: Северо-Западный фронт, Калининский – до знаменитого 1-го Белорусского под командованием маршала Г. К. Жукова, впоследствии получившего народное звание «Маршал Победы».

Первую награду – медаль «За отвагу» – командир миномётного расчёта

младший сержант П. М. Зорин получил в боях за Коваль (Украинская ССР).

Первый – серебряный орден «Славы» III степени – за январский бой сорок четвёртого, у деревни Подречье Пустошинского района (ныне Псковкая область) за решительность и личную отвагу – огнём миномёта поразил 2 вражеских наблюдательных пункта, противотанковое орудие, миномёт, 2 пулемёта и до 20 солдат противника.

Второй – позолоченный орден «Славы» II степени – в составе 1-го Белорусского фронта. 27 июня 1944 года сержант Павел Зорин на подручных средствах переправил миномёт с запасом мин через р. Западный Буг в 26 км восточнее г. Хелм (Польша) и, командуя расчётом, подавил пулемёт и истребил до 10 солдат противника. 29-30 июля 1944 года принял участие в форсировании р. Висла, что севернее г. Казимеж в Польше, поддерживал огнём стрелковое подразделение.

Третий – золотой орден «Славы» I степени – за участие в боях в апреле 1945 года за населённые пункты Зельхов, Шверин (Германия). Миномётный расчёт Павла Мироновича Зорина, в составе миномётной батареи и приданным им взводом автоматчиков сходу переправились на левый берег Одера.

Клочок земли около самой реки – плацдарм. И его нужно удержать любой ценой. Бой был такой интенсивности, что на стволах миномётов сгорала краска. Личный состав нёс потери… Лёд на реке тронулся, миномёты стояли чуть ли не в воде… Остановились по две мины на каждый расчёт… Миномётчики стали в стрелковую цепь. И наконец, последняя, восьмая, атака отбита. Плацдарм удержан.

Огнём своего расчёта Зорин уничтожил 27 солдат противника, 2 огневые точки, подавил миномётную батарею, чем способствовал выполнению боевой задачи.

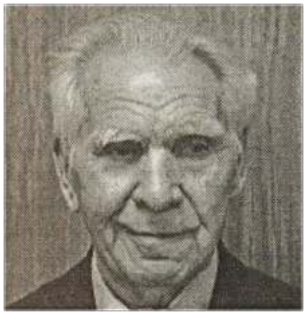
Впечатляющий наградной вал, где среди упомянутых наград ещё и уважаемые фронтовиками два ордена «Отечественной войны» I и II степени. За столь короткое время у отважного сержанта Зорина цементировалось мужество солдата грозного сорок первого.

В ноябре 1945 года старшина П. М. Зорин был уволен «по чистой» домой – вернулся к мирному труду. С супругой Елизаветой Афанасьевной воспитали двоих сыновей, помогли вырастить внуков.

В. Опиканец

// Твоя газета. – 2014. – 19 июня (№ 25). – С. 10.

Колисниченко Иван Николаевич



– В воскресенье, 22 июня 1941 года, я, студент Уральского политехнического института, готовился сдавать экзамены. Прошёл слух, что в 14.00 (по Москве – 12.00) по радио прозвучит важное сообщение. Народа около института собралось много. В назначенное время с речью о начале войны выступил В. М. Молотов. После его заявления на стихийно возникшем митинге люди стали вносить свои предложения, одним их которых прозвучало – послать правительству телеграмму, чтобы наши войска немедленно выдворили немецких захватчиков за пределы Советского Союза. Как начитанный человек, я знал, что Германия оккупировала уже половину Европы, и понимал: ожидать моментальной победы нельзя. Сдал экзамен, перешёл на 4 курс. Но невыносимо было видеть, как по Свердловску шли «пожилые» люди 35-40 лет, а за ними – плачущие жёны, и за каждой из них, держась за подол, бежали ребятишки один другого меньше. Смотришь – и становится не по себе: я человек молодой, семьёй не связан, а у тебя броня. В начале июля втроём пошли в военкомат. Но у друга одна оставалась больная мать, и он решил ещё подумать. А мы, два Ивана, прошли медкомиссию, через неделю получили вызов. Набрали человек тридцать, меня поставили старшим и направили в Стерлитамак, в переехавшее туда Рижское пехотное училище. Так я стал курсантом. Учили нас не долго, но блестяще: стреляли из винтовок, пулемётов, миномётов, ползали по-пластунски, обучались штыковому бою… Не скажу, что ученье давалось мне тяжело: ещё до войны и в школе, и в институте военное дело было поставлено исключительно хорошо. Имел звание инструктора стрелкового спорта, юношеский значок, «Ворошиловский стрелок» 1-й и 2-й степени, бегал 20-ку на лыжах. Через пару месяцев по тревоге нас погрузили в эшелон и повезли в направлении Москвы…

…В октябре 41-го в составе 27-ой отдельной курсантской бригады я оказался в Химках. Горизонт на юге и юго-западе – одно сплошное малиновое зарево: горели наши деревни и города. Нас распределили в лагерь, стоявший в лесу, кое-как вооружили, и мы сразу заняли оборону в д. Бурцево на Волоколамском шоссе. Немец пёр страшно, бесконечные атаки. Немало полегло наших солдат, но позиций мы не сдали.

…Конец октября – начало ноября… В Москве ввели осадное положение. После войны меня не раз спрашивали: были ли мы уверены, что победа будет нашей. Тогда такой уверенности не было, но душа болела, как оставить столицу, лучше погибнуть, чем попасть в плен. Зимой фашист немного выдохся: мо-

розы стояли страшные, выпало немного снега. С 5 на 6 декабря пошли в наступление. Отступая, немцы бросали сотни единиц техники. Отвоёванные деревни в основном все сожжены, на пепелищах торчали лишь печные трубы. В одной их деревень сняли с виселицы казнённых мирных жителей и похоронили вместе с погибшими боевыми товарищами. Каждый дал клятву, что отомстит фашистам за их смерть...

…В ночь на 2 января 1942-го нашу часть перебросили на Северо-Западный фронт. В составе 3-й ударной армии начали окружать 16-ю немецкую армию. Враг был хорошо одет, сыт и вооружён, а у нас один автомат ППШ на роту, в основном карабины и винтовки. Шли жестокие бои: за одну деревню сражалась целая бригада. К апрелю удалось изолировать противника от Западного и Ленинградского направлений. Накануне Первомая меня ранило. Отправили в санбат: сделали операцию, а дальше эшелоном под бомбёжкой – в полевой госпиталь, недалеко от Болотного. Через пару месяцев вернулся обратно на фронт. Выданной винтовкой образца 42-го года поцарапал все руки: отделка уже не та, что была до войны. Вскоре нашёл нашу, старенькую, образца 1927 года и дальше воевал с ней.

В августе меня вызвали в штаб бригады и отправили на учёбу в политучилище. После его окончания в апреле 43-го получил направление на Север, строили под Беломорьем укрепрайон, держали оборону. В конце войны оказался на севере Финляндии...

…Северо-западный фронт. Батальон из нашей бригады попал в окружение. Попытки его освободить успеха не приносили: немцы в лесу, на большаке, поставили несколько дзотов и не на одну неделю отрезали путь. Леса непроходимые, кругом болота… А незадолго до этого мы взяли трофей – немецкий миномёт и 20-25 мин к нему, но так как мы стрелки, то оставили его в деревне в 5 -6 км от линии фронта. Тогда я ещё похвастался, что умею с ним обращаться. И когда всё случилось, меня вызвал командир роты, поручил подобрать себе расчёт, взять себе миномёт и обучить из него бить. Приказ выполнил, вышли на опушку леса, наводчик был я. Первый раз выстрелил – перелёт, второй – недолёт. Математику я знал, поделил прицел, и в третий раз попали прямо в дзот. В образовавшуюся брешь батальон и вышел...

Под Москвой была у нас санитарка Оля. Красивая, аккуратная, в помощи никогда не отказывала. С каждой царапиной все сразу бегут к ней… Как раз меня послали с донесением. Заскочил во одну из изб, а под рогожкой – труп, откинул – Оля лежит, убило осколком от авиабомбы. Очень тяжело я тогда перенёс её смерть: молодая, красивая, жизнь ей много обещала, могла бы стать хорошей матерью или хорошим врачом...

Северо-Западный фронт плох тем, что кругом болота. Особенно было тя-

жело зимой 1942-го. Жили в лесу. На отделение из 5-6 человек строили из веток шалаш, крыли лапником. А то и вовсе спали на снегу, постелив ветки. Сидишь, греешься у костра, а лицо жёлтое, как у китайца, руки закопчённые. Изредка ходили в баню, так называемую жаровню. Рыли котлован, закрывали его накатом, ставили бочку из-под керосина. От такой бани становилось только хуже: жарко, вши кусали сильнее. Бельё – чёрное, удивительно, что тифа не было. А вот когда уже вернулся после ранения, в этом плане стало легче, в баню на санобработку стали ходить через 10 дней.

Трудное время: вооружения нет, боеприпасов мало, большие проблемы с доставкой продуктов. Полторы недели весной 42-го вообще ничего не давали, ели всё, что могли найти, включая мясо мёртвых лошадей, пролежавшее в снегу с осени. Когда снег растаял, всё кругом залило, а ходили в обмотках… Дошло до того, что покрылся я фурункулами, и отправили меня в медсанбат. По дороге нашёл мешочек с немецким табаком. Пришёл на место, сел на завалинку, закурил – голова пошла кругом. Подошёл старшина, спросил, что хочу в замен, отвечаю: «Поесть бы». Дал он тогда мне «сухарного теста»: мешки с сухарями с «кукурузников» без парашютов сбрасывали, а те – в воду… Сделали операцию, и 18 км шёл обратно в ад кромешный…

Записал В. Марков

// Твоя газета. – 2017. – 22 июня (№ 25). – С. 2.

Краев Борис Андреевич

Борис Краев родился 16 января 1924 года в п. Медведки Нолинского района. Его отец был механиком на пароходе, мать – домохозяйкой, но она умерла, когда мальчику было 10 лет. Рано умер и младший брат, и Борис с отцом, оставшись вдвоём, переехали в Котельнич.

Юноша окончил 9 классов, стал помощником механика: «Меня отец всему обучил. Я всюду с ним ходил, смотрел, что и как он делает, ему помогал – так и выучился». Как оказалось, тяга к технике очень пригодилась Борису в армии, куда его призвали в 1943-м. Парня направили служить на речной флот, но фронту требовались танкисты, и в том же году Краев попал в танковые войска: сначала механиком-водителем, затем – стрелком-радистом.

– В механиках-водителях недостатка не было: тракторист тот же танкист, механик – водитель. А вот радистов было мало: тут народ пограмотнее нужен. Я всегда связь держал на «отлично», ведь это глаза и уши танка на поле боя.

«Тридцатьчетвёрку» Борис Андреевич считал лучшим танком в мире: «Немецкая техника слабее нашей была, советская намного надёжнее. Лазил я в подбитые и брошенные немецкие танки, осматривал их. Видимость из них и прицелы хорошие. И только. Но они тяжёлые, да и комфорта особенного я в этих танках тоже не нашёл. Мы своим танком гордились всегда. И люди у нас воевали умелые, опытные. К тому же русские были смелее, потому мы и победили. Мы тогда так говорили: «Кто вперёд, то и берёт». Такая практика у нас была».

С особой теплотой Борис Краев вспоминал командующего 1-ой Гвардейской танковой армией – Михаила Ефимовича Катукова, грамотного и талантливого командира. Где Катуков, там победа – так считали. Немцы его боялись. Катуков очень умный был командир, всё старался предусмотреть наперёд, людей берёг, стремился с малыми потерями воевать. Вот что важно».

– Наш экипаж был, как одна семья. Тогда никаких национальных трений не было. Все друг к другу хорошо относились, по-доброму. Помню, вятских на войне встречал много. Вятских ценили, хвалили за смекалку, за то, что люди они смелые и не боятся смерти, идут вперёд. Ведь если бояться будешь, прятаться за чужими спинами – это не дело.

Но не только мужество и отвага помогали нашим солдатам бить врага. По мнению Краева, «победили мы, потому что знали, за что воевали. А за что они воевали? Мы воевали за своих людей, за свой народ, за свою Родину. Ну а немцы… Я видел зверства фашистов своими глазами. Они уничтожали вех: стариков, женщин, детей… Враг есть враг. Они нас ненавидели. А мы их».

Схватки с врагом были жестокие. В одной из них танкист был ранен, чудом остался жив: осколок снаряда пробил ватник и ремень, но, потеряв ударную силу, лишь скользнул по ребру. Видно, судьба хранила вятского парня, позволив ему дойти до Берлина, пережить и страшную битву на Курской дуге, и бои на Украине, и штурм Зееловских высот, случившийся уже под конец войны.

В одном из боёв на Украине его танк был подбит. Ходовая часть – вдребезги. Краев прямо на поле боя снял с подбитых танков необходимые для ремонта детали и вернул к жизни боевую машину. «Ожившая» «тридцатьчетвёрка» участвовала в боях за город Чертков, а Борис Краев получил первую награду – медаль «За отвагу».

Во время Висло-Одерской операции в январе 1945 года ему удалось запустить двигатель провалившегося под лёд Т-34, вывести танк на берег и помочь нашим разведчикам удержать плацдарм. За этот бой Борис Краев был награждён орденом Отечественной войны I степени.

На подступах к Берлину в танк попал вражеский снаряд. Начался пожар.

Тяжело был ранен механик-водитель. Немцы вели пулемётный огонь, не давая танкистам покинуть горящую машину. Выручил всех Борис Краев: он бросил перед танком дымовую шашку, и под её прикрытием вытащил раненого товарища. А потом, оставшись в танке один, потушил пожар, починил машину и вывел из-под огня, взяв на буксир другой подбитый танк с раненым экипажем. Затем снова вернулся на поле боя и вытащил ещё один наш танк… А ещё говорят, что один в поле не воин!

Там же, под Берлином, танк Краева неожиданно наткнулся на немецкую батарею. Снарядами была разрушена ходовая часть, разбит прицел пушки. Большая часть экипажа покинула танк, остались только Борис Краев и командир. Казалось бы, неподвижный, не имеющий возможности вести прицельный огонь, находящийся прямо перед немецкой батареей танк обречён. Но двое оставшихся в подбитом Т-34 не считали бой проигранным, а себя – побеждёнными! Командир давал ориентиры, а командир Краев вёл огонь из пушки: он наводил её на цель, глядя в канал ствола. В этом невероятном поединке изувеченной машины и фашистской батареи именно наш танк вышел победителем! А уже на следующий день Борис Краев участвовал в штурме Берлина.

За этот бой Бориса Андреевича наградили орденом Славы III степени. Он и после войны не потерялся. Сменил Т-34 на другую технику: сел за рычаги 25 -тонного железнодорожного крана и до выхода на пенсию работал в Кирово-Чепецке. И как работал: за трудовую доблесть в 1971 году был отмечен орденом Октябрьской революции.

Записал В. Северюхин

// Вперёд. – 2014. – 9 мая (№ 19). – С. 6.

Крылова Зинаида Дмитриевна

Война для молодой семьи, где муж был кадровым военным, началась ранним утром 22 июня с гула самолётов, чёрной тенью накрывших гарнизонный городок Золочев в Западной Украине, что недалеко от Львова. Муж-офицер, услышав тревожный зуммер, бросил через плечо: «Быстро собирайся и беги на вокзал. Береги первенца!».

С годовалым сынишкой Зинаида помчалась к «железке»… Рвались бомбы, в городе – паника. В ушах – вой от пикирующих «лапотников», которые из-за включаемой сирены получили ещё одно прозвище – «шарманщик» или «певун»…

– На вокзале паника ощущалась ещё острее. Первый эшелон, поданный

для отправки семей комсостава, был повреждён налётом немецкой авиации. Те, кто считал себя «счастливчиком», успев в спешке собрать нехитрый скарб, вынуждены были покинуть горящий состав через окна, вылавливались прямо на высокую платформу, на груди битого кирпича и стекла, раненых и убитых, попадая под свинцовый град пулемётов-стервятников с неба.

Первые вагоны эшелона были разбиты. Их проталкивали вглубь тупика, в спешке подавали товарные вагоны. Сбивая друг друга с ног, обезумившие офицерские жёны, их дети, пожилые люди штурмовали «товарняк». В одном из таких вагонов оказалась и Зинаида с сыном.

– …Вокзал. Обезумившие люди, метавшиеся по перрону. Плач детей. Между рельсов убитая молодая женщина, рядом ползает обезумившая от страха полугодовалая девочка. Солдаты подхватили меня с сыном и девочку, втолкнули в товарняк. Всё – как в кошмарном сне… Сильный толчок – тронулись! Как только состав вытянулся на загородной насыпи – с неба посыпались бомбы. Отчаянные детские крики, тягловый паровоз, покрывшись паром, отчаянно «гудел», состав встал, все разбегались от вспыхнувших вагонов. Всюду раскалённые куски металла. Цокали о колёсные тележки пулемётные очереди. Убитых и раненых никто не убирал… И так до самой старой границы, где наши бойцы, походная кухня сгладили страшный, незабываемый первый день войны….

С трудом офицерская жена добралась к родным в Белую Холуницу. Там Зинаиду Дмитриевну уже ждала похоронка на мужа. Продержалась у родных до 1943 года, затем краткосрочные курсы в Москве, потом – Тула и та самая, 56 -я отдельная гвардейская танковая бригада, с которой в качестве переводчицы отдела она прошла боевой путь от Тулы до Берлина и Праги.

…Фронтовые воспоминания Крылова пронесла через всю жизнь – прорыв блокады Ленинграда, освобождение Орла, Харькова, Киева, Львова, Сан Дамира, Берлина, Праги. Она мечтала «упереться» в стены рейхстага и оставить там свой автограф.

«… Было это так. Наша бригада вела бой в западной части парка в районе Рублена. Танки вышли на Гринштрассе, но путь им перекрыла баррикада. Сапёрам отдали приказ: взорвать её, а всем штабистам, ремонтникам, хозяйственникам, машинисткам, связисткам приказали взять оружие и стрелять поверх баррикады. От фаустпатронов загорелись два наших танка. Тогда бойцы сняли с пулемётов и пристроились прямо на мостовой, ведя бой по противнику. Кругом всё горело, стоял сплошной гул. Утром 2 мая баррикада была взорвана. Танки двинулись вперёд, немцы стали сдаваться, в окнах появились белые полотенца. А мы все устремились к рейхстагу. Когда подъехали, там уже реяли красные знамена.

Я не удержалась и тоже заскочила в рейхстаг. Вверху была стрельба. На пол сыпались документы с чёрными крестами. А наши солдаты топтали их сапогами. Но тут команда: «Рыбалковцы, по машинам!». Нас срочно перебрасывали в Дрезден, где сосредоточилось большое количество гитлеровских войск. После Дрездена последовал приказ: идти на Прагу. На рассвете 9 мая 1945 года мы вошли в столицу Чехословакии. Жители встретили нас радостно, забрасывали танки и машины цветами. Началось братание. Все целовались, обнимались и не стеснялись слёз. В порыве радостных чувств мы даже последние патроны выпустили вверх…».

После победного салюта маршрут младшего лейтенанта Крыловой был в одну из частей Потстдама. Она вторично вышла замуж за кадрового офицера. Когда родился сын, подала в отставку. После возвращения в Союз для семьи началась кочевая жизнь: мужа перебрасывали из одного округа в другой. И вот оказались на Вятке и осели в Кирово-Чепецке…

Имеет медали «За взятие Берлина», «За взятие Праги» и другие.

Записал В. Опиканец

// Твоя газета. – 2020. – 13 февр. (№ 7). – С. 3.

Кузнецов Филипп Филиппович

Июнь, 21. Лейтенант Филипп Кузнецов прибыл в Рижский гарнизон… Это было самое тяжёлое время, когда письма-треуголки, каким-то чудом «прорвавшись» к родным и близким, были отрывисты, коротки, полны надежд, наказов и распоряжений…

Всю «свою» войну – в одной 359-й стрелковой дивизии…

В сентябре 1941-го – первое и сразу тяжёлое ранение под ст. Лычково Ленинградской области. Будучи командиром миномётной роты, уничтожил во время атаки до 40 немецких солдат и офицеров, 2 ручных пулемёта с прислугой. За этот бой – орден «Красной Звезды».

К августу 1943-го капитан Кузнецов – заместитель командира батальона по строевой части. В сентябре 1943-го в ночном бою за город Ярцево Смоленской области – новая награда – орден «Александра Невского». Был контужен, но продолжил руководить боем. А вот следующее ранение в голову – тяжёлое, осколочное. Больше месяца находился между жизнью и смертью. Временная потеря памяти…

В декабре 1944-го родные получили весточку, где сообщалось, что Фи-

липп в госпитале г. Ижевска. В валенках, на босу ногу, не чувствуя холода, пешком до ст. Просница к сыну отправилась мать – Ксения Романовна… Дальше – товарняком… Мудрая крестьянка, поднявшая девятерых, спавшая, почти никогда не раздеваясь, стояла у изголовья своего Филиппа, потерявшего память и речь

«Не проси у судьбы лёгкокрылых удач». Радость от встречи с сыном-фронтовиком омрачилась тихой печалью и самопожертвованием… В 24 года Филиппа стал инвалидом, терявшим при волнении память и речь, и почти ничего не видящим. Ещё на больничной койке он начал осваивать письмо и чтение по пособиям для слепых. Вернувшись домой, Филипп уже читал и даже писал. Освоил гитару и баян, которые стали скрашивать ему однообразные дни. Позднее, вернулся к занятиям любимой математикой…

В. Опиканец
// Твоя газета. – 2014. – 14 авг. (№ 33). – С. 4.

Мальцев Григорий Тимофеевич

– 5 июля 1943 года – памятный день для меня. В этот день взвод в составе 231-го полка 75-ой Гвардейской дивизии держал оборону в районе ст. Поныри – Ольховатки. Здесь на стыке железнодорожной станций, противник стремился перехватить железную дорогу Орёл-Курск.

Полк отбил пять яростных атак. А вечером состоялась встреча с уже известным тогда советским писателем, корреспондентом газеты «Красная Звезда» Константином Симоновым. Мне, как им многим другим, были хорошо знакомы его фронтовые стихи. Особенно запомнилось щемящее сердце «Жди меня»…

… Прост в общении, но нас он поразил какой-то открытостью, доверительной, личной, авторской интонацией.

Там же на Курской дуге, в одном полку со мной воевал командир отделения автоматчиков младший сержант Иннокентий Смоктуновский. Здесь он получил свою первую награду – медаль «За отвагу». Вскоре наши фронтовые дороги разошлись, но дружба фронтовая осталась. После война сводила нас трижды, последний раз на 40-летии родной дивизии…».

Жизнь Григория Тимофеевича часть истории. Ветеран Великой Отечественной; атомной промышленности, почётный гражданин города, лауреат им. Я. Ф. Терещенко; участник четырёх парадов Победы на главной площади страны; лауреат форума «Общественное призвание Ассоциации офицеров запаса»; ка-

валер почётного знака медали «Патриот России»; «Знака ядерный щит Отечества»; памятного знака «Торжественный приём от имени президента РФ», а также четырёх орденов и тридцати восьми медалей и др.

Записал В. Опиканец
// Твоя газета. – 2014. – 17 июля (№ 29). – С. 11.

Матвеевы Иван Васильевич и Глафира Ивановна

В 1940 году в Ходыревской начальной школе Зуевского района познакомились мои бабушка и дедушка. Он 20-летний заведующий школой, она – 18-летняя учительница. Любовь с первого взгляда и на всю жизнь, как оказалось, и никакая война не помешала этой любви.

В сентябре 1940 деда призвали в армию и сразу направили в школу младшего комсотава пограничных войск – армии требовались грамотные специалисты. В начале 1941 года пришло письмо с фотографией. Дед в гимнастёрке с лычками старшины стрелковых войск и подпись: «Ну что, признала?». После этого связь с дедом надолго пропала. В 1942 году бабушка решила идти на фронт, но её сначала не взяли, не хватало 2 см роста. Тогда она скомкала газеты, подложила их в сапоги и добилась-таки – годна! Отучившись на краткосрочных курсах, в январе 1943 прибыла на линию фронта и тут же попала под первую бомбёжку. Было страшно, она побежала, а её повалил какой-то здоровый боец и накрыл собой. Связисты были всегда на передовой и тянули линии связи прямо во время боя. Несколько раз её батальон связи ходил в штыковую атаку…

А в 1943 году Матвеевы случайно встретились в одном селе на Украине. Оказывается, были совсем рядом – она на 1-м Украинском, он – на 3-м Белорусском фронте.

Близился конец войны. Дед, уже будучи лейтенантом, воевал в Польше в составе 64 стрелковой дивизии. Обстановка была очень сложной, дня не проходило, чтобы кого-нибудь не убили. Но Ивану Васильевичу везло, то ли любимая берегла его в мыслях, то ли господь Бог.

Глафира Ивановна дошла до Берлина и Праги, демобилизовалась, а Иван Васильевич не возвращался. И вдруг приходит письмо от Матвеева, что его направляют в школу совершенствования офицерского состава в г. Сортовалы, в Карелию. Глафира Ивановна не выдержала, рванула к нему. По дороге её обокрали, ни денег, ни документов. Добрые люди помогли – посадили в товарняк,

спрятали между тюков с сеном. А проверки вагонов были серьёзными – штыками кололи. Повезло, не проверили тот угол, где Глафира пряталась, так 2 границы пересекла. Арестовали её уже у ворот школы. Сидела в комендатуре ни жива, ни мертва, ожидая решения. Спас Иван Васильевич: «Это невеста моя приехала». Там же, в июне 1946 и расписались.

Иван Васильевич закончил школу и отбыл в часть. Глафира Ивановна вернулась домой. В марте 1947 у них родилась первая дочь – Светлана. Дивизию Ивана Васильевича из Польши передислоцировали на Западную Украину, на борьбу с бандеровцами. Глафира Ивановна с 4-месячной дочкой снова поехала к мужу на Украину повидаться, дочку показать, да с ним и осталась. В 1949 году у них родился сын Виктор. К концу года Ивана Васильевича перевели служить в Германию, а Глафира Ивановна с двумя детьми следом за ним.

Уже в Шеенберге, тогда в Карл-Маркс-Штадте, в 1950 году у них родился сын Руслан. Иван Васильевич служил при комендатуре. Вскоре Глафира Ивановна вместе с тремя детьми вернулась в Кирово-Чепецк.

В конце 1952 года дед демобилизовался. Началась мирная жизнь

Т. Жилина (внучка)
// Твоя газета. – 2015. – 7 мая (№ 19). – С. 13.

Родыгин Пётр Андреевич

Пётр Родыгин родился 16 мая 1922 года в селе Бызы Поломского сельского совета Просницкого района. Окончив семилетку, а затем ФЗУ, работал электромонтёром на комбинате «Искож» в Кирове.

В июле 1941-го был призван в Красную Армию, стал курсантом Уфимского пехотного училища. В январе 1943-го Пётр Родыгин был направлен в Уральский танковый корпус командиром пулемётного взвода мотострелковой бригады. Боевое крещение получил на Курской дуге. Был несколько раз ранен и контужен. За бои под Варшавой Пётр Родыгин награждён орденом Красной Звезды.

К январю 1945 года гвардии лейтенант Пётр Родыгин командовал пулемётным взводом мотострелковой бригады 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Отличился во время освобождения Польши. В ночь с 25 на 26 января взвод Родыгина переправился через Одер в 6 км к югу от города Штейнау (ныне – Сцинава) и принял активное участие в боях за захват и удержание плацдарма на его западном берегу. Во время отражения немецкой контратаки взвод Родыгина уничтожил

около 60 солдат и офицеров противника, а также несколько автомашин с боеприпасами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» гвардии лейтенант Пётр Родыгин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» он получить не успел: 29 апреля погиб в боях на подступах к Берлину. Похоронен на березу озера Гросер-Ванзе, восточнее Потсдама.

В городе Кирово-Чепецке в честь героя названа улица, а в музейно-выставочном центре бережно хранятся пожелтевшие письма.

В. Опиканец

// Твоя газета. – 2018. – 21 июня (№ 25). – С. 3.

Романов Георгий Фёдорович

Удивительное поколение – солдаты Великой Отечественной… Мелькают как зарницы, такие светлые души.

Романов Георгий Фёдорович, 1919 г.р., сибиряк. Студент, окончивший три курса Свердловского политехнического института до войны… В июне 1941-го – человек с императорской фамилией – слушатель воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского. Первый, положенный слушателю отпуск, «проводит» техником по вооружению эскадрильи в полку штурмовиков 1-го Белорусского фронта. В августе 1943 – уже в звании техника – лейтенанта возвращаются в родной полк. В декабре воюет в составе 4-го Украинского фронта, будучи заместителем старшего техника…

Победу техник – лейтенант Г. Ф. Романов встречает в Чехословакии. Ранение, контузии… Награды – орден «Отечественной войны 2 степени», медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

В августе 1945-го Георгий Фёдорович не сняв шинели, явился в свой альма-матер. Оказалось война провела своеобразную селекцию – от курса осталось всего четыре человека. Не расформировали – дали закончить по своей специальности...

В. Опиканец

// Твоя газета. – 2014. – 9 окт. (№ 41). – С. 10.

Сиволапов Василий Васильевич

У Василия Васильевича Сиволапова редкая судьба. «Жизнь я прожил коварную, тяжёлую» – говорит ветеран.

Вот как участник обороны Ленинграда вспоминает лихие годы:

– Бойцов для обороны Ленинграда готовили в Омске. Предвидя суровые условия, давали большие физические нагрузки, кормили скудно, всего два раза в день. Моральный дух поднимали песней: «Ленинград мы не сдадим, красную столицу. Всех фашистов перебьём, встанем на границу!

В конце декабря 1941 года Василий прибыл на станцию Жихарево. Оттуда красноармейцы, по два человека, под обстрелом шли в Ленинград через Ладожское озеро. Попал он в стрелковый полк пехоты. «Накануне наступления рядовой и сержантский состав стригли наголо. Чтобы вздремнуть в окопе, клали под голову лопату, а утром голова была чугунная. У необстрелянных – мандраж: в землю бы зарыться или в небо взлететь. Но, услышав команду «Вперёд!», выскакивали из окопов и про всё забывали. Фронтовые сто грамм только один раз дали – перед прорывом блокады».

«Зима как назло лютовала. В шинели и сапогах холодно на снегу лежать. Встать нельзя – пули и осколки снарядов летят. Кормёжка – 200 г хлеба в сутки и супчик «крупинка за крупинкой бегает с дубинкой». Да и тот, если термос у солдата пуля пробьёт, вытечет. Курильщики мучились – за одну папиросу 100 г хлеба отдавали. А через две недели голодной жизни замерзали на посту, редко кого удавалось кипятком отпоить. Невыносимые для человека были условия.

На Синявских высотах за каждый метр земли дрались лоб в лоб. Сначала немцы нас гранатами забрасывали, а потом мы в атаку пошли, все смешались. Стрелять нельзя – в своих попадёшь. Штыком и прикладом орудуешь. Четверо нас тогда из пятидесяти от роты осталось. Я ранен был в пяти местах. А у товарища глаз на ниточке висит, а из ягодицы будто лошадь кусок мяса выкусила. Я помог добраться до лазарета. А вообще, по приказу командирования, мы не имели права раненых выносить во время боя, только медсёстры могли по ночам. Лежишь на посту, с поля – стоны, крики о помощи, а помочь нельзя…».

Четырежды ранен был Василий Артемьевич, но всегда возвращался в строй, хотя позже дали ему вторую группу инвалидности. «Из-под Ленинграда тогда комиссовали, только если голову оторвёт». Он и в прорыве блокады участвовал, и в освобождении Ленинграда. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги». А из опыта своей нелёгкой жизни вынес: «никому не завидовать, ни о чём не жалеть. Жизнь надо воспри-

нимать не так, как ты её задумал, а как сложится».

Записала С. Патрикеева
// Вперёд. – 2013. – 3 мая (№ 18). – С. 10.

Шиляев Александр Иванович

В 1939-м он был призван в пограничные войска, а в июле 1941-го служил на советско-германской границе в Западной Белоруссии у г. Ломжа. Граница проходила вдоль небольшой речушки, по другому берегу которой патрулировали немецкие солдаты, одетые в униформу мышиного цвета. По воспоминаниям Александра Ивановича, это были жизнерадостные парни. Увидев наш патруль, останавливались на перекур, улыбались и, приветствуя, махали руками. Раскрыв пачку сигарет, кричали: «Рус, айн сигарет воллен?». Наши пограничники, как положено, ответно приветствовали их отданием воинской чести. Тоже доставали папиросы – свои, мол, имеем. Вскоре все его друзья-пограничники, вся его застава погибли от пуль этих улыбчивых парней. А ему повезло: за пять дней до этого, 17 июня, направили Александра Ивановича в молдавский город Рыбницу в отдельный батальон НКВД. Утром 22 июня началось для него с воя сирен – тревога. Ни свет ни заря построились с оружием и боеприпасами во дворе. Комбат сообщил: война! Их эшелон двинулся в Кишинёв. За четыре часа пути его четырежды бомбили. Точнее, поле справа и слева вдоль эшелона, на которое по команде «Воздух», выбегали бойцы, стараясь рассредоточиться. Сам эшелон немцы не бомбили: старались сохранить железнодорожное полотно для себя. Александр Иванович прятался от осколков под вагоном, за его колёсами, потому и уцелел.

В Кишенёве батальон взял под охрану воинские склады. Но была у бойцов и другая «работа». В небе хозяйничали «Юнкерсы», излюбленной целью которых были очереди за хлебом. В основном в них стояли женщины и каждая – в ярком цветастом платье. При налёте от страха они кучно сбивались, становясь лёгкой целью для гитлеровских «асов». После каждого налёта бойцов посылали собирать погибших. Страшное зрелище: молодые, красивые, окровавленные…

Потом были бесконечные дороги отступления. Зарывались в землю у какой-нибудь безвестной деревушки. Дрались яростно, с ожесточением. Те, кто оставался в живых, отступали снова, пряча в глаза от людей, кричавших им: «Почему нас немцам оставляете?». Окончательно остановились только в Сталинграде. «Надлом в бойцах произошёл какой-то, – вспоминал Александр Ива-

нович. – Каждый для себя решил: всё, хватит! Пусть хоть весь ад на нас обрушится, не уйдём!». Фашисты остервенело рвались к Волге. Высота, где сражался Александр Иванович вместе со своими товарищами, шесть раз переходила из рук в руки, но немцы её так взять и не смогли. Не помогли ни массированные артобстрелы, ни «психические атаки» гитлеровской пехоты, шедшей густыми цепями в полный рост. Бойцы 161-го полка 13-й дивизии войск НКВД стояли насмерть. Среди них на той высоте косил из своего пулемёта «Максим» врагов и Александр Иванович, мстя захватчикам за позор отступления летом 1941-го.

Записал В. Северюхин

// Твоя газета. – 2020. – 9 июля (№ 28). – С. 3.

Шиляев Василий Яковлевич

На фронт Василий уходил в августе 1942 года из родной деревни Чесноки, что под Филипповом. Парню повезло: его определили воевать в самые элитные войска – в 5-й отдельный гвардейский полк реактивных миномётов, заряжающим номером. Часть располагалась недалеко от Сталинграда, и бойцы с тревогой вслушивались в басовитый гул тяжелейшей битвы, решавшей судьбу человечества.

19 ноября вступили в дело и гвардейцы. Они буквально утопили вражеские окопы в огне. «У нас душа пела, – вспоминает Шиляев – наконец-то мы перешли в наступление, которого так долго ждали». Уже через несколько дней в городе Калаче он горячо пожимал руки бойцам Сталинградского фронта: кольцо вокруг 6-й армии замкнулось.

Несмотря на безнадёжное положение, морозы и голод, немцы и не помышляли сдаваться. Они фанатично верили в чудесное спасение, обещанное фюрером, и бешено сопротивлялись. Наш ультиматум был отклонён, и миномётчикам совместно с остальными артиллеристами пришлось огнём и сталью «убеждать» неприятеля прекратить упорствовать в гибельном заблуждении. Вскоре по дорогам потянулись длинные унылые колонны пленных. Заросших, оборванных, грязных. «Глядя на этих задрапированных вояк, клянчивших кусок хлеба, я не верил своим глазам: неужели они те самые непобедимые арийцы, сверхчеловеки, дошедшие до Волги? Значит, их можно одолеть».

Довелось Шиляеву встретиться и с самим Паулюсом. Наш солдат стоял на посту, когда появился немецкий генерал. Остановился, внимательно посмотрел на длинную колонну «катюш», вытянувшуюся вдоль сельской улицы, и зашёл

в избу. «Узнав, что высокий подтянутый атлет – бывший командующий 6-й армией Паулюс, – рассказывает Василий Яковлевич, – я смекнул, что нам специально при въезде в село приказали расчехлить «катюши». Видимо, надо было наглядно продемонстрировать фельдмаршалу самое эффективное советское оружие, чтобы стал сговорчивее на допросах».

После ликвидации окружённой группировки полк хотели отвести на отдых, но помешал внезапный немецкий контрудар под Харьковом. И хотя реактивные миномёты уничтожили немало вражеских войск, пришлось отступить.

Выдохшись, обе стороны перешли к обороне и начали готовиться к летним боям на фронте, который потом назовут «Огненной дугой».

Дивизионы «катюш» являлись личным резервом командующего армией и с началом Курской битвы использовались в роли кочующих «пожарных команд». Они оперативно перебрасывались в наиболее горячие места, туда, где танковые клинья немцев грозили смять нашу оборону. Подъехавшие гвардейцы сходу давали залп – и на новое место. Курская битва запомнилась нашему земляку бесконечным мотанием по степным дорогам и просёлкам, пыльным и ухабистым. А с другой стороны, непрерывное маневрирование помогало уходить от ответного удара немецкой авиации, охотившимися за неуловимыми «катюшами».

Потрясла Василия несокрушимая мощь танковой армии, которая казалось, заполнила бесконечными рядами грозных «тридцатьчетвёрок» всю степь. … Через несколько часов под Прохоровкой герои-танкисты, схлестнувшись лоб в лоб с бронированным кулаком вермахта, принудят его прекратить операцию «Цитадель».

Отразив германское наступление на Курск, советская армия начала освобождение Украины. В тяжёлых боях гвардейцы занимались привычной огневой работой: подавляли вражеские контратаки, расчищали путь нашей пехоте, ликвидировали скопления противника. Как-то ракетчики добавили жару немецкому батальону, вздумавшему охладиться в озере. Наблюдатели всегда внимательно следили за поведением ворон. Знали: там, где их стаи суетятся особенно энергично, неприятель расположился на обед. «Десерты», как правило, прилетали вовремя и в нужном количестве. Хорошо чернокрылые санитары природы помогали очищать родную землю от оккупантов!

18 августа под Богодуховом Василию Шиляеву не повезло. При внезапной бомбёжке он был ранен осколками в затылок и руку. Боец категорически отказался уезжать в госпиталь – боялся после выздоровления угодить в другую часть – и лечился в своём медсанбате.

Отлично показал себя солдат в сражении за Днепр. Оставшись без боеприпасов на Букринском плацдарме (возле Киева), в разгар боя замолчал ракетный

дивизион. По приказу командира два Василия – Шиляев и Выжинов стали доставлять снаряды на лодке. Плыть пришлось днём под прицельным обстрелом. Во время очередного рейса снаряд утопил лодку, и стремительное течение понесло смельчаков прямо к вражескому берегу. К счастью, дорогу им перегородил паромный тросик. «Когда нас пехотинцы выловили, я тела своего не чувствовал, настолько промёрзли в ледяной октябрьской воде», – вспоминает Василий Яковлевич. К медали «За оборону Сталинграда» на груди гвардии рядового Шиляева за этот подвиг добавился орден Красной Звезды.

Трагическое и комическое на войне часто ходило рука об руку. Однажды миномётчикам объявили благодарность за помощь… в поимке «языка». Недоумение прошло быстро. «Виноватым» оказался трофейный реактивный миномёт. В паузах между боями ракетчики, развлекаясь, молотили немцев их же минами. Те решили, что по ним стреляют свои, и послали разведчиков предупредить неизвестный расчёт об ошибке. «Делегация», разумеется, тут же стала добычей нашей пехоты.

А вот под Винницей на Шиляева чуть было не ушла похоронка. В составе диверсионной группы его направили в немецкий тыл уничтожить две «катюши», оставленные во время спешного отступления – секретное оружие не должно было попасть в руки врага. Проникнув незаметно в село, бойцы нашли замаскированные машины и заминировали их. А затем командир группы приказал Шиляеву и ещё двоим солдатам поджечь запальный шнур и догнать остальных в лесу. Так они и сделали, но взбудораженные взрывами немцы принялись интенсивно обрабатывать из пушек пути отхода нашей тройки. Посчитав, что под густым свинцовым ливнем хлопцы погибли, группа ушла. Солдаты поплутали несколько суток по лесу и всё же выбрались к своим. Там и узнали, что попали в разряд без вести пропавших. «Нас даже успели снять со всех видов довольствия».

Завершив освобождение Украины, наши войска вступили на землю оккупированных европейских стран. Василий освобождал Польшу и Чехословакию. Война шла к концу, но бои были длительные, упорные и кровопролитные. Особенно в Карпатах. Там, на одном из перевалов, батарея Шиляева угодила в засаду. От верной гибели товарищей спас расчёт соседней батареи, обстрелявший противника ракетами с фланга.

Чехи и словаки радостно встречали избавителей от «коричневой чумы». Выносили им всё, что находилось в богатых погребах. Поляки же настороженно отнеслись к советским солдатам, добросердечное угощение в Польше было большой редкостью. В начале мая сорок пятого 5-й гвардейский миномётный полк, другие части Украинского фронта прокладывали себе дорогу огнём, устремившись на помощь восставшей Праге. «Наши экипажи вошли в город одни-

ми из первых», – с гордостью произносит Василий Яковлевич.

9 мая счастью не было предела: пришла долгожданная весть о капитуляции Германии. Война кончилась.

Демобилизовался Василий Шиляев в 1947 году. Через три года поступил на химкомбинат и начал трудовую биографию водителем. В 1962-м он назначается начальником центральных ремонтных мастерских УАТ. Василий Яковлевич отдал предприятию 34 года своей жизни. Трудился так же, как и воевал: не за страх, а за совесть. За высокие производственные процессы правительство отметило его государственными наградами.

Записал Л. Корепонов

// Вперёд. – 2007. – 4 мая (№ 17). – С. 1–2.

Шустов Алексей Петрович

Алексей Петрович Шустов родился в деревне Каркино. Родительский дом был большим, двухэтажным, в ней обитали неразделённой семьёй отец и его братья каждый со своим потомством. Семья у отца была немаленькая – он с женой, да два сына, да три дочери, всего семь человек. Отец был человеком мастеровым – не только крестьянствовал, но ещё и гармошки делал. Когда наступили голодные времена, он по приглашению сослуживца перебрался в Новосибирск, где организовал мастерскую по изготовлению гармоней, а позднее освоил производство баянов и балалаек.

После смерти отца мать приняла решение возвратиться в Каркино. Здесь дом, полдеревни родственников. Там и жили бы, если не война.

– Когда началась война, мне 18 лет было. Старшего брата призвали ещё раньше, в 1939 году, на Дальний Восток. Он там всю войну прослужил на подводной лодке. Из нашей семьи ушли я и моя сестра-близнец. Она стала связисткой, а я попал в пехоту. Вот какое чудо – мы все на войне уцелели. В Каркино с войны только четверо вернулись – мы трое да наш двоюродный брат, а ведь из каждого дома в деревне где два, где три, а где и четыре человека на фронт ушли.

Алексей Шустов был пулемётчиком, первым номером расчёта станкового пулемёта «Максим».

– Для врага в бою наш пулемёт – самая важная цель. Пулемётчик тот же смертник. Вот и я в бою под Воронежем получил своё первое ранение. После излечения отправили меня в Москву на шестимесячные курсы в снайперскую

школу им. Пчелинцева.

Однако во время обучения нас «переориентировали» – фронту нужны были младшие командиры. Так, что получив сержантские погоны, я попал в артиллерию, сменил пулемёт на «самоходку». Далее уже воевал в роте управления. Была у нас самоходная артиллерийская установка СУ-76, несколько американских грузовиков «Студебеккер» и мотоциклов «Харлей-Девидсон». С боями дошли до Белоруссии. Всякое бывало. Товарищей теряли. Мёрзли и голодали, когда интенданты недорабатывали. В наступлении, помню, всегда старались немецкое продовольствие захватить…

На войне много чего страшного, но страшнее всего – рукопашный бой. В рукопашных схватках преимущество было у наших. Русские трёхлинейки со штыком были длиннее немецких. Если изловчишься, то ты в него свой штык раньше загонишь, чем он тебя своим достанет. Но в том бою, где мне пришлось с немцами в рукопашной схлестнуться, от винтовок со штыком немного толку было. Это был траншейный бой, а в траншее развернуться негде. Мы действовали, как тогда говорили, «гранатой и лопатой». Главное, к немецким окопам на бросок гранаты подобраться. А там гранаты бросай в окоп, и когда рванёт, не дай немцу в себя прийти, сверху в траншею на него бросайся. Вот там-то, в траншее, самый жуткий бой идёт: лопатами сапёрными как топорами рубятся, ножами люто роют-колют, дерутся кто чем, голыми руками глотки рвут. Я отбивался автоматом ППШ. Сначала в упор стрелял, а уж потом, в свалке, бил прикладом».

В рукопашной схватке и минутной потери сознания достаточно, чтобы или добили тут же, или упавшего попросту втоптали в землю. Недаром немецкие солдаты, кому удалось выжить в этом аду, утверждали, что тот, кто не был на Восточном фронте и не сражался с русским в рукопашном бою, не знают что такое настоящая война...

Война для Алексея Шустова закончилась в Белоруссии – там он второе ранение получил. Осколком миномётной мины перебило руку. Отправили в госпиталь в Красноярск. Когда выписали, с гитлеровцами было всё покончено, и он на другую войну попал – с японцами, и снова в пехоту.

«Японцы – народ мелковатый, но храбрости им не занимать, эти «харакири» прямо на танковую броню бросались – вот какие! Одно слово – фанатики. А вот японки очень красивые и одевались тоже очень красиво – не как китаянки. Те все в каких-то чёрных халатах и штанах. Хотя и среди китаянок тоже встречались красивые женщины. Китайцы тогда очень бедно жили. Лачуги из глины, дети бегали голые совсем и чёрные, то ли от солнца, то ли от грязи. Но к нам китайцы относились исключительно хорошо. Я до 1947 года в Порт-Артуре служил, и отношения с китайцами и корейцами у нас были очень

хорошие, в футбол даже с ними играли.

Я футбол очень любил. Уже когда домой вернулся, здесь, в Чепецке, всегда играл крайним нападающим за стройку, против «тэцовских» и «химовских». Спорт со мною всю жизнь».

Записал В. Северюхин

// Вперёд. – 2016. – 7 окт. (№ 40). – С. 6.

Якименко Михаил Нефёдович

Город Ишимбай республики Башкортостан. Он, музыкант, играет в духовом оркестре на стадионе. Начинается футбольный матч. Но в 12 часов дня игра прекращается, и из громкоговорителя доносятся слова: «Внимание! Внимание! Началась война». Михаилу Нефёдовичу шёл 20-й год, самый что ни на есть призывной возраст. А повестки из военкомата всё нет и нет. Так прошёл в ожидании месяц, второй. Уже осенние листья золотят дорогу, зима не за горами. Не выдержал Михаил, сам отправился в военкомат разбираться, что да почему? Нашли его учётную карточку, а там написано – осуждён на три года. Михаил даже побагровел от злости: «Да вот же он я!». По чьей-то преступной халатности он почти полгода просидел дома, а его друзья на фронте в это время проливали кровь.

2 января 1942 года, в день его рождения, призвали Михаила в ряды Красной Армии. В течение месяца в учебном батальоне обучали на младшего командира отделения миномётчиков. И на передовую.

Первый раз Михаила Нефёдовича ранило в голову в 1942 году. Это случилось при наступлении наших войск под Воронежем. В полевом госпитале быстро подлечили. И отважный боец снова стал проситься на передовую. На фронт не отправили, оставили охранять полевой госпиталь, где лечился. Заскучал солдат и решил схулиганить – в карауле выстрелил в птицу. А стрелять было нельзя. Так хитрость бойца помогла попасть ему на передовую. Была середина лета. С боями дошёл до Белграда.

28 февраля 1943 года Якименко снова ранило, теперь уже в руку и ногу. На этом война для него закончилась. Провалялся целый год на больничной койке. Ногу хотели ампутировать – не дал.

Н. Александрова

// Твоя газета. – 2011. – 16 июня (№ 24). – С. 3.

Меткие стрелки: снайперы Великой Отечественной войны

...Но в людей не стреляю,
Бью зверьё наповал...
О. Любовиков

Жйков, Е. Кто храбр да стоек, тот десятерых стоит / Е. Жуйков // Судьбы разные – Отечество одно. – Киров, 2005. – С. 134–144.

Героями Великой Отечественной войны стали многие солдаты и офицеры Красной Армии. Пожалуй, трудно выделить военные специальности, которые бы особенно выделялись при присуждении боевых наград. Среди известных Героев Советского Союза есть сапёры, танкисты, лётчики, моряки, пехотинцы…

Но есть одна военная специальность, которая занимает особое место в категории подвига. Это – снайперы. Самым известным снайпером – нашим земляком был Иван Николаевич Галушкин, на счету которого 418 солдат и офицеров. Ему и посвящён данный очерк.

Ивана Николаевича в нашем городе знали многие, с ним часто беседовали журналисты, публиковали его воспоминания в газетах... Однако мало кто знает, что в нашем городе жила ещё и женщины-снайперы...

Галушкин Николай Иванович

Месяц январь для снайпера Николая Ивановича Галушкина на фронте всегда был знаковым. В январе 1943 года его в числе 24 бойцов пригласили в штаб фронта. Там состоялась церемония награждения отличившихся бойцов орденами Красного Знамени Монгольской Народной Республики. Награды вручали представители делегации из этой страны. В числе награждаемых были тоже и высшие чины – командующий фронтом Иван Степанович Конев и член Военного Совета фронта им. Н. А. Булагин. После церемонии награждения Конев попросил Галушкина задержаться. Спросил: откуда он родом? Узнав, что вятский, заулыбался – земляки. Поинтересовался: где так стрелять научился. А в конце беседы предложил направить его в военное училище – командирские способности на лицо. На это заманчивое предложение снайпер ответил: «Товарищ генерал, извините, но я уже в академию поступил». – «В какую академию?» – опешил генерал. –

«Да в ту самую, в которой сражаются наши братья и сёстры, защищая Родину». – «Молодец!» – восхитился ответом Конев. Только успел вернуться Галушкин в свою часть, а туда уже депеша пришла: присвоить рядовому Галушкину звание младшего лейтенанта! Учёба в академии, каковой, по мнению снайпера, являлся для бойца фронт, было делом ответственным и очень опасным. Любая ошибка или небрежность могли стоить жизни. Уроки стоили дорого, оплачивались кровью.

Первый свой урок в этой академии он получил тоже в январе. Новый 1942 год он встретил под Москвой, их часть выгрузилась из эшелонов в Наро-Фоминске. И уже 3 января им, необстрелянным бойцам, было приказано взять деревню Огарыши. Перед атакой он предложил командиру свой план действия – не ломиться по открытому полю в лоб на вражеские позиции, а ночью, потихому, пробраться небольшой группой через лес, опушка которого близко подходила к деревенским огородам, залечь на её околице. Дождаться, как только начнётся атака, сразу ударить немцам в тыл, дезорганизовав их оборону. На толковое предложение рядового бойца командиры отмахнулись, едва не обвинив в трусости. Последствия предпринятой лобовой атаки были ужасными. Почти всех бойцов, отважно рванувшихся на вражеские позиции по снежной целине, положили немецкие пулемётчики в открытом поле. Сам Галушкин уцелел чудом. Он не стал пятиться назад, как это делами залёгшие под огнём врага его товарищи, а, наоборот, до деревенских построек. Там увидел, как из-за угла сарая ведёт огонь немецкий автоматчик. Подобравшись ближе, он выхватил у изумлённого немца оружие, схватил его за горло, свалил с ног и немецким же автоматом раскроил ему череп. Далее, сообразив, что атака захлебнулась, он поспешил укрыться и зарыться в снег. Там и лежал, как мёртвый, пока не стемнело. От обморожения его спасло то, что валенки он себе всегда брал размером больше, наматывая поверх портянок толстый слой обычных газет, которые, впитывая влагу, позволяли держать ноги сухими. Скоро стемнело, он слышал, как немцы ходят по полю в темноте и снимают с наших павших бойцов самый желанный для них трофей – русские валенки, и, похлопывая валенок о валенок, сбивая с них снег, переговариваются. Ориентируясь на эти звуки, он в темноте стал пробираться ползком, к своим. Обнаружил ещё одного бойца, залёгшего в снег, к счастью, живого. Тот попытался встретить незнакомца ударом штыка, опасаясь стрелять, немцы рядом. Однако смачный русский мат вполголоса послужил паролем – свой. В конце концов, под утро им удалось выбраться к своим, ориентируясь по кровавой дорожке, оставленной ранеными, которых уцелевших после той бойни бойцы выносили в тыл. Это был урок. С той поры Николай Галушкин стремился воевать, руководствуясь только своим пониманием ситуации. Да, он неукоснительно выполнял боевую задачу, постав-

ленную командиром подразделения, но, как снайпер, сам решал, как именно он будет это делать. На снайперских позициях, которые он устраивал на нейтральной полосе, никаких командиров над ним уже не было.

Второй урок во фронтовой «академии» он получил тогда же, в первых числах января 1942 года. Группа бойцов 49-го стрелкового полка, среди которых находился Галушкин, вошла в небольшое село Макаровку, расположенное под Наро-Фоминском. Впрочем, селом это назвать было сложно – всюду торчали только закопчённые от пожаров печные трубы. В единственной уцелевшей избе красноармейцы обнаружили страшную находку. На полу в горнице в луже крови лежал труп старика с перерезанным горлом. Тут же – тело растерзанной молодой матери и тела трёх ребятишек. Один из них был пригвождён к полу штыком. На трупе старика была приколота записка с обещанием вернуться и сделать так со всеми советскими людьми. Потрясённые этим зрелищем бойцы поклялись отомстить. Николай Галушкин не забыл о своей клятве. Став снайпером, он на брезентовом ремне написал: «Помни Макаровку!». Ещё раньше такая надпись была сделана внутри каски. Это был урок ненависти. И он был усвоен очень хорошо. Когда впоследствии ставшего знаменитым снайпера спрашивали, что он чувствует, уничтожив 418 человек. Николай Иванович отвечал: «А я не видел в них ЛЮДЕЙ, они не были ЛЮДЬМИ». Дорого обошлась немцам та Макаровка.

Фронтовая академия, до Дня Победы, ещё не мало поставила задач перед Николаем Галушкиным, которые ему приходилось решать, теряя товарищей, получая контузии и тяжёлые раны. Он и сам в этой академии станет авторитетным преподавателем, щедро передавая свой опыт другим. Прямо на передовой подготовит 150 снайперов, которые уничтожат не менее 3000 нелюдей (по другим данным – около 5000). Так, защищал свою Родину сирота-подкидыш, беспризорник, а впоследствии воспитанник детской трудовой коммуны в селе Чепца, наш славный земляк Герой России Николай Иванович Галушкин.

В. Северюхин

// Твоя газета. – 2019. – 19 дек. (№ 51). – С. 2.

Бакулева Александра Михайловна

Бакулева (Лошукова) Александра Михайловна была единственной из целой команды вятских девчат, приехавших вместе с ней, кого приняли в женскую школу армейских снайперов. Отбор был простым – привели на … кладбище (вместо стрельбища – место безлюдное), дали каждой девчонке по

пять патронов, показали, как заряжаться, как целиться. Поставили задачу – уложить все пять пуль в центр мишени. Справилась только она одна, её и направили в знаменитую снайперскую школу.

Потом был фронт. На передовой она занималась смертельно опасным делом – охотилась на немецких снайперов. Наступая вместе с пехотой, берегла наших солдат, подавляя огневые точки врага. За участие в уничтожении немецкой разведгруппы, неожиданным броском захватившей передовую траншею, была награждена орденом Славы III степени. Закончила Александра Михайловна войну в Берлине. Среди наград – чтимая фронтовиками медаль «За отвагу», а ещё медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

В. Северюхин
// Твоя газета. – 2020. – 23 апр. (№ 17). – С. 3.

Балабанова Евдокия Гордеевна

Лейтенант Балабанова Евдокия Гордеевна на фронте была командиром огневого взвода. Воевала с июня 1944 года. Только прибыла в часть после училища, как через десять дней после одной особенно жестокой бомбёжки осталась на батарее единственным офицером. А через день была ранена – рука плетью повисла. Но, несмотря на ранение, отказалась покинуть батарею. Солдаты уважали, ценили и берегли своего командира. Старались облегчить её быт, не позволяли никому оскорбительных намёков в её адрес, жестоко пресекая их. Лейтенант Балабанова участвовала в штурме Кёнигсберга, во взятии Берлина, в освобождении Праги. Награждена орденом Красной Звезды и пятью боевыми медалями. После войны долгие годы, до выхода на пенсию, работала на химкомбинате.

В. Северюхин
// Твоя газета. – 2020. – 23 апр. (№ 17). – С. 3.

Катаева Марина Дмитриевна

Марина Дмитриевна Катаева (Бондаренко), родом из Кстинино, почти год училась в снайперской школе, по её словам, вятских девчат там было не мало. Занимались по двенадцать – четырнадцать часов в сутки. Нелёгкая наука. Но на фронте было ещё труднее, там «экзаменовали» немецкие снайперы. В обороне они охотились на наших снайперов, а девушки – «снайперки» охотились на них. Кто кого. На счету Марии Катаевой наблюдатели записали 27 убитых

ею гитлеровцев, в основном снайперов и офицеров. Кроме того, ей удалось уничтожить четыре склада боеприпасов. Награждена орденами Славы II и III степени, медалью «За отвагу», дважды ранена и трижды контужена.

В. Северюхин
// Твоя газета. – 2020. – 23 апр. (№ 17). – С. 3.

Шаклеина Татьяна Дмитриевна

Шаклеина Татьяна Дмитриевна девять месяцев училась в подмосковной школе снайперов. Счёт на фронте убитым врагам она не вела принципиально. Не хотела. Хотя счёт этот должен быть немалым – снайперскую школу она закончила с отличием. За бои под Оршей была награждена медалью «За отвагу». Помогая нашей атакующей пехоте, вела прицельный огонь такой интенсивности, что, бывало, ствол её винтовки становился раскалённым – прикоснуться к нему было нельзя. Тут уж не до подсчётов – за другими целями следить надо. Немецкие снайперы тоже вели охоту за нашими снайперами. Один из них смертельно ранил подругу-напарницу. Специально в живот стрелял, чтобы умерла не сразу, рассчитывал, что на помощь к раненой подруга бросится, чтобы её убить. Разгадала намерения немца Татьяна. Напарницу потом всё же вынесли, но она в медсанбате скончалась. И даже после этого не ожесточилось сердце девушки – не могла она выстрелить в упор в немецкого солдата, на которого неожиданно наткнулась нос к носу. Молоденький был, совсем мальчишка. Что-то лопотал по своему, улыбался. Пожалела его, не стала стрелять. Вспомнила, как в Польше на её глазах наш автоматчик срезал очередью немецкого пленного, сидевшего на скамеечке. Потрясла её эта сцена. В конце войны встретила она на фронте свою любовь – миномётчика Шаклеина Фёдора Ивановича. Уехала с ним на его родину – деревню Кривобор, что рядом с Малым Коныпом.

В. Северюхин
// Твоя газета. – 2020. – 23 апр. (№ 17). – С. 3.

Южанина Валентина Петровна

Южанина Валентина Петровна воевала в расчёте артиллерийского зенитного орудия. Была 3-м номером в расчёте зенитной 76-мм пушки. Получила повестку в декабре 1942 года. От станции Зуевка 16 отобранных комиссией девушек 18 дней добирались до Колы, что под Мурманском. И сразу попали под

адскую бомбёжку – в вагоне ни одной целой доски, – вспоминала она. Чудо, что никто не погиб. Потом не раз её батарея превращалась в огненный котёл, но расчёт всё равно стрелял по врагу. Её везение закончилось в … бане. Неожиданно начался авианалёт, когда целая рота девчат мылась. От взрыва бомбы рухнул угол здания, и она почувствовала удар в голову. Полгода провела в госпитале, потеряла глаз, но всё равно вернулся на фронт – до самой Победы служила телефонисткой на коммутаторе. После войны встретила земляка – фронтовика, однофамильца, Василия Яковлевича. Вышла замуж. В 1949-м молодая семья обосновалась в будущем Кирово-Чепецке.

В. Северюхин

// Твоя газета. – 2020. – 23 апр. (№ 17). – С. 3.

Медицинские работники в Великой Отечественной войне

Помню пригорок в поле.
Платье прострелено, ноет рана.
Плакала, комкая платье больно,
Плакала моя мама.

О. Шатков

Жуйков, Е. Невыдуманная война Марии Коноплянниковой / Е. Жуйков // Судьбы разные – отечество одно. – Киров, 2005. – С. 80–103.

Фронтовые дневники остаются главной реликвией в семьях, где они хранились.

В них наши отцы и деды, матери и бабушки остались молодыми и, словно из далёких сороковых, они обращаются к своим родным и близким, в том числе и к нам, тогда ещё не родившимся...

Однажды в руки Евгению Леонидовичу Жуйкову попал фронтовой дневник Марии Коноплянниковой. Эту священную реликвию показал писателю его соратник по перу Олег Петрович Шатков. Это был дневник его мамы.

Благодаря этим дневниковым записям у Евгения Леонидовича Жуйкова появился очерк «Невыдуманная история Марии Коноплянниковой», повествующий о военных буднях военного фельдшера Марии Максимовны, которой удалось выйти к своим из немецкого окружения.

Как и Мария Максимовна Коноплянникова медицинские работники спасали бойцов, не жалея себя. Вытаскивали раненых с поля боя и ухаживали за больными в госпиталях по нескольку суток без сна – всё это ради достижения одной цели: Победы...

Бронников Дмитрий Васильевич

Дмитрий Васильевич Бронников родился 9 сентября 1912 года в деревне Деветьярово. Ещё перед войной семья перебралась в посёлок Первомайский Слободского района. Оттуда в июне 1941 года районным военкоматом Дмитрий Васильевич был призван на фронт. В посёлке остались его ждать жена Нина Григорьевна и трое маленьких деток: Ира, Вера и Гена. Несладко пришлось молодой женщине в эти трудные голодные годы, рабочих рук на осиротевшей земле не хватало. Нужда вынудила Нину Григорьевну согласиться временно отдать двух самых маленьких в детский дом. Верочке выжить, видимо, было не суждено. Пройдёт несколько лет, прежде чем семья воссоединится, и в 1946-м на свет появится ещё одна Вера, три года спустя – младшая сестричка Таня. А пока впереди у солдата, что и у миллионов, как он, долгая и нелёгкая дорога войны.

Путь сержанта Бронникова сегодня отследить с точностью довольно сложно, разве что по наградным листам до учётной карточке, что хранится в Кирово-Чепецком военкомате: с июля 1941-го по июль 1943-го – Брянский фронт, затем по сентябрь 1944-го – Украинский, а с января 1945-го – 1-й Белорусский. За первый год – два ранения.

Всю войну санинструктор Дмитрий Бронников спасал жизнь товарищам, вытаскивая их из-под огня с поля боя. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество в 1945-м санинструктор дивизиона Бронников награждён медалью «За отвагу». 27 апреля в районе Нойкельн (Берлин) он «под сильным огнём противника вынес с поля боя 7 тяжело раненых бойцов с их оружием и оказал им первую помощь. Этого же числа помог спасти автомашину, выведя её из-под обстрела».

Но война, на то она и война, когда действовать приходилось по обстановке. 15 августа 1944 года сержант Бронников был награждён медалью «За боевые заслуги» за то, «что в районе м. Дусанув во время ведения огня по противнику не хватало снарядов, машина не могла подъехать ввиду обстрела. Товарищ Бронников на расстоянии 100 метров подносил снаряды к орудию, что да-

ло возможность бесперебойного огня по противнику».

Кроме юбилейных медалей, Дмитрий Васильевич по документам награждён орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией». Но эти две награды то ли затерялись, то ли при жизни так до Дмитрия Васильевича и не дошли. После войны Бронников вернулся в Первомайский, работал пожарным, затем – на меховой фабрике. В 1952-м семья переехала в Кирово-Чепецк.

В. Шустов

// Твоя газета. – 2020. – 19 марта (№ 12). – С. 3.

Жуйкова Виктория Валерьяновна

Виктория Жуйкова (в девичестве Рыбалтовская) родилась в 1922 году в семье ссыльных поляков в сибирском селе Колыон, недалеко от Томска. Родители девочки были крепкими крестьянами, которых тогда именовали кулаками. Счастливое детство Виктории длилось недолго – сначала умер отец, потом мать, семью раскулачили. Старшие дети к тому времени уже жили отдельно, так что остались в родительском доме четверо, младшей из которых – Вике – было 10 лет.

– «Из дома всё забрали. Наутро нам было просто нечего есть, поэтому старший брат, которому было 14 лет, снял с крыши железо и продал, чтобы купить продуктов. Нам было трудно, в колхоз нас не брали из-за того, что в семье не было рабочей силы. В конце концов нам выдали документы и выпроводили из села на все четыре стороны».

Вику взяла к себе старшая сестра Роза, а потом – Анна, жившая в Томске. Жили трудно. Места в 11-метровой комнатке было настолько мало, что Вике пришлось спать под кроватью. Окончив школу, девушка прошла курсы медсестёр при местном институте и устроилась работать в поликлинику.

В тёплый воскресный день Вика ушла в парикмахерскую. Вернулась довольная, а дома увидела мрачного мужа сестры, который сообщил, что началась война...

Неделю спустя Викторию с коллегами мобилизовали, девушек направили в бывшее студенческое общежитие, чтобы подготовить его к размещению эвакуационного госпиталя. Сроку дали три дня. Успели как раз к прибытию первых раненых.

Через три месяца новый приказ – об отправке на фронт. Девушек предписали к онкологическому диспансеру, и со всем имуществом учреждения они

должны были выехать в прифронтовую зону. Погрузили всё в вагоны и отправились в путь, который занял целый месяц. Младший медицинский персонал в количестве 64 человек ехал в грузовых вагонах, тогда как врачам были предоставлены плацкартные места.

Однажды поезд обстреляли, и хотя обошлось без жертв, у четырёх медсестёр начался психоз. На одной из станций их высадили и отправили в госпиталь.

Поезд прибыл в Тулу, где девушки разгружали вагоны с оборудованием и разворачивали госпиталь. До передовой было всего 10 километров, поэтому бомбили город регулярно.

«Каждый вечер в 22 часа в небе появлялись фашистские самолёты. Враг старался в первую очередь вывести из строя важные объекты: пекарню, заводы, электростанцию. Мы настолько привыкли, что уже не боялись налётов. Страшно было лишь от мысли, что город могут окружить.

Потекла река раненых. Госпиталь специализировался на лечении верхних и нижних конечностей, а также касательных ранений. После того как бойца «подлатают», поставят на ноги, его эвакуировали в тыловые госпитали на долечивание.

Самыми тяжёлыми были те, которые пролежали на поле боя сутки, а то и двое. Это случалось, если снайперы не давали санитарам передвигаться по местности и забирать раненых. Такие раненые выздоравливали очень долго.

Наиболее тяжёлые и многочисленные ранения были во время оборонительных боёв. А во время наступательных операций и раненых было гораздо меньше, и ранения были легче.

В свободное время медсёстры писали письма под диктовку солдат, пели им песни и просто поддерживали. Всё как в фильмах про войну. Виктория регулярно сдавала кровь, из-за чего однажды не смогла поехать с коллегами на станцию, чтобы принять очередную партию раненых. Узнав об этом, руководство отправило её туда одну ночью. Прошедшая всю войну медсестра признавалась, что это был один из самых страшных моментов…

Однажды в комнату медсестёр заглянул легкораненый солдат с Украины Соловей Крук, который увидел недавно принесённые четыре мешка с письмами и принялся их разбирать. Отложив последний треугольник, с сожалением заметил, что для Виктории там весточки не нашлось, и пообещал ей написать.

Так начался их роман в письмах, позднее были и редкие встречи, и даже походы в кинотеатр. Но все их мимолётные свидания проходили под покровом тайны, так как флирт между медперсоналом и пациентами был строго запрещён. Влюблённый капитан покупал билеты в кино и передавал один Вике. Девушка шла на фильм с подругами, и только после того как свет выключался,

пара могла позволить себе подержаться за руки. После окончания сеанса девушка старалась выйти в числе последних зрителей, чтобы поклонник мог проводить её до дома.

Соловья отправили на фронт, он часто писал ей и ждал победы, чтобы скорее увидеть любимую. Все надежды рухнули в ноябре 1944 года. Девушка получила письмо, в котором военврач сообщал, что жених Вики погиб. Взрывом ему оторвало ноги, и солдат умер от болевого шока...

А госпиталь тем временем передвигался на Запад вместе с фронтом. Некоторое время стояли в Торжке, а затем отправились в Латвию, в Даугавпилсскую крепость. На её территории были развёрнуты 15 госпиталей.

Со временем раненых становилось всё меньше. Как-то в госпиталь привезли пленных немцев, которых лечили собственные врачи из числа власовцев. Никого к немецким командирам близко не подпускали, а их медперсонал, проходя мимо русских сестричек, обязательно их обзывал. Всё изменил случай.

Одному из пленных офицеров потребовалась срочная повторная ампутация. Начальник госпиталя с большим трудом уговорил немцев разрешить провести операцию русскому хирургу. Операцию блестяще провела врач Мерзагулова, которой во время операции подставляли небольшую скамеечку (она была небольшого роста). После операции впечатлённый немец поцеловал ей руку, а проходя впоследствии мимо советских медсестёр, фашисты наклоняли голову в знак уважения...».

О победе Виктория и её подруги узнали рано утром. От радости они, как заведённые, прыгали по кроватям и танцевали. Потом пошли в город Двинск, и во время всего пути повсеместно раздавались радостные крики «ура». Счастье полноводной рекой затопило всё вокруг.

Девушки надеялись, что скоро домой, но шёл месяц за месяцем, а увольнения они так и не получали.

В госпитале Виктория встретила своего будущего мужа. В тот день она должна была отправить в эвакуационный госпиталь двух бойцов, которые одновременно представились Жуйковыми. Удивившись и повнимательнее взглянув друг на друга, молодые мужчины обрадовались. Оказалось, что двоюродные братья Коля и Вася лечились в одном госпитале, а встретились лишь при эвакуации.

Правда, отправку Василия пришлось отложить, так как опытный глаз медсестры определил жар. Пришлось бойцу, раненому в оба колена, ещё полежать, и всё это время он старательно ухаживал за понравившейся ему медсестрой. Выписавшись, Василий не уехал, а устроился в местный штаб. Домой Виктория и Василий отправились вместе в ноябре 1945 года.

Молодые супруги приехали в Киров, на родину Василия, а затем уехали в

Перекоп. Там Виктории пришлось поработать птичницей и браться за любую работу, чтобы прокормиться молодой семье. К тому времени у них родилась дочка Рита.

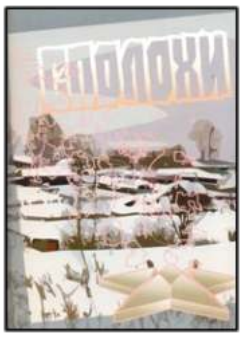
Спустя время удалось устроиться няней в ясли, где её быстро повысили до заведующей, а через четыре года Виктория Валерьяновна устроилась на работу в МСЧ-52. Жизнь постепенно налаживалась, но главное – она была мирной.

Записала Н. Зиятдинова
// Вперёд. – 2019. – 26 апр. (№ 17). – С. 6.

ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА

Женщины в тылу

Земле отдала свою силу.
Войне отдала, что могла…
В. Чирков



Сполохи : сб. стихов и прозы кирово-чепец. авт. – Кирово-Чепецк, 2010. – 200 с.

Авторы книги – те, кто прошёл войну, кто родился в те тяжёлые года и помнит её лишь по рассказам близких и кто родился после Победы, но несёт в сердце память о войне и её участниках.

Судьба женщины-матери в военное время самая сложная, самая трагичная. Женщина даёт жизнь, а война её забирает. В годы военных испытаний им было особенно трудно. Это прослеживается во многих произведениях кирово-чепецких авторов и воспоминаниях детей, подростков и самих женщин...

Жуйкова Александра Александровна

– Когда началась война, мне было 19 лет. Я уже работала в сельсовете, вела военный учёт. 22 июня был выходным днём и я ушла к подружке в деревню Пронькинцы. Вдруг на велосипеде приезжает председатель со страшной новостью – война! Быстрёхонько собралась – и в сельсовет. А в селе недавно новый клуб построили, внутрь народ не пускают, все вокруг собрались. В клубе только те, кто стоял на спецучёте в военкомате, – работники райкома, райисполкома и другие. Их-то в первую очередь отправили в тот же день пешком до Кирова,

только вещи на телегах лошади везли. С собой им родные успели картошки да яиц испечь, да сухарей положить, у кого были.

Потом военкомат запрашивал людей по специальностям, нужным фронту. Я формировала такие списки. Нарочный на лошади деревни объезжал, люди в списке распишутся и собираются тут же. Каждый день утром поезд из Омутнинска на станции Просница останавливался и забирал новобранцев. Потом и женщин-добровольцев стали брать на войну. У нас ушла учительница немецкого языка. Уже через месяц стали приходить похоронки.

Из нашего класса более двадцати мальчишек ушли на фронт, а вернулся один, за которого я и вышла замуж после войны.

Записала С. Патрикеева
// Вперёд. – 2011. – 17 июня (№ 24). – С. 2.

Худякова Наталья Матвеевна

Раннее детство Натальи Матвеевны Худяковой совпало с годами смутными, мятежными: первая мировая война, – революция 1917 года, гражданская война… В семье родилось ещё две девочки, и скоро не стало отца. Наталье Матвеевне всегда было тяжело вспоминать детские годы и пору ученичества: с 6 лет сбирала, была отдана в няньки, и холод, и голод испытала, но несмотря ни на что, выучилась.

В молодости Наталья Матвеевна была большой заводилой, очень весёлой, смелой, с хорошими организаторскими способностями, вела большую общественную работу. Её постоянно избирали комсоргом. Где бы ни работала, всегда была бессменным редактором стенгазеты. Она замечательно рисовала, писала статьи и стихи в районную и областную стенгазеты, участвовала во всех смотрах художественной самодеятельности, руководила хоровым и драматическим кружками. У неё было много друзей и подруг. Видя неиссякаемую творческую активность и энергию, руководство направило её учиться в соцпартшколу в Котельниче. А в 1937 году мама получила направление в промколхоз «Косник» Юрьянского района Кировской области, заведующей сразу трёх детских комбинатов, разбросанных по разным деревням. Деревенские жители к молоденькой заведующей относились с уважением – почтительно. В этих краях она встретила свою судьбу – Василия Гавриловича Худякова. Зеленоглазый красавец и разудалый гармонист с первого взгляда влюбился в весёлую певунью. Вскоре они поженились.

В посёлок ТЭЦ Худяковы перебрались летом 1939 года, когда Василий за-

кончил курсы шофёров. В посёлке открывались большие перспективы на будущее. Молодые жили в Чепце, чуть позже получили комнату в коммунальной квартире. В феврале 1940 года родилась дочь Виргина. Не успели молодые обустроиться, как в июне 1941 года грянула война. Василию Гавриловичу сразу пришла повестка из райвоенкомата, и он был направлен на Второй Украинский фронт. Уезжая, обнял он молодую, любимую жену и сказал: «Жди меня. Береги себя, Виргину и гармонь». Взял иконку Николая Чудотворца и простился с родными. На фронте в первые дни войны стал коммунистом. Шли тяжёлые бои, и в редкие минуты затишья писал солдат на далёкую родину, в свой Вятский край нежные письма-треугольники горячо любимой жене и дочке. А когда удавалось, высылал фотографии с боевыми товарищами у своей машины, на кузове которой крупными буквами было выведено «За родину, за Сталина!». Наталья Матвеевна предано ждала, верила, что вернётся любимый с победой. А Василий Гаврилович в составе частей Красной Армии освобождал от фашистских захватчиков Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Польшу, дошёл до Берлина и после Победы был переброшен на Дальний Восток, где участвовал в войне с Японией. Под Халхиноголом, преодолевая Хинганский хребет, успешно справился с ответственным и очень сложным заданием командования (по узкой горной дороге над глубоким ущельем на грузовике перевозил боеприпасы и знаменитую Катюшу). Получил орден Красной Звезды. Худяков не раз был ранен, но остался в живых, хотя и носил в себе осколки от снаряда до конца своих дней. Видно, хранил его образок Николая Чудотворца и уверенность в том, что в далёком вятском посёлке ждут его любящая жена и маленькая дочь.

А Наталья Матвеевна, пока муж воевал, трудилась в тылу на строительстве химического завода, которое не прекращалось ни днём, ни ночью: стране позарез нужна была оборонная продукция. Как и Василий Гаврилович, в начале войны она вступила в партию и принимала активное участие в труде и общественной жизни посёлка. Ежедневно после работы и по выходным дням комсомольцы и коммунисты рыли котлованы под цеха завода и бомбоубежище. Работали до глубокой ночи, и труд этот был самым тяжёлым. Котлованы имели большую глубину, землю подавали вёдрами снизу вверх. Наталья Худякова болела от надсады. В посёлок на строительство завода прибыло много беженцев и эвакуированных с Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Ленинграда, других городов нашей страны, а также жителей близлежащих деревень. Наталья Матвеевна научилась кроить и обшивать мобилизованных деревенских девушек, помогала остронуждающимся беженцам и эвакуированным, чем могла: делилась и одеждой, и скудным пайком, и скромным скарбом. Особенно запомнилась Наталье Матвеевне беженка из Минска – Берта Львовна Шейхато-

вич, которая, потеряв мужа во время бомбёжки, полураздетая и разутая с двумя малолетними детьми добралась до нашей глухомани. Наталья Матвеевна помогла женщине с жильём, работой, делилась с ней последним куском хлеба. Чуть позже взяла её двух сыновей в детский сад. С Бертой Львовной на протяжении всей её жизни, а после того, как подруги не стало, её сыновья, жившие в Минске, писали женщине добрые письма. Переписка оборвалась в перестроечное время, когда они уехали в Израиль.

В военное время и в тылу жилось очень тяжело, время было голодное. Особенно тяжело жилось сестре Натальи Матвеевны в деревне. Семья у неё была многодетная, а муж в начале войны попал в немецкий концлагерь. Дети пухли от голода. Наталья Матвеевна дважды писала Сталину, и каждый раз из Кремля приходила помощь: голодающей семье сестры в колхозе выдавали по мешку зерна, и это спасло детей от голодной смерти. Старшего сына Марии, Наталья взяла к себе и выходила.

На строительство химзавода и ТЭЦ приезжали всякие люди. Наталья Матвеевна вспоминала нашумевший в посёлке случай, участницей которого была сама. Вместе с оборудованием для ТЭЦ из Литвы прибыли специалисты по монтажу и сборке, инженеры-строители. Начальству требовалось жильё и было принято решение: забрать квартиры, занимаемые семьями военнослужащих, предварительно выселив их. Народ был возмущён. Наталью Матвеевну выбрали парламентёром, и она отстаивала права многих семей. Прямо из кабинета начальника в трескучий мороз пешком отправилась Наталья Матвеевна со старушкой Ниной Михайловной Бугреевой, которую тоже выселяли из квартиры с пятью детьми, через село Никульчино в Вятку в облпрокуратуру искать помощи и защиты. Нашла. Приехал военный прокурор, встретился с людьми, разобрался во всём, поблагодарил Наталью Худякову за то, что предотвратила выселение семей военнослужащих. А руководители, учинившие произвол, получили выговор. Слух об инциденте дошёл до директора химзавода М. В. Крычкова. Пригласил Михаил Васильевич Наталью к себе на приём, взял её за руки в свои широкие мужские ладони и сказал: «Идёт война. Стране нужна химпродукция. На заводе большой набор рабочей силы. Детвору у рабочих надо пристроить. Открывай, Наталья Матвеевна, детские сады». Так она стала заведующей детского сада № 1 в посёлке ТЭЦ. Сама закупала в Москве оборудование, посуду, детские игрушки и многое другое, что требовалось для открытия детских учреждений. Огромную помощь ей оказывал министр химической промышленности Первухин. «Он для меня был как отец родной», – вспоминала Наталья Худякова. Надо сказать, что нелегко ей было начинать всю работу с нуля, но неиссякаемый энтузиазм и энергия, бьющая через край, помогли преодолеть ей все трудности, и большую половину жизни она посвятила воспита-

нию детей. Часто Худяковы рассказывали о войне своим детям, особенно на семейных праздниках, когда Василий Гаврилович, развернув свою трёхрядку, начинал играть любимые мелодии: «Вьётся в тесной печурке огонь…» или «Синенький скромный платочек…». Повествований бы хватило на целую книгу, но главное было то, что настал долгожданный день Победы, когда Наталья Матвеевна вместе со своими плакала и смеялась, и цвела от счастья, когда вернулся любимый целый и невредимый, потому что она «умела ждать, как никто другой».

Л. Микрюкова

// Твоя газета. – 2005. – 6 мая (№ 18). – С. 19

С малых лет им пришлось трудиться

Хлеб, хлеб, хлеб
Фронту и тылу нужен.
Хлеба в деревне нет -
В тёмных сусеках – стужа…
П. Бармин

Бармин, П. Я память тех лет берегу… : стихи и проза / П. Бармин. – Кирово-Чепецк, 2010. – 40 с.

Пётр Дмитриевич Бармин родился в 1930 году. Когда началась Великая Отечественная война ему было 11 лет. Во время войны П. Д. Бармин потерял отца и 5-летнего брата, умерших от туберкулёза. Однако смерть в его семье не остановилась, пока голод не унёс в могилу мать и маленькую сестрёнку. Это тяжёлое голодное время Пётр Дмитриевич описал в своих рассказах «Ярушник» и «Поезда военных лет». В этих рассказах нет вымысла, здесь подлинные события, неутихающая боль пережитого в военном тылу. По воспоминаниям П. Д. Бармина во время войны в его деревне погибли от дистрофии столько же людей, сколько не вернулась с фронта. В книге также приведены стихи военной тематики.

Также как и в рассказах Петра Дмитриевич Бармина в воспоминаниях подростков оживает история военного поколения. Подростков не брали на фронт, но именно они заменили в тылу ушедшие на фронт руки... И об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания...

Брызгалов Евгений Павлович

Эта история началась в Карело-Финской ССР, куда незадолго до войны перебралась семья нашего героя. Ему самому на тот момент было лет четырнадцать, он был старшим из четверых детей. Отчим возглавил колхоз «На страже», а мама устроилась учительницей в местную школу.

Евгений Павлович всю жизнь помнил о первых днях войны. Они с мамой поехали в сельсовет, который состоял из 11 колхозов. Среди них один колхоз – русский, остальные – татарские. В этот день все вместе праздновали окончание весенних полевых работ – Сабантуй. Мама подошла к коллегам, а те – плачут. Они тогда так и не сказали, что стало поводом для слёз: «Дома узнаете». Вечером вернулись к себе, включили радио, а там… война.

В понедельник все молодые мужчины, в том числе и отчим, ушли добровольцами на фронт. В сентябре колхоз стал эвакуироваться. Мама с младшей сестрёнкой, которой было всего несколько месяцев, уехала в Ленинград на машине, а Жене наказала в ту же сторону двигаться с обозом. Обоз, не дойдя до Ленинграда, километров пять, остановился. Пожилой мужчина – старший в обозе, распорядился сдать домашний скот. За корову Жене выдали справку.

Вся семья в сборе встретилась уже в городе на площади у Финляндского вокзала. У мамы на руках малышка, рядом двухлетняя сестрёнка и пятилетний братишка, сундук и две корзины. Нашли до пристани попутку, на катере перебрались через Неву и стали ждать пароход, на котором через трое суток добрались до Вологды по Беломорско-Балтийскому каналу.

Здесь начались для Жени неприятные приключения. После посадки в поезд узнали, что на раздаточном пункте дают белый хлеб. Несколько подростков решили за ним сбегать. Когда нашли пункт, выяснилось, что белый хлеб им не полагается, поскольку накануне вечером они получили чёрный. Бросились обратно, а когда добрались до перрона, поезд показал «хвост»… Но ребята не растерялись и прямо – к военному коменданту. Тот только руками развёл: «Как отстали, так и догоняйте!». Забрались тайком в первый пассажирский поезд, с которого проводники сняли на первой же остановке. И так – с поезда на поезд голодные, холодные… Через четверо суток добрались до Кирова. Когда проезжали Лянгасово, увидели свой состав, стоящий на соседнем пути. Их порожняк проскочил мимо. Самый смелый спрыгнул на ходу и сломал руку, остальные на это не решились. В Кирове в надежде раздобыть что-нибудь съестное или встретить кого-нибудь из знакомых четверо подростков отправились на Га-

гаринскую площадь, где в то время находилась «толкучка». Когда хрупкая надежда не оправдалась, Женя позвал товарищей дойти до его тёти, что жила на улице Свободы. Мальчишки отказались, пошли на вокзал. А Женя стал искать дом, номера которого не помнил, только смутно местонахождение. Тётя Варя из путаного рассказа племянника ничего не поняла, но накормила и завернула в бумагу по куску хлеба с селёдкой ему и его друзьям. Женя помчался на вокзал, и мало того, что смог узнать об ушедших в трону Лянгасова друзьях, так ещё и догнать их. Но когда они туда добрались, было уже поздно. Комендант запомнил пассажиров из нужного им поезда: те поскандалили с ним. Половине из них нужно было добраться до Просницы, остальным – До Омска. Подростки устроились на товарняк. Стояла середина сентября, моросил дождь.

В Проснице увидели на перроне знакомые вещи. Товарняк прошёл мимо… В этот раз прыгали все. Дождались, когда под Коныпом поезд замедлит ход, соскочили. Обошлось без пострадавших. Встретились с родными и разъехались по колхозам к родственникам. Жениной семье предстояло добраться до Боева, где жила его бабушка по материнской линии. Ещё до того, как переселиться в Карело-Финскую ССР, отчим работал комендантом на ТЭЦ-3, а мама учительницей в Чепце. Повезло, что встретили знакомого – директора МТС (машинно-тракторная станция), который отвёз семью на квартиру к секретарю райкома. Но хозяйка гостям была не рада. И директору МТС ничего другого не оставалось, как забрать выставленную в подъезд семью к себе. Его жена оказалась менее боязлива, что измученные дорогой и голодом люди занесут в дом заразу. Вскоре семья перебралась к бабушке. Спустя три дня после приезда умерла младшая сестрёнка. Бабушкин дом в Боево мешал строительству узкоколейки, пришлось переехать в Утробино.

Мама устроилась заведующей столовой, а Женя после учёбы работал там же «калькулятором». Правда, поскольку возрастом он ещё тогда «не вышел», то по документам место числилось за одной старушкой.

4 сентября в жизни повзрослевшего Евгения произошло судьбоносное событие. Он устроился помощником к знакомому машинисту. К тому времени он уже два месяца отработал в ремонтном депо. Всего на Каринском торфопредприятии Евгений Павлович проработает долгих 52 года: 40 лет – машинистом и 12 – слесарем-инструментальщиком. Там же он встретит и свою будущую супругу – Любовь Ивановну, тоже машиниста.

// Твоя газета. – 2018. – 10 мая (№ 19). – С. 2.

Вахрушева Елизавета Александровна

– Я родилась в селе Красное. В июне 1941-го было мне 14 лет. Отец рано умер, нас у мамы четыре дочери было, да ещё бабушка. Бедно жили.

Работали в колхозе на сенокосе. Родители домой ночевать ходили, а мы прямо в лугах останавливались. Пришли домой – а тут такое горе случилось. В начале войны все мужчины из деревни ушли на фронт. А вернулось только четверо. С 1943 года мы со сверстницами устроились на торфопредприятие, чтобы семья не умерла с голода. Через нашу деревню проходила железнодорожная ветка, мы зимой её от снега чистили. На себе носили звенья – это рельсы и шпалы, к ним прикреплённые. По шесть человек в упряжке. Мы, кто слабее, сзади держимся, а впереди – пленные немцы. Они тогда на торфзаготовках в Каринторфе работали. Их ещё кормили лучше нашего. А я свои 800 граммов хлеба домой маме и младшей сестрёнке несла.

Скотину держали, но яйца, шерсть заготовителям отдавали. И молоко от коровы тоже, а себе – обрат. Хлеб из травы пекли. Второй укос своей корове нельзя было косить. Узнают – заберут в колхоз. Страшное время было.

С. Патрикеева

// Вперёд. – 2011. – 17 июня (№ 24). – С. 2.

Ворожцов Александр Сергеевич

Когда началась война Александру Сергеевичу Ворожцову (1927 г.р.) было 13 лет. Жил он в селе Пашки Вожгальского (Кумёнского) района и, как все сельские дети, уже вовсю работал в поле. Выходной день 22 июня был солнечным и жарким, поэтому мальчишки пошли купаться. Вдруг они увидели конного всадника – прискакал человек из сельсовета со страшной новостью. Уже на следующий день стали вручать повестки. В их селе и близ лежащих сёлах забрали всех мужчин до 50 лет. Отец Александр и его 17-летний старший брат тут же ушли на фронт. Мать осталась одна с пятью детьми и очень скоро получила похоронки. По словам Александра Сергеевича, тяжелее всего известие о войне приняли женщины – с уходом мужчин всё ложилось на их плечи. Они много плакали и переживали, что немец может прийти в их деревни.

Никто не ожидал, что война будет такой долгой. 13-летнему подростку сказали, чтобы он бросал школу и шёл работать в кузницу, мол, выучиться ещё успеешь. Так и проработал Александр здесь до 1944 года, когда ему пришла

повестка.

По словам Александра Сергеевича, он уже не попал в такое пекло, как его отец и брат. После учёбы в Свердловске в составе танковых войск Александр был направлен в Германию, военные действия уже перешли за границу СССР. Шли через Румынию, где воевали с прогитлеровскими военными группировками аж до 1946 года. По возвращении Александр продолжил службу в Средней Азии на иранской границе, – ещё пять лет.

За боевые заслуги Александр Сергеевич награждён медалью «за Победу над Германией», а за трудовые – медалью «За доблестный труд».

С. Сивкова

// Вперёд. – 2018. – 22 июня (№ 25). – С. 5.

Головина Лидия Павловна

Когда началась Великая Отечественная война, Лиде Головиной было всего 11 лет.

Она родилась в селе Яковцево Вачского района Горьковской области. Отец Лидочки вернулся раненный с финской войны и только-только начал обустраивать новый дом. Работал он в сельском совете (собирал налоги по деревням), и однажды, заночевав в одном селе, недосчитался потом 1000 рублей – огромных по тем временам денег. Отца четырёх детей тут же арестовали и осудили на два года лишения свободы. А через два месяца началась война.

– «22 июня, в воскресенье, мы играли у дома, а взрослые сидели на лавочке и разговаривали. Внезапно не пересечении двух улиц появился конный всадник, который закричал, что началась война. В это же день в сельсовете прошло собрание, где сразу выдали несколько повесток на фронт».

А осенью в село прибыли первые эвакуированные из Москвы, их поселили в дома местных жителей. Школьников стало значительно больше, поэтому пришлось искать ещё помещения для занятий. Следующий поток беженцев пришёлся на лето 1942 года, когда немцы рвались к Сталинграду.

Из Кировской области приехали рабочие для строительства укрепления на Оке. В дом, где жила семья Лиды, поселили четырёх девушек из Слободского. Они уходили на работу рано утром, а возвращались поздно вечером, зачастую промокшие до нитки. До места строительства укреплений и обратно было почти 10 километров, которые девчонки преодолевали пешком. Мама Лидочки жалела девушек и готовила им завтрак, чтобы они могли поспать подольше.

Большой проблемой стала нехватка воды. Река далеко, единственным источником воды в селе были колодцы. После школы первым делом Лиды было бежать к колодцу, чтобы успеть набрать воды, пока её не вычерпали.

Вся работа в колхозе и на личных подворьях легла на плечи женщин и детей. На колхозных полях в огромном количестве выращивал просо. Его прополка была для детей сущим наказанием. Вырванную траву дети аккуратно складывали на краю поля, чтобы потом унести домой и высушить для скотины. Сенокосные поля, конечно, имелись, но немалое количество сена отдавали государству.

В семье Лиды в колхозе работали трое – мама и Лида с сестрёнкой. За труд с ними расплачивались просом, благодаря которому и выжили. Каждый день ели одно и то же, зато была еда. Тяжелее приходилось эвакуированным и беженцам, у которых не было своего хозяйства.

В апреле 1943 года вернулся домой отец. Он пробыл с семьёй 10 дней, а потом отправился в военкомат, чтобы встать на военный учёт. Тут же ему выдали повестку на фронт, а меньше чем через год пришла похоронка.

– Мамы в тот день дома не было, она уехала обменять картошку на отруби. Мы с бабушкой долго плакали, а на ночь зажгли у иконы лампадку. Вернувшаяся утром мама сразу же поняла, что случилось. Папа погиб в феврале 1944 года в селе Старая Рудня Гомельской области в Белоруссии.

Редкий дом обошла беда. У подруги Лиды погиб отец, умерла мама, а старший брат ещё в 1940 году уехал учиться в Ленинграде, где его и застала война. Он пережил блокаду и вернулся домой истощённым, беззубым и совершенно седым.

9 мая 1945 года пришла радостная весть о победе. На следующий год мужчины начали возвращаться домой, но были и те, кто мобилизовался лишь пять лет спустя. Лида поступила в ремесленное училище, а по его окончании была направлена в посёлок ТЭЦ-3, который в 1955 году станет городом Кирово-Чепецком.

Записала Н. Зиятдинова
// Вперёд. – 2019. – 1 нояб. (№ 44). – С. 7.

Ершова Августа Прокопьевна

– День 22 июня выдался жарким, солнечным. Взрослые в селе ушли на сенокос. А мы с ребятами убежали в лес за ягодами. К обеду идём обратно, а посреди народа толпа народа – плач, крики. Нарочный из сельсовета объявляет о мобилизации на фронт. Всех и всё забрали – мужчин, лошадей, продовольст-

вие. Брат мой уже отслужил перед войной, работал на литейном заводе в Кирове. Его с производства забрали, с семьёй не успел попрощаться. Отец сноху и троих его детей повёз на станцию в Просницу в надежде, что поезд хоть пять минут постоит. А он мимо прошёл, не остановился. Погиб брат Василий Яковлев в войне с Японией, не увидевши семью.

Потом в деревню эвакуированные стали приезжать. Через месяц первые похоронки пришли. Голод наступал, семья с детьми завербовалась в Мурманск. Но не доехали, жили и работали мы в Архангельской области. Там и отец мой умер. Родные могилы по всей России разбросаны.

С. Патрикеева

// Вперёд. – 2011. – 17 июня (№ 24). – С. 2.

Израилев Станислав Борисович

– Я родился в апреле 1936 года в Алма-Ате, столице Казахстана.

Отец мой, инженер-железнодорожник, участвовал в строительстве и освоении Турксиба, и наша семья по ходу строительства переезжала с место на место. В Алма-Ате отец работал начальником паровозного депо. По воспоминаниям мамы, пропадал на работе сутками и далеко не каждый день забегал домой поспать несколько часов. В начале 1937 года он был арестован как враг народа и, как нам сообщили спустя многие годы, в том же году был расстрелян.

Спустя некоторое время арестовали и маму как члена семьи изменника Родины определили в лагеря на 8 лет.

С нами жила бабушка, благодаря чему меня и сестру Светлану, которой тогда было 9 лет, не забрали в детдом. Бабушка увезла нас на свою родину, в город Лиски Воронежской области, где в то время жил её брат и сын (для меня дядя Коля). У них мы по очереди и находили приют. Бабушка умела шить, чем понемногу подрабатывала. Из раннего детства помню, что наряду с бабушкой моим постоянным опекуном была моя дорогая сестрёнка Светлана...

Начало войны запомнилось тем, что все заклеивали стёкла окон полосками из газетной бумаги, чтобы меньше была поражающая способность осколков стекла.

Светлану в 1941 году приютила на летние каникулы бабушкина сестра в Харьковской области. Потом их всех эвакуировали в Узбекистан, и я с сестрой не виделся до конца войны.

Город Лиски имел стратегическое значение: железнодорожный мост через Дон, крупный железнодорожный узел, поэтому вскоре начались постоянные бомбёжки. Чтобы уберечься от возможных осколков бомб, мы спали под кроватями.

Дядя Коля, как инженер по железнодорожному движению, был мобилизован и переведён на военное положение. Мы потеряли с ним всякую связь. Бомбёжки усиливались, и он как-то сумел вывезти свою семью (жену и двоих детей) из Лисок на станцию Галовую, 60 километров на восток. Меня с бабушкой он потерял, так как мы в это время жили в доме бабушкиного брата, семья которого тоже эвакуировалась. В одну из ночей бомба попала в этот дом, разворотив угол. Мы чудом остались живы. Бабушка собрала самые необходимые вещи, погрузила на тележку, и мы отправились в село Покровское, расположенное на берегу Дона в семи километрах от Лисок, к дальним родственникам.

В это время немцы вплотную подошли к Дону и остановились перед этой преградой (мост был взорван). С противоположного берега они каждый день обстреливали из орудий Покровское. Мы прятались в церкви. Жители постепенно покидали село. Бабушка была «сердечницей», разболелась, у неё опухли ноги, и вскоре мы с ней практически остались одни из гражданского населения. Военные тоже собирались отступать и хотели меня забрать с собой, а бабушку оставить. Но бабушка меня не отдала, собрала последние силы, и мы с ней отправились пешком до ближайшей железнодорожной станции. У нас был только чайник с водой, и мы 10 км до станции шли двое суток. Там бабушка сумела устроиться на какой-то товарняк, и мы доехали до станции Галовая, где находилась семья дяди Коли…

Немцы не взяли Лиски, и как только они были отброшены на приличное расстояние дядя Коля приехал за нами, и мы вернулись в Лиски. Кругом было много разрушенных и сгоревших домов, но дом, где жила семья дяди Коли чудом остался цел.

В 1944 году я пошёл в школу. Помнится, там нам выдали только по одной настоящей тетради – для чистописания. Все остальные приходилось шить из газетной бумаги.

9 мая 1945 года нас разбудили радостные крики и выстрелы. Мы вскочили, включили радио, узнали о безоговорочной капитуляции Германии… Победа! Не было предела нашему восторгу. В школе нас построили в колонну, повели на митинг, куда уже стекалось большинство жителей города.

К сожалению, в июне 45-го бабушки не стало. Я остался жить в семье дяди Коли.

Послевоенные годы в Воронежской области были очень тяжёлыми: два года подряд была засуха, и почти весь урожай погиб. Люди в городе держались

только благодаря хлебному пайку, выдаваемому по карточкам, а жители деревень массово умирали. До сих пор помню ощущение постоянного голода, а чувство сытости детям того времени было просто незнакомо...

В конце 1945 года освободили из лагеря в Акмолинской области Казахстана мою маму. Но она не имела права оттуда уезжать.

В 1947 году, когда голод в Воронежской области особенно свирепствовал, люди говорили о том, какой обильный урожай собрали в Казахстане. Железнодорожники сумели договориться, чтобы послать в Казахстан несколько человек с товарным вагоном и закупить там зерно. Дядя Коля решился отправить с этим товарным вагоном меня, чтобы я нашёл там свою маму.

До Петропавловска доехали без всяких приключений. Там нужно было повернуть на Акмолинск, но тут начались сложности с железнодорожным начальством. Сопровождающие вагон люди предложили мне попробовать ехать одному. Дали кусок хлеба – и я отправился в путь – в основном, в тамбурах и на подножках вагона. С многочисленными гонениями и пересадками через несколько дней приехал в Акмолинск. У меня был адрес городской базы того лагеря, где находилась мама. Там оказались очень отзывчивые люди. Они меня накормили и при первой возможности с обозом отправили в лагерный посёлок, который находился в 60 км от Акмолинска. Там, в 11 лет, я впервые осознанно встретился с мамой. На этом завершился первый, самый тяжёлый, этап моего детства.

…Только в 1956 году дело моего отца было пересмотрено, с него были сняты все обвинения, и наша семья была полностью восстановлена во всех гражданских правах.

// Вперёд. – 2014. – 1 авг. (№ 31). – С. 6.

Погудина Мария Ивановна

Жизнь большинства сверстников Марии Ивановны из-за войны не получила скидок на возраст. Будничность военного лихолетья, его тяжести легли на хрупкие плечи подростков, прозванных в народе подранками.

Школа временно была оставлена даже десятилетними. Три задачи – хлеб, картофель, лён – стали смыслом их жизни наравне со взрослым населением Каринки и других сельских советов Кировской области.

Руки тринадцатилетней Марии Погудиной (в девичестве Чернышевой) помнят жаркие сенокосы, надрыв на заготовке сырых брёвен, постоянные стра-

хи, что отстанет от взрослых тружениц села.

В. Опиканец
// Твоя газета. – 2015. – 26 марта (№ 13). – С. 10.

Ходырева Мария Алексеевна

О том, что началась Великая Отечественная война Маша Ходырева вместе с земляками узнала от председателя сельсовета. Несколько лет назад девочка думала, что самое страшное в её жизни уже произошло. В тот год, когда Маша пошла в первый класс, умерла её мама. Девочку на похороны не пустили, однако, когда траурная процессия проходила мимо школы, учительница Ксения Савельева окликнула малышку. Маша долго кричала от горя, а потом, обессиленная, затихла. Кроме неё, осиротели и четыре её брата, младшему недавно исполнился год.

Вскоре о школе пришлось забыть: семья бедствовала, не было одежды. Отец семейства затеял переезд: из Селезенихи семья перебралась в деревню Чепрасы Филипповского сельского поселения. Там Машу и застала страшная весть о начале войны. Новость повсюду посеяла страх, который, словно туман, окутал души людей. Боялись даже во сне. В тот же год на фронт забрали всех мужчин, в деревне остались только женщины и дети.

Трое старших братьев Маши тоже оказались на фронте, и до конца войны она так и не знала об их судьбе. Долгими зимними вечерами Маша с бабушкой вязали специальные варежки с двумя пальцами для посылки на фронт, чтобы защитникам Отечества было удобнее стрелять из винтовки по врагам. Девочка научилась прясть пряжу, и это умение впоследствии ей очень пригодилось.

Осенью все подростки из их деревни отправились на строительство ТЭЦ-3. Отряду девчонок объявили, что они будут обучаться премудростям специальности «арматурщик».

– Мы, конечно, сначала посмеялись, но пришлось научиться читать чертежи и с лёгкостью гнуть железо. Со временем поняла, что мне нравится это неженское дело, да и получалось у меня всё отменно. Тут же, на месте, проходила практику – строили бункеры. Обучал нас мастер, эвакуированный из Ленинграда.

Девушки обучались военному делу. Раненный на фронте военрук учил их за считанные секунды собирать и разбирать винтовку, помог освоить элементарные приёмы самообороны.

А весной отряд новоиспечённых арматурщиц отправился в путь. Пешком дошли до Кирова, а оттуда на поезде – в Москву. В дороге было голодно: молодым специалистам выдали лишь воду да овсянку. И пообещали, что в Горьком (ныне Нижний Новгород) их покормят, однако надеждам не суждено было сбыться: на подъезде к городу состав остановили, чтобы в срочном порядке из санитарного вагона раненых. Время, отведённое на долгожданный обед, истекло, и девушки продолжили путь не солоно хлебавши. Вскоре сообщили, что везут их в Запорожье.

– Встречали нас с музыкой. Вы даже не представляете, что это значило для нас, деревенских девчонок. Выходит, мы тут нужны! Мы все воспрянули духом и решили, что будем трудиться не покладая рук.

Приехав на место и разместившись в тёплых комнатках общежития, девчонки начали новую, взрослую жизнь. Да и задачу перед ними поставили серьёзную – необходимо было в короткие сроки восстановить разрушенный мост через Днепр. Потекли рабочие будни. С утра до вечера девушки работали, в общежитие возвращались поздно, только для того, чтобы поспать.

Главными бедами молодых работниц стали вши, холод и голод. Местные им сочувствовали, один старичок, например, почти ежегодно приходил на мост и приносил яблоки.

– Он же придумал для нас небольшую баню. Прикатил бочку, каждый вечер наполнял её водой и нагревал на костре. И мы после работы могли хотя бы ополоснуться тёплой водой. А до этого приходилось мыться прямо в Днепре.

Однажды им выдали кеды огромного размера. А носков и чулок не было, поэтому Марии в голову пришла потрясающая идея. Она распорола подушку и умудрилась спрясть вату в нитку, из которой потом связала себе тёплые носки.

Вши отравляли жизнь людей, а голод подтачивал их силы и заставляя думать о еде постоянно. Утром арматурщиц кормили завтраком, а в обед и вечером поесть было нечего. Спасал хлеб – его выдавали отряду численностью 12 человек по килограмму дважды в день. Девчонки продавали часть хлеба местным жителям, шли в столовую и обедали на вырученные деньги. Вечером же зачастую приходилось обходиться небольшим куском хлеба. Есть хотелось всегда.

Лишь несколько месяцев спустя работницы начали получать мизерную зарплату. Однако порадоваться этому у них так и не получилось. Рядом с общежитием располагалась воинская часть, и солдаты, как по часам, в день зарплаты появлялись у входа в бухгалтерию, предлагая сдавать деньги на самолёты и нужды фронта. Девчонки отдавали практически всё, что у них было. По-другому не могли: они мечтали о победе, верили, что их трудовые рубли помогут стране, фронту, где солдаты жертвовали своими жизнями ради них.

Мария Алексеевна сама удивлялась: и как только они всё вынесли? Вечно голодные, работали на пределе сил. Им приходилось ежедневно преодолевать путь в шесть километров до стройки и обратно, а потом ещё лазить по огромным бетонным опорам и одновременно следить за обстановкой вокруг. Когда на пределе были силы физические, помогала сила духа. Они во что бы то ни стало должны восстановить этот разрушенный мост!

И они это сделали. В самом конце ремонтных работ в 1944 году часть отряда арматурщиц отправили в город Николаев. Там для них тоже нашлась работа – предстояло заново отстроить разрушенную фашистами пристань. Условия для жизни здесь были более комфортными – имелся даже душ, который стал для деревенских девчонок подарком судьбы. В 1946 году арматурщицы выполнили поставленные задачи. Им предложили остаться на Украине, работать здесь дальше.

Девушки наотрез отказались. Мария Алексеевна сказала: «Лучше нашей Вятки и ТЭЦ-3 нет ничего в мире. Мы до сердечной боли хотели домой».

Они вернулись на родину, и здесь Маша узнала, что любимая бабушка умерла, а из мужчин с фронта вернулся только брат Аркаша…

Впереди была другая жизнь, а полученная во время войны профессия так и осталась любимой и единственной.

Записала Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2014. – 21 нояб. (№ 47). – С. 6.

Яровикова Мария Ивановна

– Перед войной я окончила восемь классов в Кирове. В июне 1941 года мы работали помощниками воспитателей в пионерском лагере в селе Никульчино, под Кировом. Когда объявили, что началась война, всё вокруг сразу изменилось. Поредело село, почти не осталось мужчин. Объявили, что поживём в лагере ещё несколько дней, пока не кончатся продукты. Эвакуировали лагерь на подводах с лошадьми. Везли только вещи и маленьких детей. Старшие шли более 20 километров пешком. Машин уже не хватало.

В августе многие кировские школы отдали под госпитали. Я поступала в механико-технологический техникум. Но учиться пришлось совсем мало, в нём тоже организовали госпиталь, а первокурсникам предложили устраиваться на работу. Я шила в швейной мастерской. Там ремонтировали одежду для солдат. Привозили изорванные пулями шинели, брюки. Женщины, у которых на фронте были мужья и сыновья, навзрыд плакали. Потом я поступила в школу ФЗО на слесаря-инструментальщика. На завод имени 1 мая эвакуировался ме-

ханический завод из Коломны. Мы выпускали танки. Все работали, себя не жалея. Утром, провожая нас на работу, мама говорила: «Старайтесь, девки, братьям на фронте воевать чем-то надо!».

А после освобождения Харькова мы уехали восстанавливать Харьковский тракторный завод, чтобы поставлять фронту танки. Трудная была юность, но яркая.

Записала С. Патрикеева
// Вперёд. – 2011. – 17 июня (№ 24). – С. 2.

Детство, украденное войной

В сорок первом, в лихую невзгоду
Нас оставили наши отцы -
Карапузов, трёхлетних от роду,
За себя и в косцы, и в творцы…
В. Чирков

Чирков, В. До свидания – я скоро вернусь : сб. стихов / В. Чирков. – Кирово-Чепецк, 2013. – 163 с.

Василий Чирков родился в 1938 году. Когда началась Великая Отечественная война ему было всего 3 года. Воспоминания о своём обездоленном детстве писатель описал в автобиографии, представленной в сборнике «До свидания – я скоро вернусь» и в стихах «Отцу», «Детдомовцы».

Рублёв, С. У берёз и у ручья : стихи и проза / С. Рублёв. – Киров, 2011. – 107 с.

Сергей Степанович Рублёв родился в 1940 году, за 8 месяцев до начала войны. В июле 1940 года отец будущего писателя ушёл на фронт и не вернулся. Свои воспоминания об ожидании отца с фронта С. Рублёв отразил в трогательных стихах «Ожидание», «Памяти отца».

Как и Василий Чирков и Сергей Рублёв испытали на себе все ужасы военного детства многие дети военной поры. Тогда невыносимо трудно было всем – и старым, и малым, и солдатам, и их близким. Но особенно страдали дети.

Страдали от голода и холода, от невозможности вернуться в детство, от кромешного ада бомбёжек и страшной тишины, сиротства…

Воронков Николай Петрович

Николай Петрович Воронков родился в селе Богдашкино Ульяновской области. Когда началась Великая Отечественная война, Коле было всего два года, но некоторые моменты военных лет он ясно помнит до сих пор.

В семье Ульяны Васильевны и Петра Николаевича Воронковых было семеро детей. Глава семьи перед войной работал на мельнице, которую однажды обворовали. Злоумышленников найти не удалось, и вину свалили на Петра Николаевича, который должен был пуще зеницы ока хранить колхозное имущество. А тут кража зерна! Отца Коли осудили и отправили в лагерь, а его супруга вынуждена была одна поднимать детей.

Многодетная мать трудилась на колхозной ферме, где ухаживала за лошадьми, коровами, поросятами и курами. Работать приходилось буквально на износ, да дома семеро детей, огород, скотина требовали неустанных хлопот.

Такой свою маму – вечную труженицу Николай Петрович и запомнил. Летом, посадив младшего сына на самодельную тележку, она вместе с ним отправлялась в поле, где с раннего утра до позднего вечера женщины серпами жали пшеницу и рожь. Маленькие дети играли тут же, в поле.

Советские женщины в годы войны практически полностью заменили мужчин в тылу, на их хрупкие плечи легла обязанность обеспечивать фронт продовольствием. Эту ношу они, не жалея себя, несли все четыре года. А сами жили впроголодь.

– Львиную долю мы отдавали в качестве налога государству. Жили на то, что оставалось. Есть хотелось всегда. Весной, когда запасы уже заканчивались, ходили в поле, собирали замороженную картошку. Ели лебеду, крапиву и щавель.

Зимой в село приезжали новобранцы, которые проходили курс молодого бойца перед отправкой на фронт. В течение двух недель они постигали премудрости военного дела, рыли окопы, а потом уезжали. На их место приезжали другие.

Изба Воронковых стояла на краю села, поэтому к ним частенько заходили бойцы погреться. Вдоль стен стояли длинные лавки, на которых и грелись солдаты, а мама Коли поила их кипятком. У командира был разноцветный фонарик – настоящая диковинка для сельских ребятишек. Он развлекал их этим фонариком.

Старшего сына Ульяны Васильевны, Александра, тем временем забрали

на фронт. Он участвовал в Витебской наступательной операции в 1944 году.

– На поле боя тяжело ранили в живот нашего односельчанина, с которым брат воевал в одном батальоне. Александр вынес его, но сам был ранен в правую руку. Часть кисти раздробило, из-за чего брат перенёс несколько операций и был комиссован по ранению.

К этому времени вернулся отец семейства. В местах заключения он тяжело заболел, и его отпустили домой. Родители вместе встретили вернувшегося с войны сына. Радости не было предела.

Последние два года войны пятилетний Коля запомнил хорошо. Одно из самых ярких воспоминаний связано с прилетевшими в село самолётами, которые доставляли раненых в госпиталь, находившийся на территории села. Специальной взлётной площадки не было, поэтому самолёты садились прямо на песчаную дорогу. Однажды не выдержало шасси, и лётчику пришлось заночевать в селе, а на следующий день прилетел другой самолёт и привёз необходимые запчасти.

Случалось, одновременно прилетали сразу два, а то и три самолёта; они стояли друг за другом, вызывая восторг ребятни. Лётчики, видя горящие глаза мальчишек, разрешали им посидеть в кабине. И каждый раз это был праздник для детей.

С той поры Коля мечтал о небе, а после школы поехал поступать в Казанское военное авиационно-техническое училище, но заболел и пропустил приёмную компанию. А спустя год поступил в химико-технологический институт, после которого переехал в Кирово-Чепецк, где работал на химкомбинате.

Е. Воробьева

// Вперёд. – 2020. – 24 апр. (№ 17). – С. 3.

Коновалова Евгения Павловна

Евгения Павловна Коновалова (в замужестве Сверчкова) родилась в деревне Дождевы Кирово-Чепецкого района. Родители Жени, Павел Васильевич и Мария Ивановна, были из семей зажиточных крестьян, которых раскулачили в 30-х годах. Дедушка по отцу всех этих событий не перенёс и вскоре умер.

Супруги в колхоз вступать не стали, а работали на дому от гармонной артели. Папа Жени обладал музыкальным слухом, поэтому он отбивал голоса и настраивал инструменты, а мама шила меха для гармони. Поскольку они не работали в колхозе, земельного участка

у них не было. До войны это не было большой проблемой, и жили пусть небогато, но могли обеспечить себя и троих детей.

Когда началась война, Мария Ивановна ждала четвёртого ребёнка, да так и осталась растить и поднимать их одна. Павла Васильевича отправили на Ленинградский фронт, где он был четырежды ранен. Семья получила с фронта три письма, и в последнем он сообщил, что в очередной раз лежит в госпитале, и удивлялся, что не получил от родных ни одной весточки. Письма жены до него не доходили, и он так и не узнал, что у него родилась ещё одна дочка.

– Папа писал, что если умрёт в госпитале, то не от ран, а от голода. Он попросил выслать ему граммов 200 сухарей, но когда мама приехала в военкомат, ей сказали, что если посылать, то на целую роту, а на одного солдата они посылку не примут. Откуда нам было столько взять?

Мария Ивановна пошла проситься в колхоз, но председатель сказал, что у неё маленькие дети, а значит толку в колхозе от неё будет мало. И земли он ей тоже не дал. Запасы еды к тому времени в семье закончились, приходилось жить впроголодь, практически на подножном корму.

Нелегко приходилось всем деревенским жителям: женщины самостоятельно растили по шесть – семь детей. Одна из многодетных матерей пошла в поле и набрала ржаных колосьев, чтобы накормить детей. Председатель колхоза увидел её и отдал под суд.

Женщину отправили в лагеря на полтора года, а двое её детей остались одни. Евгения Павловна помнит, как малышей нашли в нетопленой русской печи совершенно замёрзших и обессилевших от голода, привезли в школу. Отец их к тому времени погиб на фронте, а мать позднее так и не вернулась из мест заключения.

В феврале 1942 года Марию Ивановну вызвали в военкомат и вручили первую в деревне похоронку, сообщив, что её муж умер от ран 22 января и похоронен на Пискаревском кладбище в Ленинграде.

Семье назначили пенсию – 360 рублей, а буханка хлеба в то время стоила 300 рублей. Позже стали давать паёк – 120 граммов муки на ребёнка. В ход шло всё, что растёт и пригодно для еды. Особенно Женя любила песты (молодые побеги из хвоща), из которых делали начинку для пирогов, а ещё сушили, перемалывали и добавляли в обычную муку.

Узнав о беде дочери, приехал отец Марии Ивановны и забрал её с детьми к себе в деревню Чайкино. От голода семью спасали постояльцы, которые направлялись из Суны и Кумён в Киров на рынок. Обернуться за день они не могли и останавливались на ночлег в доме дедушки.

– За постой с нами расплачивались кусками травяного хлеба, несколькими картофелинами или молоком, которое замораживали кругами. До сих пор пом-

ню, как они спали, сидя на полу, измученные дорогой и тяжёлым трудом. Слава богу, мы выжили.

День Победы, 9 мая, был горьким и радостным одновременно. Из всей деревни домой вернулись только трое мужчин, в том числе два брата, которые перед возвращением прислали родным из Германии несколько посылок с бельём и посудой. Это было невиданное богатство.

В 1946 году заболела и умерла соседка Коноваловых, у которой остались четверо детей. Старшие дети пришли к Марии Ивановне и попросили взять их к себе. Женщина не смогла отказать сиротам, и на двух детей у неё стало больше. Малышей умершей соседки отправили в детский дом.

Женщины войны, считает Евгения Павловна, – настоящие героини. Все, кто, несмотря на тяжелейшие условия, растили детей, работали в тылу для фронта и победы, берегли семейный очаг, заслуживают вечной памяти потомков. Они сделали всё, чтобы дети выжили, а Великая Победа стала ближе.

Записала Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2020. – 20 марта (№ 12). – С. 5.

Марков Иван Иванович

– Мне было 6 лет, когда началась война. Жили мы в деревне недалеко от села Фатеево. Был сенокос. Родители взяли меня и двухлетнего брата Сашу с собой. Стало смеркаться. А они всё стогуют. Отец мне: «Идите с Сашей домой, мы позже придём». И вот, помню, идём мы с братом в деревню по вспаханному полю. Я его то веду, то на руках несу. Дома, уставшие, сразу уснули. Ближе к утру стук в окно, приехал нарочный: отцу надо срочно явиться в Просницкий военкомат. Он был младшим командиром, и ежегодно ходил на месячные сборы. Узнав, что его нет дома, нарочный всех родственников и соседей созвал в нашу избу. Тут и отец подоспел. Бросился к нам, прижал к себе, меня посадил на одно колено, брата – на другое…

Из Просницы отца и ещё четверых деревенских мужчин отправили в Киров. В Трифоновом монастыре был организован сборный пункт, военнослужащих формировали в части, а потом – по фронтам. Отца отправили в сторону Ленинграда. Их эшелон, состоявший из бойцов, орудий, лошадей, под станцией Чудово попал под массированную бомбёжку.

Как сказал поэт, смешались в кучу кони, люди… Образовалось сплошное кровавое месиво из тел и искорёженного металла. Видимо, там отец и сложил свою голову, потому что в ноябре 41-го получили мы бумажку, свидетельст-

вующую о том, что Иван Марков, наш отец и муж пропал без вести.

Войну мы с мамой бедствовали. Работали в колхозе за дармовые трудодни. Несмотря на свой юный возраст, я бронил, возил навоз, пас скот.

Питались чем придётся. Продукты, какие были, почти все сдавали на заготпункты. Было очень голодно, но мы выжили. Уцелела страна, потому что мы свято верили, наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами.

Такой сплочённости народа, какая была в Великую Отечественную, уже не будет. Люди были приучены к коллективному труду. А сейчас нет и в помине того патриотизма, который был в те годы. Помните, лозунг того времени – «Всё для фронта, всё для Победы!» И люди жертвовали всем. В наши дни расслоение общества продолжается. Богатым есть, что терять, а бедным всё едино.

Записала Л. Михайлова

// Твоя газета. – 2007. – 22 июня (№ 25). – С. 3.

Мошонкина Анна Михайловна

В семье Анны Михайловны Мошонкиной (в девичестве Тарасовой) тоже были потери: на фронт ушли трое мужчин, вернулся только один. О судьбе папы она ничего не знает до сих пор, остались только письма, которые она бережно хранит.

Когда началась война, Ане было всего 4 года. Семья жила недалеко от города Горький (ныне Нижний Новгород). Рядом располагалась электростанция, которая питала электричеством оборонные заводы и военный аэродром. Немцы об этом знали и старались уничтожить эти объекты. Не было дня, чтобы над населённым пунктом не пролетали фашистские бомбардировщики. Они летали так низко, что можно было, совершенно не напрягаясь, увидеть на крыльях свастику.

Нюрочка (так называли Анну Михайловну в семье) помнит, что во время бомбёжек мама хватала её на руки и бежала в убежище. Родители приходили домой только чтобы выспаться, они постоянно работали, и дети были предоставлены сами себе.

– Весной 1942 года на Пасху мы с подругами пошли к знакомым, чтобы «похристосоваться», очень хотелось есть, и мы надеялись, что нас угостят. Шли мы по дороге, и вдруг над нами появился фашистский самолёт. Мы упали, а он долго летал над нами, но стрелять не стал. Было жутко страшно, и это был первый страх в моей жизни.

Среди самых ярких воспоминаний того времени – письма, каждое из кото-

рых приносило с собой в дом счастье. На фронт ушли папа Ани, её брат и дядя. Их письма до сих пор бережно хранятся и время от времени перечитываются.

Михаил Тарасов, отец Анны Михайловны, ушёл на фронт в сентябре 1941 года. Младшая дочь его не помнит, хорошо, что остались фотографии, на которых он молодой и красивый.

– Мама рассказывала, что папа был настоящим патриотом. 18-летним парнишкой он во время Гражданской войны добровольцем ушёл на фронт. Не смог бы он пересидеть дома и эту войну. Мы с нетерпением ждали писем, ведь это означало, что наши родные живы.

Каждое письмо Михаила Петровича наполнено любовью к семье и надежде на то, что скоро они разобьют ненавистных фашистов и вернуться домой. Дочке Нюрочке любящий отец обещал вернуться домой с подарком – настоящими наручными часиками. Он просил верить в светлое будущее.

Из письма Михаила Тарасова от 18 февраля 1943 года:

«… попал во время боевых операций разведки на вражеской территории на 300 фашистских автоматчиков, а нас только 16 человек. Мы приняли неравный бой и врага разбили. Скоро пришло подкрепление. Были под градом пуль и под миномётным огнём. После боя оказалось, что я ранен в левую ногу. Думаю, что ничего опасного нет, и к первому апреля я пойду на Берлин… Красная Армия врага разобьёт и уничтожит полностью. Враг уже не успевает бежать…».

В одном из писем глава семьи сообщает, что пишет письмо во время боя, и если останется в живых, то напишет родным дней через 10. Михаил Петрович был ранен дважды, но родные узнали об этом только перед самой его гибелью, когда он в последний раз лежал в госпитале. Последнее письмо от отца датировано 18 августа 1943 года, в нём он больше обращается к жене Марии.

«… Маня, не падай духом, будь полна мужеством и гордись, что у тебя муж и сын защищают нашу любимую Родину. Что они освобождают жён, детей, отцов, матерей и братьев. А потому, я прошу, не горюйте. И расскажи, Маня, детям о папе и брате. До свидания, остаюсь Михаил Тарасов».

В январе пришло извещение, что Михаил Тарасов пропал без вести в конце 1943 года. Родные пытались найти его следы, но безуспешно.

– Он в то время был в госпитале, но никаких сведений о его выписке не найдено. Предполагаю, что папа просто сбежал оттуда и отправился на очередное задание, где погиб. Мама не поверила, что его больше нет. Она всю войну ждала папу и говорила о нём как о живом.

Брат Нюрочки Николай отправился на фронт прямо из военного училища. Он тоже старался как можно чаще писать домой, рассказывал обо всём, что

пришлось пережить. Мать Нюры Мария Ивановна в каждом своём письме к сыну просила его беречь себя и вернуться домой.

Из писем Николая Тарасова:

«Мама, напрасно ты так обо мне беспокоишься и страдаешь, ведь это может отразиться на твоём здоровье. Я знаю, что тебе тяжело, но что сделаешь, ведь не я один у тебя в армии. Почти во всех семьях какое-нибудь несчастье да есть. Мама, потерпи и не горюй… Недавно вот получил письмо с фронта от моих товарищей, и они сообщили плохую весть, что в боях был убит мой лучший командир. Жалко мне его, хороший был человек, много раз меня выручал на фронте, а сейчас погиб…».

Николай тоже был ранен, вернулся домой с боевыми наградами. В будущем он занимал высокие партийные посты.

Брат Марии Ивановны, Пётр Лариошкин, судя по всему был кадровым военным и жил в Ленинграде. Во время блокады его дочь умерла от голода, а самого его в 1942 году вывезли из окружённого города в Пермский край и поместили в госпиталь. Оттуда немного поправив здоровье, Пётр Иванович отправился на фронт.

Из письма Петра Лариошкина от 25 апреля 1943 года:

«Маня, с 24 апреля я нахожусь на передовой, бьём немцев. Кормят нас хорошо, но вот спать не приходится: мешают немцы и болотистая местность…».

Он пишет сестре с нежностью, и в каждом письме особое внимание уделяет своей крестнице – племяннице Нюрочке. Он даже послал Марии Ивановне денежный перевод, чтобы она купила девочке подарок от него. В то же время он не скрывал от сестры того, что ему пришлось пережить…

«Маня, сегодня мой день рождения, но встретил я его очень плохо: сижу в окопе в воде по колено, сверху льёт холодный дождь, я весь мокрый до костей. Ноги сводит судорогой, хоть кричи, а голова болит так, что нет терпенья…».

В одном из посланий сестре Пётр пишет о надежде вернуться живым. Ведь однажды судьба уже была к нему милостивой, позволив выжить в блокадном Ленинграде. Но его мечтам не суждено было сбыться.

– По рассказам моей мамы, дядя получил тяжёлое ранение в живот и скончался в прифронтовом госпитале в Сталинграде в 1943 году. Он остался навсегда в нашей памяти, а ещё в письмах и на фотографиях.

Записала Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2015. – 8 мая (№ 18). – С. 6.

Потехина Надежда Митрофановна

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, маленькой Наде было всего три года. И сам момент объявления войны она, конечно, не помнит. Однако тот день, когда в их родную деревню Ломы Себежского района Псковской области пришли фашисты, она помнит как сейчас. Захватчики нагрянули ночью. А утром женщин и детей собрали в одном из домов.

– Сколько было среди нас мужчин, не помню. Они стояли вдоль одной стенки, женщины и дети – у другой. Всех мужчин расстреляли тут же. Они упали нам под ноги. Не было возможности их даже похоронить.

И только позднее стало ясно, что самое страшное впереди. Их ждало ещё немало испытаний. Жить в оккупированной деревне жители не могли. Они решили уйти в лес.

– Оделись мы, и пока ночь, бежали через болота. Мама по грудь в воде, а меня за собой тащит. И так до землянок партизан.

И только, когда пришла весть о том, что деревня свободна от оккупантов, жители решили вернуться. Оказалось, на пепелище.

Жили сначала в шалашах, потом копали землю. Голодали сильно.

Оккупанты вели постоянные обстрелы. И днём и ночью. А однажды Надежда была ранена.

– Обстреляли наш обоз. Всё смешалось в кучу. Мама в одну сторону, я побежала в другую. И вот тут меня тяжело ранило.

Это ранение дало о себе знать в 2005 году. Именно тогда врачи обнаружили в ноге Надежды Потехиной осколок снаряда. В те годы вышел указ раненым детям войны присваивать звание ветерана войны. Сколько бы ни прошло лет, эта боль всегда будет с ней. И не только физическая, но и душевная. Пережить такое не каждому под силу. А ведь она была всего лишь меленьким ребёнком, которого всегда и везде сопровождали страх, голод и смерть. И просьба к молодёжи у неё только одна.

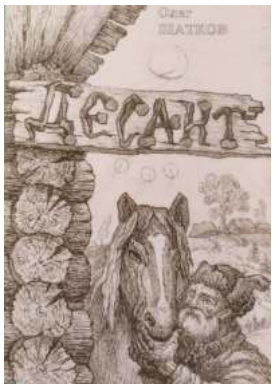
– Любите друг друга, жалейте. У нас до сих пор очень много таких детей, которые горем обижены. И помните ветеранов. Им многое пришлось пережить.

Н. Зиятдинова

// Твоя газета. – 2012. – 10 мая (№ 19). – С. 14.

В ОККУПАЦИИ

Бывали в жизни злые времена,
Но мы боролись, строили и жили,
От бед спасая чьи-то племена,
Хотя они того не заслужили
В. Чирков



Шатков, О. Десант : повесть / О. Шатков. – Киров, 2006. – 80 с.

Олег Петрович Шатков родился в 1946 году, через год после окончания Великой Отечественной войны. Война обошла его стороной. А вот в памяти его родителей военное время осталось страшной реальностью. Они в полной мере испытали это на себе. Поэтому о войне Олег Петрович знает не понаслышке... А о военной жизни в тылу он много узнал от своего дяди – Виктора Степановича. Кстати, часть историй рассказанных Виктором Степановичем, немного перефразированных и дополненных нашла отражение в юмористической повести писателя «Десант».

Главные герои повести ожидают приближение немецкого танкового десанта… От этого с жителями деревни от страха происходят разнообразные курьёзные события: они очень боятся оказаться в оккупации..

И действительно жизнь в оккупации была очень тяжёлой и страшной, о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания...

Голубкова Зинаида Васильевна

Когда началась Великая Отечественная война, 13-летняя Зина Голубкова вместе с родителями и старшим братом жила в городе Старая Русса Новгородской области. Начались постоянные бомбёжки. 3 августа мама Зины родила третьего ребёнка, и Зиночка помнит, как её мама в ужасе бегала по коридору, прижимая к груди новорождённую дочку.

Папу Зины из-за травмы ноги (он передвигался на костылях) на фронт не взяли, и вскоре семья, соорудив плот, переехала из деревянного дома в шалаш в устье реки Ловать. Во время сплава по реке они обнаружили в воде двух погибших красноармейцев, вытащили их на берег и похоронили.

На следующий день брат Зины вместе с другом вернулся в деревню за продуктами, а там уже были немцы. Фашисты спросили ребят, где стоят советские войска, и мальчишки указали месторасположение немцев. Начался артобстрел. Не скоро немцы поняли, что стреляли по своим.

Начались затяжные бои, и семья решила вернуться на родину, в деревню Новая Поляна Псковской области. Однако от немца убежать не удалось, оккупанты появились и здесь. Люди присоединялись к партизанскому движению, боролись с врагом как могли. Опасаясь мести немцев из-за активной деятельности партизан, жители двух деревень, в том числе и семья Голубковых, перебрались из тёплых изб в выкопанные в лесу землянки, где прожили до самого освобождения территории в 1944 году.

– Зимой 1942 года фашисты стали формировать партию молодёжи для отправки в Германию, в этот список попала и я. Однако мой 15-летний брат решил, что пойдёт вместо меня, и обещал сбежать по дороге. Но такой возможности ему не представилось, и он прожил в работниках на ферме в Германии до конца войны, вернувшись домой лишь в 1945 году.

Зину же вместе с подружками заставили работать на железнодорожной станции Новоселье. Зимой девочки чистили рельсы от снега, а в остальное время должны были обходить пути и проверять, нет ли на участке заложенных партизанами мин.

Конечно, партизаны заранее сообщали ребятам о своих ночных вылазках, и в ходе одной из них серьёзно повредили рельсы на участке, где дежурили Зина с подругой. Девочки решили ничего не говорить родителям, чтобы их не расстраивать, а на следующий день отправились на станцию, понимая, что скорее всего их расстреляют. Немцы лишь поругали испуганных подростков и даже не сняли с дежурства.

В один из дней мама попросила Зину сходить в соседнюю деревню Ростково к родственнице, чтобы убедить женщину с двумя детьми перебраться к ним в лес. Убедить тётю покинуть избу девочке так и не удалось. А через два дня пришла страшная весть о том, что деревни больше нет. В избе тёти Оли в ту ночь ночевали партизаны, а утром в деревню пришли фашисты, чтобы выжечь её дотла. Жителям, правда, позволили покинуть избы. Один из партизан открыл огонь по немцам, тогда фашисты согнали женщин, стариков и детей в амбар и сожгли.

Вскоре пришла очередь и опустевшей Новой Поляны, где партизаны решили устроить засаду на немцев, повадившихся грабить оставленные со всем скарбом дома. Через два дня после перестрелки фашисты и эту деревню сожгли дотла, к счастью, жителей им найти не удалось.

Повзрослели дети войны быстро, работать приходилось наравне со взрос-

лыми. Однако, несмотря на страх и голод, успевали и повеселиться, устраивая в одной из землянок танцы под гармонь и балалайку. Им очень хотелось жить и любить и чтобы всё было по-настоящему...

В прощённое воскресенье, 27 февраля 1944 года, в землянку Голубковых ворвался радостный глава семьи и сообщил, что в округу пришли наши войска. Зину с подругою отправили в соседнюю деревню, там и наткнулись на советских бойцов. Те угостили подружек настоящим чаем, горячим, с сахаром, а потом прямо во дворе дома устроили танцы под гармонь.К лету жители вернулись на пепелище и постепенно стали строить новые дома. Они с готовностью откликались на просьбу солдат помочь в восстановлении железнодорожных путей, выполняли и другие работы.

А однажды Зиночке пришлось работать в группе, занимавшейся перезахоронением погибших фашистов. В один из дней немецкие офицеры собрались на большое совещание, и в этот момент советские войска начали обстрел. Погибло около сотни фашистов, гробы лишь слегка присыпали землёй. Наши ребята выкапывали гробы, тела немцев складывали в общую могилу, а в деревянных ящиках потом хоронили погибших красноармейцев.

После войны Зинаида Голубкова уехала на Украину, где познакомилась с вятским парнем Александром Шаклеиным. После свадьбы молодая семья приехала жить в Кирово-Чепецк.

Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2018. – 11 мая (№ 19). – С. 7.

Егоршев Анатолий Яковлевич

– Трудно вспоминать годы Великой Отечественной войны. Они выпали на моё деревенское детство в 120 км к юго-востоку от Москвы в селе Шарапово. В те годы там не было ни электричества, ни радио. О войне мы узнали из сообщения Сельского Совета. И в тот же день, 22 июня 41 года, началась мобилизация мужчин. В первую очередь, повестки вручали мужчинам, прошедшим финскую войну. На площади у Сельсовета собрались жители окрестных деревень. В грузовую автомашину, посадили всех мобилизованных и со слезами проводили. Так, продолжалось несколько дней, пока всех годных к службе не отправили на фронт.

К концу года немцы уже вовсю бомбили Москву. В один из налётов немецкой авиации разбомбили дом моего дяди, тётя с сыном приехала жить к нам в деревню, а дядя ушёл на фронт. Началась эвакуация детей из Москвы. В

нашей деревне тоже разместили их – в клубе, библиотеке поставили раскладушки, под навесом соорудили походную кухню. Ребята пожили у нас до глубокой осени. А когда немцев отбросили от Москвы, всех увезли домой.

В начале сентября отца призвали на фронт: по возрасту он не подлежал к отправке в действующую армию. Работал в Москве, восстанавливал после бомбёжек жилые дома. Через два года от простуды и постоянного недоедания папа умер. В семье осталось пятеро детей, мама и бабушка. Самому младшему братику было 8 месяцев. На меня, как на старшего, легли все мужские заботы и тяготы.

В 1943 году через нашу деревню шли колонны ополченцев. По вечерам, когда солдаты оставались на ночлег, Сельсовет распределял их по домам по 5-6 человек. Были и в нашем доме. Бабушка ставила самовар, и молодые солдаты, напившись чаю и закусив тем, что у них было, укладывались прямо на полу на соломе, которую приносила мама. Переночевав, утром уходили дальше. Сельчане всячески их подкармливали, жалели – никто не знал, как сложится у них судьба.

Я учился в 3 классе, когда немецкие самолёты летали над нашей школой. Мы со страха спрятались под парты.

Шли годы, война продолжалась. Мои ровесники-подростки бросали школу и уходили в ФЗУ, ремесленные училища в городе Егорьевске. Я же хотел работать на лесозаготовке. Но председатель Сельсовета не отпустил меня: «Ты, Толя учись». Понимал, что я единственный кормилец в большой семье и в будущем должен крепко встать на ноги, определиться с профессией. Пришлось остаться. Мама в это время работала в колхозе свинаркой, и я ей помогал: ездил на молочную ферму за сывороткой, днём пас свиней. В зимнее время отправлялся за сеном на луга для колхозных коров. За это мне начислили немного трудодней. Кроме того, я умел общаться с лошадьми, ухаживать, запрягать их в сани, в телегу. Словом, научился всему, что должен уметь деревенский парнишка. Осенью школьники убирали картошку, не смотря на сырость и холода – людей не хватало. Картошку складывали в бурты, а зимой военные машины её увозили.Однажды через нашу деревню проходило несколько машин «студебеккеров» с «Катюшами», остановились передохнуть. Мы с ребятами тут же облепили машины, стали заглядывать под брезент и гадать, как же они стреляют – кроме рельсов ничего не было видно.

Что и говорить, трудное, голодное было время. Что выращивали в колхозе, всё сдавали государству, но воспринималось это взрослыми и детьми, как должное – война ведь. Не ныли, не жаловались, плакали лишь тогда, когда приходила очередная похоронка на погибшего фронтовика.

В конце 1944 года в деревнях по окрестным домам разместили батальон

17-летних парней. Они валили деревья в лесу, уставали, но находили время пообщаться с нами, ребятишками. Так они жили в селе и работали до конца войны. В День Победы все собрались в штабе батальона, а мы, мальчишки и девчонки, уже подросшие в трудностях войны, радовались тому, что, наконец, война закончилась, ликовали вместе со старшими: устраивали всевозможные зрелища, спортивные соревнования, пели, плясали. И конечно же, не обошлось без салюта.

Что было дальше? Как следствие страшной разрушительной войны – голодные послевоенные годы. После средней школы, несмотря на трудности, окончил Московский торфяной институт по специальности «Инженер промышленного транспорта. И в 1955 году получил направление на ТЭЦ-3».

// Твоя газета. – 2015. – 12 марта (№ 11). – С. 4.

Лапшина Анна Родионовна

Анна Родионовна Лапшина родилась в небольшой станице на берегу Дона, в Сталинградской области. 22 июня 1941 года девятилетняя Аня вместе с мамой и другими женщинами полола грядки в подсобном хозяйстве Рыбзавода. И вдруг страшная весть – началась война. В течение нескольких дней станица опустела. Мужчины ушли воевать, остались только старики, женщины и дети.

Ушёл на фронт и папа Ани, и только там выяснилось, что из-за полученной когда-то травмы мужчина не мог стрелять из винтовки. Его тут же отправили в Ростовскую область, где он вместе с товарищами ремонтировал разбитую в боях технику. Он сумел подать семье весточку о своём местонахождении и даже несколько раз навещал жену и детей...

Немцы вошли в родную станицу Ани 17 июля 1942 года. Напуганные жители заблаговременно покинули дома, поселившись в шалашах, сооружённых в овраге. Несколько часов спустя они поняли, что в прямом смысле оказались меж двух огней: с одной стороны, на противоположном берегу Дона, располагались советские войска, а с другой наступали фашисты. Начался бой. Вокруг рвались снаряды, а в овраге беспомощно метались жители станицы. Одна из пуль попала Ане в ногу, раздробив тазобедренный сустав. Девочка охрипла, крича от боли, только помочь ей было некому.

Ночью мать оправилась в станицу, а вернувшись сообщила, что их дом, стоявший прямо на берегу, цел и невредим. Семья вернулась в родные стены, но девочке становилось всё хуже.

Отчаявшись, женщина обратилась к немецкому офицеру с мольбой о помощи, и то привёл к ним военного врача. Он велел готовить Аню к немедленной операции, которую провёл без наркоза. Крики девочки были слышны на другом конце станицы. Но иначе было нельзя – спасти могло только оперативное вмешательство.

– Примерно через месяц я вместе с остальными детьми находилась в окопе. Начался очередной бой, и меня ранило во второй раз, в ту же самую ногу. На наши крики прибежал немецкий врач и оставался с нами до тех пор, пока не подоспели матери...

Военный врач дважды приходил к маленькой пациентке и купал её в горячем дезинфицирующем растворе. Кроме того, он каждый день забирал раненую в госпиталь и кормил обедом. Немец, имя которого Аня так и не узнала, спас ей жизнь и не только ей, но и другим раненым жителям станицы. Через 10 месяцев девочка уже начала вставать, а к концу войны бегала наравне со сверстниками. Израненная нога стала короче на три сантиметра, но это было такой мелочью по сравнению с тем, что ей пришлось пережить…

Немцы относились к станичникам достаточно лояльно, зверств не чинили, никого не расстреливали. Но люди умирали от голода и болезней. Лишь после убийства двух немецких солдат жителей станицы согнали на площадь. Испуганные женщины истошно голосили, плакали дети, но обошлось без жертв, вскоре всех опустили по домам.

В просторном доме, где жила семья Ани, фашисты организовали штаб. Офицеры находились там только днём, с девяти до семнадцати часов, а в остальное время немцев в доме не было.

Однажды под утро в пристройку, в которой жила Аня с мамой, сестрой и двоюродным братом, постучались партизаны, которые не смогли затемно уйти из станицы. Женщина спрятала их в погребе, заперла в дом, а сама ушла. На следующую ночь партизаны благополучно покинули станицу. После они ещё не раз появлялись в доме: мать Ани передавала им необходимые сведения о расположении вражеской техники и солдат...

Вечером 1 февраля 1943 года домой к ним пришёл военный врач и сообщил, что утром немцы покидают станицу. Он сказал, что Ане необходима операция хирурга-ортопеда, иначе у девочки в дальнейшем могут возникнуть проблемы со здоровьем. Через две недели в станицу вошли советские солдаты.

В 1944 году вернулся отец, и его назначили председателем Рыбзавода. Жить стало полегче. О том, что война закончилась, станичники узнали от солдат, которые нескончаемым потоком шли через их станицу. Женщины и дети выстроились вдоль дороги, по которой шли смертельно уставшие, пропахшие порохом и потом фронтовики. Все плакали: одни – от радости, другие – от бо-

ли потерь. К ногам освободителей благодарные жители бросали ветки цветущего шиповника, и было ощущение бесконечного счастья и свободы...

Постепенно в станицу стали возвращаться мужчины, которые тут же взялись за восстановление разрушенного хозяйства. Возобновился рыбный промысел, а на бескрайних полях заколосились хлебные колосья. 1947 год выдался голодным, зато следующей осенью собирали небывалый урожай.

– Овощей было так много, что их не успевали перерабатывать. Цены на товары в магазинах становились всё ниже, постепенно восстанавливалось совхозное хозяйство. В общем, жизнь налаживалась...

Однажды Анюта прибежала домой в слезах и рассказала, что мальчишки дразнят её «хромоножкой». Отец успокоил девочку и повёз её к врачам в Сталинград. Однако после тщательного обследования хирурги развели руками, объяснив, что операцию делать категорически нельзя, и с хромотой девочке придётся смириться. Из-за полученных ранений Анна Родионовна была причислена к участникам войны...

Получив образование девушка приехала работать на Кирово-Чепецкий химкомбинат, здесь же встретила свою вторую половинку…

Записала Н. Зиятдинова
// Вперёд. – 2015. – 16 янв. (№ 2). – С. 6.

Мясищев Владимир Иванович

Летом 1941 года 14-летний Володя Мясищев вместе с родителями, братом и сестрой жил в Краснодарском крае. Отец Владимира работал директором ресторана, а мама была домохозяйкой.

Когда началась война, отца забрали на фронт, а Володя остался за старшего. Они с братом работали на железнодорожной станции – заправляли паровозы водой.

В один из дней на станцию прибыли сразу два военных поезда и один состав с ранеными. И тут налетели фашистские самолёты. Рёв паровозов смешался со взрывами авиабомб и криками людей. Начался кромешный ад.

– Страшнее я ничего в жизни не видел. Раненые пытались выбраться из вагонов, и те, кому это удалось, через железнодорожные пути ползли в поле. Мы бросались бежать, но неподалёку разорвался снаряд и брата откинуло взрывной волной в сторону. Когда я его нашёл, то увидел седой клок волос на голове.

А вскоре через станцию, где жили Мясищевы, началось отступление со-

ветских войск. Тогда им на пять минут удалось повидаться с отцом, забежавшим в родной дом, чтобы обнять жену и детей. Володя отца не узнал – из солидного, опрятного и интеллигентного мужчины он превратился в осунувшегося незнакомца с торчавшими из ботинок портянками.

Вместе с отступившими войсками мама Володи решила эвакуироваться к родственникам на Кавказ. Многодетной семье выделили полуслепую лошадь, и погрузив самое необходимое, они двинулись в путь. От частей быстро отстали, и в один из дней остановились в Ростовской области у одинокой женщины. Уже на следующий день мальчишки принялись строить себе дом. Замешивали смесь из навоза, глины и воды, затем лепили кирпичи, сушили их на солнце. В получившейся пристройке и жили Мясищевы.

Сколько пришлось жить у гостеприимной ростовчанки, Владимир Иванович не помнит, но некоторое время спустя, опять же вместе с войсками они вернулись на родную станцию. Как только через станцию пустили пассажирские поезда, семья всё же отправилась в Северную Осетию, где неподалёку от Беслана жили родственники.

Они выделили Мясищевым комнату на втором этаже дома. Ели в основном растительную пищу, да получали по 150 граммов хлеба в день на человека, который выпекался в местной пекарне. Володя с братом мечтали попасть туда, чтобы от души наесться, и у них это получилось.

Подработка началась со способностей Володи рисовать плакаты и писать лозунги. Узнав об этом, руководство комбината по переработке кукурузы пригласило братьев поработать. Предприятие выпускало муку, патоку, крахмал и т.д. Ребята рисовали плакаты и каждый день на заводе вдоволь наедались сладкой патоки. А потом им удалось поработать в пекарне, где они чертили противопожарные схемы, рисовали специальные обозначения и т.д. В день Володя получал по буханке хлеба, а когда работа закончилась, мальчишки каждое утро прибегали к пекарне, и им давали свежевыпеченный хлеб.

Начался учебный год. Вначале местные школьники встретили новичков настороженно. На первой большой перемене самый сильный мальчишка в классе предложил побороться. Отказываться было нельзя, поэтому Володя принял условия. Драка продолжалась 15 минут. Новичок одержал верх, и с тех пор пользовался авторитетом у местных ребят. Все годы учёбы Володя был старостой класса.

– Мой отец не вернулся с фронта, и мы считали его погибшим. Однако много лет спустя нам удалось узнать, что он попал в концлагерь, откуда ему удалось бежать в Америку. Там он и прожил до самой смерти. Я отправил ему письмо, но не знаю, получил ли он его. Больше мы его не видели.

Послевоенные годы были очень голодными, и мать предложила старшему

сыну ехать на учёбу в столицу – всё-таки там больше возможностей заработать себе на жизнь. В 1947 году Володя поступил в Московский железнодорожный институт, а после окончания приехал работать в Киров. Там его заметили руководители Кирово-Чепецкого химического комбината и в 1959 году предложили возглавить железнодорожный цех. Цеха как такового ещё не было, его пришлось буквально строить с нуля.

Легко не было, признаётся Владимир Мясищев, но у него получилась очень интересная жизнь.

Записала Н. Зиятдинова
// Вперёд. – 2019. – 13 дек. (№ 50). – С. 6.

Шерстенникова Нина Степановна

– О первых днях войны помню смутно. Отец, Степан Егорович Фавнутов, в первые дни войны был призван в действующую армию. И вскоре погиб в Белоруссии. Мама, Наталья Кузьминична, и мы три сестры – девяти, семи и я четырёх лет остались в оккупированной деревне Гребенино на Смоленщине.

В нашем доме поселились немцы. Семью выселили в хлев. На улице, почти у каждого дома, под маскировочными сетками – немецкая техника… А ещё нас постоянно, в особенности по ночам, бомбили. Было страшно… Немцы «пёрли» на Москву. Летом, сорок первого – такие наглые, самоуверенные, а потом ближе к глубокой осени появились первые колонны в беспорядке отступающих, очень злых солдат, много повозок и санитарных машин.

Что ещё осталось в памяти? Когда немцы отмечали какие-то свои важные события. Из домов и открытых ядовито-зелёных фургонов доносилась музыка, а с улицы слышалась пугающе ненавистная немецкая речь. Мы, дети, мало что из этого понимали. Несмотря на страх, крутились под ногами. Некоторые солдаты протягивали конфетки. Почти вся малышня собирала разноцветные фантики… мы радовались и этому. Дети ведь.

Когда под Москвой началось декабрьское наступление Красной Армии, немцы стали выгонять нас из домов и времянок, ужесточили отношение к мирным жителям: в деревню в большом количестве поступали не только раненные, но и обмороженные солдаты. Деревенская молодёжь, что постарше, ушла в партизаны. А нас детей, вместе с родителями и ходячими стариками, распределив по подводам, направили в Гжатск, райцентр Смоленской области (с 1968

года г. Гагрин). Оттуда в холодных, железнодорожных товарняках – в Могилев Белорусской ССР, где разместили в старых, неотапливаемых барках. И бесконечный страх, неизвестностью голод. На работы выводили всех, кто был постарше нас.

В оккупации мы пробыли с октября сорок первого по март сорок четвёртого. Мама умерла в неметчине 1 июня 1944 года от тифа. А 26 июня нас освободила Красная Армия.

В родную деревню вернулись уже без мамы, с кем-то из соседей. Вокруг пепелище… Каким-то чудом уцелели два дома на окраине, некогда радостного и большого человеческого муравейника счастья. Бесприютными скитальцами закончилось наше детство. Но в памяти остались запахи родительского дома.

Новая сиротская жизнь началась для нас, трёх сестёр мал-мала меньше, в детском доме в Вязьме Смоленской области. Пробыла я в нём до 1951 года. окончила семилетку. Затем химико-технологический техникум г. Щелково Московской области. По распределению попала на Кирово-Чепецкий химический завод. Вся трудовая биография моя связана с проектно-конструкторским бюро.

Записал В. Опиканец.

// Твоя газета. – 2015. – 23 апр. (№ 17). – С. 4.

Шихова Лидия Алексеевна

Счастливое довоенное детство Лидочки, как и всех советских детей, закончилось 22 июня 1941 года. Погожим летним днём она купалась с подружками в реке, когда на берег прибежала её младшая сестра и закричала, что началась война. Дети бросились по домам, где поселилось ожидание чего-то страшного. Отца Лиды, которому к тому времени исполнилось 52 года, на фронт не взяли.

Около двух месяцев село Большая Коша Калининской (ныне Тверской) области жило спокойно. И только когда пришла весть о том, что фашистские войска уже близко, жители забеспокоились. Несколько семей, в том числе и Лидочкина, решили перебраться на другой берег реки, на выселок. Они были уверены, что сюда немцы не доберутся. Через некоторое время на выселок прибыла воинская часть Красной Армии, а чуть позже в родное село вошли немецкие войска...

Каждый день немцы обстреливали противоположный берег из миномётов, а испуганные жители прятались в сараях. Однажды они увидели немца, которого взяли в плен наши солдаты.

– Все дети выстроились вдоль просёлочной дороги, по которой на санях везли «языка». Вражеский солдат крутил головой во все стороны и плевался в нас, что-то крича на своём языке. Потом мы узнали, что это был не немец, а финн, но мы его всё равно жутко ненавидели.

7 ноября 1941 года немецкие войска внезапно покинули оккупированное село, а нашей части пришёл приказ отступать. Оказали, что фашисты совершили хитрый манёвр: окружив отступившую воинскую часть, они почти полностью её уничтожили.

На следующий день на выселок явились немцы, по-хозяйски обошли дворы и сделали опись имущества. Мама Лиды пыталась спрятать отрез ситца в мешок с отрубями, но с немцами такой номер не прошёл. А наутро пришли подводы и забрали всё – даже угольные утюги не оставили. Выгнав всех из домов, фашисты сожгли выселок дотла, а жителей угнали в соседнюю деревню, где каждому выдавали путёвку на принудительные работы в Германии. В маршрутном листе были отмечены остановки, конечным пунктом значился город Ржев. Колонна женщин и детей тронулась в путь.

– Мы шли всю ночь и ужасно замёрзли. Когда проходили по какой-то деревне, мама попросилась погреться в один из домов. Так мы сразу же бросились к печке и не могли надышаться этим теплом. Но вскоре нагрянул немецкий патруль и погнал нас в колонну. Оказалось, нужно чётко следовать маршруту и останавливаться только в запланированных немцами населённых пунктах...

Колонну угоняемых в неволю советских людей население везде принимало сердечно. В избы впускали столько народу, что люди, спавшие вповалку на полу, не могли повернуться. Делились последним и утешали, как могли. Угоняемым в неизвестность жителям ещё повезло, что они не встретили на своём пути солдат СС, которые зверствовали на оккупированных территориях.

Однажды стали свидетелями публичной казни двух партизан, которые убили немецких солдат и украли лошадь. Сердце девочки в тот момент было до краёв наполнено жалостью к героям и ненавистью к захватчикам.

В одной из деревень хозяйка дома, где остановилась семья Лиды, спрятала от немцев только что испечённый хлеб. Пришедший полицай – поляк, проведя носом, потребовал отдать хлеб. Женщина запричитала, но когда полицай приставил к её виску пистолет, испуганно замолчала. Хлеб враги унесли, но его запах долго преследовал девочку...

Несколько месяцев, которые слились в непрекращающийся кошмар, колонна женщин и детей шла в Ржев. Канонада боёв была для них музыкой – это значило, что наша армия где-то рядом, а значит, была надежда на освобождение…

– В деревне Высокая остановились на постой. Приютившая нас женщина истопила баню, но только мы собрались помыться, как появились немцы. Они выгоняли людей на улицу и поджигали дома. Вокруг нас всё полыхало…

Оставив после себя разор и пепелища, фашисты отступили, и жители наконец-то были свободны. Возвращаться в родную деревню, от которой остались одни головёшки, не имело смысла. Семья перебралась в город Кувшиново, который почему-то так и не был занят немецкими войсками. Отец Лиды устроился работать в госпиталь, мама – в воинскую часть.

В Кувшинове семья жила два года. Каждый год отец приносил груду окровавленных бинтов, которые нужно было постирать, прокипятить, а потом аккуратно скатать в рулоны. Так они получили карточки на хлеб и иногда могли даже бесплатно поесть в столовой, но чувство голода не проходило. Ели всё, что было съедобным, в том числе и траву. Первое время не могли привыкнуть к тому, что когда воет сирена, нужно бежать в убежище. Но и к этому привыкли. Жить хотелось всё сильнее...

В 1944 году Лида окончила школу и поехала получать профессию в Москву. Студентов промышленно-экономического техникума поселили в частном доме в Краскове под Москвой, где разрушений практически не было. Несколько месяцев спустя они перебрались в центр столицы, но в городе орудовали бандиты, и в тёмное время суток ходить в одиночку было небезопасно.

– Утром 9 мая 1945 года меня разбудили подруги – они кричали, что война кончилась. Невозможно передать, что с нами тогда творилось! Мы хотели поехать на Красную площадь, но в метро из-за огромного количества людей было не пробиться, поэтому решили остаться на Комсомольской площади. Такого всеобщего ликования я больше никогда не видела...

После получения диплома Лидию направили работать на меховую фабрику «Белка» в город Слободской. Несколько лет она работала на этом предприятии, а в 1957 году её мужа художника пригласили работать на Кирово-Чепецкий химзавод. Лидия Анатольевна тоже хотела работать на заводе, но устроиться туда удалось с огромным трудом – женщин тогда брали крайне неохотно. Практику Лидия Шихова проходила в цехе 76, там и осталась работать аппаратчиком. А окончила свою трудовую деятельность 27 лет спустя в цехе 145.

Записала Н. Зиятдинова

// Вперёд. – 2015. – 13 февр. (№ 6). – С. 6.

ДЕТСТВО ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Мы не забудем Бухенвальд, Освенцим,
Жестоких и бездушных палачей,
Бросавших стариков, детей и женщин
В горнила ненасытные печей.
И душегубки, где травили газом,
И лекарей, калечивших людей.
Забудем – так фашистская зараза
Вернётся к нам жестокостью зверей.
Л. Климова

Жуйкова Надежда Петровна

«Война пришла в наш дом из репродуктора… А в это время вся семья, по случаю приезда маминой сестры из Ленинграда, собиралась чаёвничать в саду. Отец уже установил стол под раскидистой антоновкой, мама суетилась у самовара»

Семейного праздника не получилось… как, впрочем, и послевоенной встречи: в блокадном Ленинграде погибли тётя и её дети. Надино детство, не успев начаться, закончилось. Его отобрала война.

«В сентябре сорок первого наша деревенька Перелесье, что под Ленинградом, была занята немцами. А большой добротный отцовский дом, приглянулся новым хозяевам. Нам приказали убраться в лес. Вместе с другими колхозниками обслуживали землянки, спали на нарах. Пока позволяла погода кормил лес. Затем наспех убранное колхозное поле.

Стужа и голод обступали нас, детей, со всех сторон, и было только одно спасение – как можно быстрее отыскать под снегом клубни помёрзшего картофеля. Весна 1942 года стала для нашей семьи настоящим адом. Меня, брата Василия и родителей угнали на работы, превратив в дешёвую рабочую силу верхмата. Вплоть до декабря 1944-го семья буквально кочевала по концлагерям. Клош (Эстония) – там мы работали на зажиточных хуторян. За скудную еду до полного изнеможения на полевых работах. Затем был переселенческий лагерь в Балтийске. Никогда бы не поверила, что такое может быть, если б сама не видела тележки с телами умерших узников».

Последним пунктом скитания семьи Ранзузовых стал небольшой городок

Сало (Франция). Их устроили в барак, в отдельную комнату.

«Нам повезло – вся семья, по-прежнему, оставалась вместе. Отец получил место на молокозаводе. Мать вместе с нами – на сельхозработах.

Май 45-го докатился и до наших мест. Финляндия «откололась» от Германии… Мы с нетерпением ждали возвращения на Родину. Трагическая страница для меня и моих близких закончилась.

Мы отправились в Ярославскую область, где нас в колхозе отыскали двое старших братьев. К одному из них, что жил в посёлке в Каринторф, перебралось всё семейство. Потом вышла замуж. Перебрались в Кирово-Чепецк. Выучилась на швею… А затем – завод полимеров, 200-й цех…».

Записал В. Опиканец

// Твоя газета. – 2015. – 9 апр. (№ 15). – С. 4.

Юркина Галина Петровна

В мае, перед самой войной, умирает мама. А уже осенью поезд увозит её с отцом, сёстрами и братьями в Петрозаводск. Впереди у них – долгие три года и девять месяцев, проведённые в финском концлагере № 5…

– До войны мы жили в Никольском Подпорожского района Ленинградской области. Дом отец выстроил перед самой войной на берегу реки Свирь, что связывает Онежское и Ладожское озеро. В деревне не больше 15 домов. Папа – капитан, водил баржу по Свери. Мама умерла в мае 1941 года, ей не было и 40 лет. В семье остались шестеро детей, из которых я – самая младшая, мне нет и трёх...

Старший брат с 1922-го года рождения ушёл на фронт сразу после объявления войны. Папу не взяли – на руках пятеро детей. В августе 41-го мы оказались в финской оккупации, а уже осенью всех деревенских затолкали в вагон и отправили в Петрозаводск. Ехали недолго, всего два часа по железной дороге. Папу, старшую сестру (1929 г.р.), двух братьев (1925 г.р. и 1935 г.р.), меня (1938 г.р.) определили в концлагерь № 5, а ещё одну сестру 9 лет и тётю – в соседний, где мы и находились вплоть до самого освобождения в июне 1944 года...

В памяти осталась лишь маленькая комнатушка, в которой ютилось 3-4 семьи. На полу накидано какое-то тряпьё. Здесь и спали, здесь и ели, если, конечно, было что… Детям до 7 лет ничего не полагалось. Папа и 16-летний брат работали на лесозаготовках, лес отправляли в Финляндию. Привозили их поздно, давали какую-то баланду. Братик, что с 35-го года шустрым был, пролазил

под колючей проволокой и убегал в город. Не знаю уж точно, что он там делал, то ли пел, то ли плясал, но возвращался с финскими галетами из муки и воды.

Принесёт штучки 3-4, разложим, кому сколько достанется. Позже, когда я подросла, старшая сестра рассказывала: «Ты всё время орала, просила хлеба. Заткну тебе рот тряпкой, посажу в угол, а ты сидишь и ревёшь…». Помогло нам выжить ещё и то, что живности (вшей, блох) не было, за этим финны строго следили. Уже после войны старшие не любили вспоминать про то, что пришлось пережить за долгие 3 года и 9 месяцев в концлагере. Отец говорил лишь, что многие умирали, их сгребали бульдозером и засыпали… мы Все выжили…

Было лето. Мы ехали домой на открытой платформе, на которой много народа. Вернулись в Никольское, деревня разрушена. Отец вошёл в одну из землянок и подорвался на мине. Его контузило, он потерял слух, и в капитаны, его больше не взяли. Работал бакенщиком, зажигал фонари. После войны жизнь тоже была не сахар. Отец привёл в дом новую жену. Старшие уже работали, а нас троих младших отдали в детдом в Старой Ладоге. Правда, мачеха, сказала отцу, что я в детдоме не выживу, и уже через месяц меня забрали домой.

В 1988 году переехала в Кирово-Чепецк.

// Твоя газета. – 2018. – 12 апр. (№ 15). – С. 1–2.

Именной указатель

Бакулева Александра Михайловна 59
Балабанова Евдокия Гордеевна 60
Блинов Николай Николаевич 27
Бронников Дмитрий Васильевич 63
Брызгалов Евгений Павлович 72
Вахрушева Елизавета Александровна 74
Ворожцов Александр Сергеевич 74
Воронков Николай Петрович 84
Галушкин Николай Иванович 57
Головина Лидия Павловна 75
Голубкова Зинаида Васильевна 92
Горшков Владимир Михайлович 28
Деветьяров Николай Ильич 5
Егоршев Анатолий Яковлевич 94
Елдашов Александр Иванович 29
Ершоваа Августа Прокопьевна 76
Жуйкова Александра Александровна 67
Жуйкова Виктория Валерьевна 64
Жуйкова Надежда Петровна 104
Завалин Геннадий Макарович 30
Зорин Анатолий Михайлович 33
Зорин Павел Миронович 36
Израилев Станислав Борисович 77
Катаева Марина Дмитриевна 60
Колисниченко Иван Николаевич 38
Коновалова Евгения Павловна 85
Краев Борис Андреевич 40
Крылова Зинаида Дмитриевна 42
Кузнецов Филипп Филиппович 44
Лапшина Анна Родионовна 96
Лопатин Валентин Фёдорович 6
Малежек Михаил Константинович 9
Мальцев Григорий Тимофеевич 45
Мамаев Арсений Кузьмич 11
Марков Иван Иванович 87
Масленников Пётр Васильевич 11
Матвеев Иван Васильевич 46
Матвеева Глафира Ивановна 46
Мельников Вадим Михайлович 13
Мошонкина Анна Михайловна 88
Мясищев Владимир Иванович 98
Никонов Василий Иванович 15
Опиканец Николай Маркович 18
Орланов Григорий Фёдорович 20
Орлова Валентина Алексеевна 21
Погудина Мария Ивановна 79
Потехина Надежда Митрофановна 91
Родыгин Пётр Андреевич 47
Романов Георгий Фёдорович 48
Сиволапов Василий Васильевич 49
Стариков Григорий Васильевич 23
Труфанов Михаил Алексеевич 24
Ходырева Мария Алексеевна 80
Худякова Наталья Матвеевна 68
Шаклеина Татьяна Дмитриевна 61
Шерстенникова Нина Степановна 100
Шиляев Александр Иванович 50
Шиляев Василий Яковлевич 51
Шихова Лидия Алексеевна 101
Шустов Алексей Петрович 54
Южанина Валентина Петровна 61
Юркина Галина Петровна 105
Якименко Михаил Нефёдович 56
Яровикова Мария Ивановна 82

Содержание:

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ 5
СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ 26
Меткие стрелки: снайперы Великой Отечественной войны 57
Медицинские работники в Великой Отечественной войне 62
ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА 67
Женщины в тылу 67
С малых лет пришлось им трудиться 71
Детство, украденное войной 83
В ОККУПАЦИИ 92
ДЕТСТВО ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ 104

Бессмертный полк Кирово-Чепецка: Книги и судьбы

Сборник статей из газет «Вперёд» и «Твоя газета»
о ветеранах Великой Отечественной войны

12 +

Составитель, компьютерная вёрстка и
дизайн обложки Е. А. Перимова

Ответственный за выпуск: О. А. Горохова

Ноябрь, 2020